

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ

МОСКОВСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

MOSCOW
JOURNAL OF LINGUISTICS

Том 7 № 1

□

Этот номер посвящается А. Я. Шайкевичу

This issue is dedicated to A. Ya. Shaikevich

□

Москва

2003

ББК 81.0
М 81

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

С.И. Гиндин (главный редактор)
А.В. Дыбо
Г.Е. Крейдлин
М.А. Кронгауз
Е.В. Муравенко
В.И. Подлесская
С.А. Старостин
З.М.Шаляпина

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6, корп. 2
Институт лингвистики, редакция МЛЖ
Тел.: 973-40-09
Зав. редакцией Н. Г. Семенова

© Авторы статей
© М. Прокопович, фотография, 2003
© Московский лингвистический журнал, 2003
© Российский государственный гуманитарный университет, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

<i>Salutatio</i>	5
О нашем учителе (З.М. Шаляпина, О.А. Штернова, И.М. Хайлова, В.В. Видяпина, Г.М. Бурлова и др.)	6
Штрихи к портрету А.Я. Шайкевича — ученого и педагога (С.И. Гиндин)	9

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>М.Л. Гаспаров</i> Порядок слов «глагол-дополнение» в стихе и прозе	29
<i>М.А. Галкин</i> Отражение стилистической системы «Фауста» Гете в переводах Пастернака, Холодковского и Брюсова. (Попытка количественного анализа)	41
<i>М.В. Китайгородская</i> «Еда» в зеркале московских вывесок	55
<i>Л.Л. Федорова</i> Чат и драматический полилог: точки схождения	77

ПРИКЛАДНЫЕ РАЗРАБОТКИ

<i>В.М. Андрющенко</i> Разработка комбинированных изданий (книга+CD+Internet)	95
<i>Е.А. Иванова</i> Компьютерная филология и проблемы представления вариантов текста	106

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>З.М. Шаляпина</i> Программа курса «Проблемы и методы автоматического перевода»	125
--	-----

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АРХИВОВ

Воспоминания П.С. Кузнецова. Предисловие и комментарии <i>В.М. Алпатова</i>	155
--	-----

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

<i>С.И. Гиндин, Э.В. Серебрякова</i> Материалы к библиографическому указателю печатных работ А.Я. Шайкевича	251
---	-----

CONTENTS

GREETINGS & REFLECTIONS

Salutatio	5
Our teacher (Z.M. Shalyapina, O.A. Shternova et al.)	6
Anatoliy Shaikevich as scholar and teacher: a sketch of a portrait (S.I. Gindin)	9

STUDIES

M.L. Gasparov Verb-object word order in verse and in prose	29
M.A. Galkin The stylistic system of Goethe's «Faust» in Russian translations by Pasternak, Kholodkovsky and Bryusov: An attempt at quantitative analysis	41
M.V. Kitajgorodskaya Food names on Moscow sign-boards	55
L.L. Fyodorova Chat and Dramatic Polylogue: Similarities and Differences	77

APPLICATIONS

V.M. Andryuschenko Book + CD + Internet: Developing of combined editions	95
E.A. Ivanova Computer philology and the problems of textological variants presentation	106

PROBLEMS OF LINGUISTIC EDUCATION

Z.M. Shalyapina The problems and methods of Mashine translation: a syllabus	125
--	-----

LINGUISTIC ARCHIVES

Piotr S. Kuznestov: Autobiography. With the Inrtroduction and Comments by V.M.Alpatov	155
--	-----

SOURCES & REFERENCE MATERIALS

S.I. Gindin, E.V. Serebryakova Publications by A.Ya.Shaikovich: Bibliographical guide draft	251
--	-----

Salutatio

Уже добрых четыре десятилетия наша наука и московская лингвистическая жизнь непредставимы без Анатолия Яновича Шайкевича — без его исследований и учебных пособий, идей и научных открытий, увлекательных лекций, страстных полемических выступлений.

2003 год для Анатолия Яновича юбилейный. Редколлегия «Московского лингвистического журнала», авторы и публикаторы этого номера рады возможности поздравить нашего дорогого коллегу, друга, учителя и подарить ему скромные плоды своего труда. Журнальные площади ограничены, и мы — увы! — не могли пригласить на свои страницы всех желающих поздравить и поблагодарить именинника. Зато многогранность научного и педагогического творчества юбиляра дали нам право сохранить в этом номере все основные традиционные рубрики «Московского лингвистического журнала». А, значит, —

вся лингвистика приветствует и поздравляет Вас,
Анатолий Янович!

**ПРИВЕТСТВИЯ
И РАЗМЫШЛЕНИЯ**

О нашем учителе

Анатолий Янович Шайкевич – наш первый учитель языкоznания. Нам, поступившим на Отделение машинного перевода (впоследствии переименованное в Отделение прикладной лингвистики) МГПИИЯ им. М.Тореза в 1964 г. очень повезло: три года Анатолий Янович читал нам все базовые лингвистические дисциплины – «Введение в языкоzнание», «Историю языкоzнания», «Общее языкоzнание» и «Компаративистику».

Нашему курсу вообще везло с учителями: математику нам преподавали Георгий Владимирович Дорофеев и Владимир Иосифович Френкель, латынь и древнегреческий – Беатриса Борисовна Ходорковская, различные аспекты английского языка – такие знатоки, как Виктор Аронович Каплан, Мария Ивановна Гордеева, Мендель Наумович Клаз, Гелий Васильевич Чернов. Философию мы могли слушать у Владимира Алексеевича Карпушина, лингвистические спецкурсы – у Арина Борисовича Долгопольского, Бориса Викторовича Сухотина, Виталия Викторовича Шеворошкина, Юрия Владимировича Рождественского, Себастьяна Константиновича Шаумяна, Анатолия Леонидовича Васильевского... Мы ездили в МГУ на лекции Андрея Анатольевича Зализяка и Николая Ивановича Жинкина, слушали в ВИНИТИ доклады Владимира Андреевича Успенского и Юлия Анатольевича Шрейдера, проходили летнюю практику у Нины Давидовны Арутюновой, Нины Николаевны Леонтьевой и Юрия Семеновича Мартемьянова, писали курсовые и

О нашем учителе

дипломные у Виктора Юльевича Розенцвейга, Игоря Александровича Мельчука, Александра Константиновича Жолковского, Александра Давидовича Швейцера...

Но Анатолий Янович сверкал даже на этом великолепном фоне. И дело не только в том, что он – блестательный лектор, умеющий так подать материал, что студенты заслушиваются. Важнее, какой это материал. Анатолий Янович дал нам столь всеобъемлющее лингвистическое образование, что оно не устарело и через 40 лет.

Уже тогда, в 1964-65 годах, он излагал нам теорию составляющих как классическую; а ведь еще не успели выйти из печати даже знаменитые «Аспекты теории синтаксиса» Н.Хомского. Теорию зависимостей, которая только-только формировалась, мы, благодаря Анатолию Яновичу, освоили настолько, что в дальнейшем могли свободно работать в ее парадигме. Он сумел объяснить нам понятие значимости, которое и поныне остается одним из самых сложных в теории языкового знака Ф. де Соссюра. Его лекции по семантике дали нам весь необходимый фундамент, чтобы понять и по достоинству оценить рождавшуюся как раз в те годы теорию лексических функций А.К.Жолковского и И.А.Мельчука.

С самого начала А.Я.Шайкевич держал нас в курсе всех лингвистических новинок, а его лекции были фактически научными семинарами: мы могли в любой момент не только задать вопрос, но и предложить свое решение рассматриваемых проблем, – зная, что оно будет разобрано со всей серьезностью и уважением к автору. Уже на первом курсе Анатолий Янович предложил нам – всем двадцати! – темы для курсовых работ. Те, кто руководил курсовыми, знает, какой это труд, даже когда их пишут студенты третьего-четвертого курсов, которые уже чему-то научились. Что же говорить о нас – совсем еще зеленых первачках? А ведь это руководство даже не включалось в расчет учебной нагрузки: тогда, как и сейчас, курсовые на первом курсе не предусматривались. Так что Анатолий Янович работал с нами бесплатно – просто потому, что считал это нужным для пользы дела.

З. М. Шаляпина, О. А. Штернова, И. М. Хайлова и др.

Анатолий Янович вообще всегда делал – и делает – то, что считает нужным и справедливым. Даже если этим навлекает на себя хлопоты, для него самого совершенно лишние (когда, например, по пять раз устраивает переэкзаменовки, превращая их в бесплатные индивидуальные занятия, чтобы все же научить бесполковых студентов тому, что те не сумели усвоить из лекций) или рискует испортить отношения с людьми, в том или ином плане влиятельными (например, когда его оценка достоинств или недостатков очередной обсуждаемой диссертации не совпадает с мнением «научной общественности»).

Так что учились мы у него не только лингвистике, но и научной и человеческой этике, бескорыстию, принципиальности и широте мышления. Сердечное спасибо и низкий поклон Вам, Анатолий Янович!

Как и все Ваши ученики, мы от всего сердца поздравляем Вас с юбилеем и желаем Вам доброго здоровья и дальнейших успехов в Вашей научной, просветительской и воспитательной деятельности. Будьте счастливы!

*З.М.Шаляпина, О.А.Штернова (Максимова), И.М.Хайлова, В.В.Видяпина (Пудова),
Г.М.Бурлова (Костенок), М.Г.Шаталова
(Вяткина), А.Д.Бакулов.*

С. И. Гиндин

Штрихи к портрету А. Я. Шайкевича — ученого и педагога

Анатолий Янович Шайкевич не облегчает задачу тем, кто захочет написать о нем, проследить его путь в науке. Никаких широковещательных публикаций в массовой прессе, ни одного автобиографического или мемуарного отступления. Да что там — даже и сборника ни одного не издано — читателю все его публикации приходится разыскивать по первоизданиям.¹

Пускаться в путь без таких подсказок трудно, и мой очерк неизбежно будет страдать неполнотой и гипотетичностью. Но когда-то надо начать, а кому исправить — всегда найдется... На моей стороне, по крайней мере, давнее — с почти «слепого» издания первых выпусков «Истории языкознания» 1963—1964 гг. и с проштудированной в 1967 г. статьи 1963.2 — знакомство с трудами Анатолия Яновича и неизменное уважение к нему и к его делу.

¹ Помочь в таком розыске призваны завершающие этот номер журнала «Материалы к указателю печатных работ А.Я. Шайкевича: 1961—2003». Все ссылки на работы А.Я. в моем очерке ниже даются по этим «Материалам». Двойной номер работы (подчеркнутый, но не заключаемый в квадратные скобки) при таких ссылках состоит из года ее издания и номера ее описания среди описаний других публикаций того же года.

«Идти своим путем...»

В перечне трудов А.Я. практически нет разовых, проходных тем. Ко всему, что привлекало его мысль, исследователь рано или поздно обращается снова. Так было и с компаративистикой (ср. [1965.1](#) и [1980.1](#)), и с исторической ономастикой ([1970.5](#) и [1996.2](#)), и с проблемами структуры словарей ([1981.2](#); [1983.1](#), гл.2; [2000.1](#) и др.). Но большая часть научных публикаций А.Я. так или иначе связана с лингвостатистикой, с применением количественных методов к исследованию языковых и информационных явлений.

В поколении, входившем в советскую лингвистику во второй половине 1950-х годов, обращение к статистике, к измерению, к числу поначалу было скорее правилом, чем исключением. Сказались авторитет естественно-научного знания («Что-то физики в почете» — Б. Слуцкий), начинавшаяся мода на кибернетику, надежды, пробужденные недавно возникшей «теорией информации», и — главное — отталкивание от идеологизированного плетения словес в работах предшествующего периода. Статистику, измерение использовали тогда и те ученые, которые впоследствии никогда о них даже не упоминали (см., напр., статьи И.А.Мельчука и Е.В.Падучевой в книге [Вопросы 1958]). К концу 1960-х годов насчитывалось уже свыше 1000 публикаций по лингвостатистике [Ермоленко 1970], и среди них ряд фундаментальных по масштабу и результатам.

Но за любым массовым увлечением обычно следует спад, разочарование. Не избежала этого и лингвостатистика, кризис в которой А.Я. предсказал уже в тезисах [1969.4](#). Категоричный приговор прозвучал из собственных рядов: «...место, которое статистические методы занимают в лингвистике сегодня, не приводит к плодотворности их для теоретической лингвистики» [Фрумкина 1975. С. 130]. В 1970-е годы от лингвостатистики навсегда отошли не только те, для кого она была мимолетным увлечением, но и те из «общих лингвистов», кто прежде занимался ею профессионально и добился серьезных успехов. И только М.Л.Гаспаров в стиховедении и А.Я.Шайкевич в собственно языкове-

Штрихи к портрету А. Я. Шайкевича

дении не покинули знамен статистики и трудом долгих лет доказали ее плодотворность и жизненность.

В этой верности избранному пути — верности наперекор всем колебаниям научной моды и конъюнктуры — мне видится пример, особенно значимый для нынешнего рыночного времени. И дело тут не только в завидной внутренней независимости. В рецензии на книгу Н.Д.Андреева А.Я. констатировал: «...болезнь лингвистики середины XX в. — безудержное продуцирование идей <...> без фактической подкладки, без проверки фактами» ([1969.5 С.128](#)). «Проверка фактами» действительно значительных идей часто требует труда подвижнического. Принятие на себя ответственности за проверку выдвинутых идей, за получение реальных результатов от применения предложенных методов — тоже пример не для слабых.

Лингвостатистика — инструмент открытия языка

После того, как думающие лингвисты и филологи в середине 1970-х годов в массе своей отвернулись от количественных методов, поток статистических исследований не иссяк, но разбрался на два почти не сообщающихся между собой русла: «математическое» и «эмпирическое». «Математики» занимались изучением выявленных на лингвистическом материале статистических распределений (напр., знамени того закона Ципфа-Мандельброта), «эмпирики» — составлением многочисленных частотных словарей для различных специальных «подъязыков». И то, и другое стало фактически самодовлеющим занятием, изолированным от происходившего тогда в собственно лингвистике. Помню, как в Лабораторию машинного перевода МГИИЯ им. М. Тореза приехал на консультацию исследователь, составивший частотный словарь терминов музыказнания. Итоги консультации один из сотрудников Лаборатории подвел так: «Сначала составил словарь, а потом спрашивавший, что с ним делать».

«Математическому» направлению лингвостатистики А.Я. противопоставил себя еще в тезисах 1969 г., сказав, что его интересует не соблюдение статистических закономерностей в речи, а их

нарушение (ср. также [1976.2](#). С. 357; фактически А.Я. продолжил здесь традицию статистических исследований, заложенную в метрике Б.В. Томашевским и Г.А. Шенгели). Но и унылая эмпирика числовых масс, непонятно как соотносимых с природой и устройством языка, чужда ему в еще большей мере. Его работы — не статистические выкладки на лингвистическом материале, а всегда применение статистики именно для исследования языка. Недаром в них охвачены едва ли не все аспекты языковой системы — от морфемики и структуры словосочетаний ([1970.1](#); [1976.1](#)) до структуры целого текста ([1978.1](#)), стилистической ([1968.5](#); [1979.1](#)) и отчасти социолингвистической ([1974.1](#). С. 158—161 и другие статьи) дифференциации языка. Не остались вне поля его статистических исследований и межъязыковое сопоставление ([1999.1](#)), и узловые проблемы компаративистики ([1980.1](#). С. 323—327).

В работах А.Я. лингвостатистика не противостоит традиционной «качественной» лингвистике, а органически встраивается в ее внутреннюю эволюцию. Большинство лингвостатистических исследований А.Я. — по крайней мере, все, опубликованные до начала 1980-х годов и обобщенные в, увы, неизданной докторской диссертации 1982 г., — выполнены в русле предложенного им дистрибутивно-статистического анализа (см. [1976.2](#); [1982.1](#)).

При таком подходе статистика выступает как естественное дополнение и единственно возможный инструмент практического воплощения идей и алгоритмов объективного открытия («реконструкции», «десифровки») системы языка по совокупности текстов. Как известно, эта задача была поставлена в 1930—1940-е годы американскими дескриптивистами, но затем их идеи и методы в результате критики Н. Хомского и его последователей были сочтены устаревшими и сняты с повестки дня. Дистрибутивно-статистический анализ А.Я. Шайкевича способствует восстановлению преемственности развития лингвистики и лишний раз свидетельствует, что подлинно значительные задачи и идеи в ней с приходом новых направлений не теряют значимости и не снимаются с повестки дня.

«Надо... увидеть мир, каков он есть»

Приверженность последовательно «дешифровочному» дескриптивистскому подходу безусловно оправдана уже его практической значимостью для изучения бесписьменных языков и решения задач информатики. Мотивирована она и с исторической точки зрения (напомним, что А.Я. принадлежит едва ли не лучшее на русском языке изложение идей дескриптивистов — см. [1968.4](#); по устному свидетельству Р.М.Венцковича, данный выпуск написан А.Я. единолично). Но для А.Я. дистрибутивно-статистический анализ, как кажется, обладает и особой нравственной притягательностью.

Обычные описания языков, создаваемые лингвистами, — всегда опосредованы как собственными взглядами, приемами, способностями исследователей, так и теми научными и идеологическими традициями, которые исследователи вольно или невольно разделяют. А.Я. больше привлекает **открытие языка**, узнавание того, каков язык **на самом деле**. Приведу только одну, но характерную выдержку: «Обычно предполагается, что <...> дело лингвиста — довести свое интуитивное владение смыслом до такой степени расчлененности и эксплицитности, которая соответствовала бы взыскательности самого исследователя и его коллег. Значительно реже исследование направлено <...> на **открытие чего-то** такого в семантике, что **было неизвестно лингвисту** до начала исследования» ([1976.2](#). С. 353—354).

Ценя классификации как «способ краткого выражения богатой информации», А.Я. особенно удачной считает такую классификацию, которая «позволяет **обнаружить** самые **существенные стороны** изучаемых явлений» ([1980.1](#). С. 319-320; подчеркнуто всюду мной — С.Г.). Отсюда же его настойчивые попытки внедрить в лингвистику привычное для биологии понятие естественной классификации ([1978.1](#); [1980.1](#)). Стремление увидеть язык, каков он есть, может быть, еще очевидней в тех количественных исследованиях А.Я., которые посвящены скорее не системе языка, а его узусу: истории распространения

С. И. Гиндин

русских личных имен ([1970.5; 1996.2](#)), лексическому своеобразию прозы великих русских романистов третьей четверти XIX в. ([1999.2; 2001.2](#)).

В библиометрических опытах восьмидесятых годов внимание исследователя с языка переносится на мир — на различные коммуникативные процессы и системы. Но вопрос задается по сути все тот же: «А как в действительности?». Что такое перевод книг как процесс коммуникативного обмена? — в статье [1987.1](#). Из чего реально состоит и как структурирован интернациональный фонд научно-технических словарей? — в разделе 1 книги [1986.2](#). И даже: как на деле пользуются (и пользуются ли вообще) терминологическими словарями те, для кого они создаются — переводчики, ученые, инженеры? Для ответа на последний вопрос А.Я. (кажется, единственный раз) применил анкетирование ([1986.2](#), раздел 2).

Служба методической безопасности

Стремление увидеть язык без шор «предназначения» имеет для работ и концепций А.Я. два важных следствия — методическое и предметное. Обратимся сначала к методическому.

Нечастое для отечественных «лингвостатистиков» разнообразие применяемых статистических методов — от корреляционного ([1969.3](#)) и кластерного (уже в [1963.2](#)) до дисперсионного ([1974.1](#)) — сочетается в работах А.Я. с величайшей тщательностью содержательного контроля за их применением, в том числе — и на промежуточных этапах работы. В качестве примера укажу на рассуждение о «ловушках», которые скрываются в «суммарных данных», и опровержение вывода о постепенном увеличении частоты поля {Суд} у позднего Шекспира ([1974.1. С. 146—147](#)).

На этом фоне становится понятным появление у А.Я. специальных «мета»-исследований о границах и возможностях тех или иных статистических инструментов и методов ([1970.6; 1980.1](#)). И не случайно именно им было введено понятие **интервала текста** ([1969.3; 1970.2](#)), как кажется, принципиально реформирующее методику наблюдений за распределением языковых единиц.

Штрихи к портрету А. Я. Шайкевича

Методическая зоркость А.Я. не замыкается пределами собствен-но статистических процедур, а распространяется на всю сферу дея-тельности лингвистов. В этом отношении очень поучительны его ре-цензии на новинки лексикографии (1981.2; 2000.1), наблюдения над устроемством терминологических словарей (1983.1, гл. 2—3), обрисо-ванная в (1986.1. С. 228) процедура определения согласованности текста с различными словарями, а также методика составления и орга-низации библиографического указателя, примененная в 1986.2.

Многие ли из нас задумывались над тем, что сам «обычай давать определения в словаре» может оказывать влияние на наши представ-ления о лексико-семантической системе языка (1986.1. С. 227)? И кто из профессионалов статистики заметил бы, что в лингвистическом кор-пусе Машинного фонда наряду с некоторыми полными текстами и «мно-жеством небольших выборок <...> по 100—200 слов» должны присут-ствовать отбираемые «как бы по старинке» самими лексикографами отдельные «интересные примеры из остальной литературы» (1986.1. С. 230)? А ведь вывод этот опирается не только на знание традицион-ной лексикографической техники, но и на точное знание статистичес-кой структуры лексики языка.

Исследуя язык, не забываю о текстах

Второе следствие из присущего А.Я. стремления видеть язык «ка-ков он есть», как упоминалось выше, является предметно-содержатель-ным. Впрочем, присутствует в нем и аспект методический. В класси-ческом дескриптивистском подходе единственным предметом и целью лингвистического исследования является система языка. Тексты на ис-следуемом языке фигурируют в описаниях дистрибутивных методик лишь как объективная данность и исходный материал исследования, но сами по себе лингвиста не интересуют (некоторое исключение здесь составляют лишь работы [Harris 1952], появившиеся уже на излете развития американской дескриптивной лингвистики).

Подобное положение сохранялось и в тех отечественных опытах статистического реконструирования языка по текстам, которые А.Я. не

С. И. Гиндин

раз (см., напр., 1982.1) отмечал как родственные его собственному подходу, — у Н.Д. Андреева и Б.В. Сухотина. В работах школы Н.Д. Андреева (напр., [Статистико-комбинаторное... 1965]) отдельные тексты или совокупности текстов одного автора рассматривались лишь в аспекте их влияния на конечные результаты реконструкции языка. В работах Б.В. Сухотина (напр., [Сухотин 1976]) индивидуальные особенности текстов вообще, как кажется, даже не упоминаются: очевидно, предполагалось, что при большом объеме исходного корпуса они должны нивелироваться.

Не трудно увидеть, что при подобной «унитарной» трактовке предмета лингвистического исследования уже сам язык становится шорами, заслоняющими многообразие языковой и речевой действительности. Для А.Я. это тем более не приемлемо, что именно тексты — «единственное <...> достоверное, фактическое в языке» (1986.1. С. 227). А.Я. почти с самого начала своих дистрибутивно-статистических штудий расширяет рамки и задачи дескриптивно-декодировочного подхода. Текст для него не только материал, но и предмет исследования. Так, разграничение лексики персонажей в исследованиях, выполненных на материале шекспировских комедий (начиная со статьи 1974.1), — подступ не только к социолингвистической дифференциации английского языка елизаветинской эпохи, но и к внутренней парадигматике каждого из рассмотренных текстов. Исследование распределения лексики внутри английского сонета и онегинской строфы (1978.1) — способ реконструкции их синтагматического членения.

А между текстом и системой языка в реальности, как известно, выстраивается целая лестница промежуточных лингвистических образований, издавна интересующих лингвистов. В поле зрения А.Я. и его учеников входят не только функциональные стили (1966.2–3, 1968.5), но и речевой жанр патентной формулы (1970.1), лексическая специфика поэтического направления и поэтического идиолекта [Абрамова 1973]. С особой широтой и полнотой эта плуралистичность целей и предметов дистрибутивно-статистического исследования проявилась в работах А.Я. в 90-е годы. Их предметом становится и внутреннее разделение текста на «микрожанры» (1999.2; 2001.2).

Штрихи к портрету А. Я. Шайкевича

С. 131—133), и идиолект персонажа (1995.2), и лексика одного литературного направления в синхронных разноязычных вариантах (1999.1), и дифференциация идиолекта по родам речевой деятельности — не вполне удачно названным «макрожанрами» (1996.1; 2001.2). Для этих исследований создаются и модифицируются специальные исследовательские инструменты: дифференциальный частотный словарь, обратный частотный словарь, словарь бинарных словосочетаний, таблицы текстуальных связей слов и пр. Каждый из затрагиваемых лингвистических объектов изучается посредством сравнения с другими явлениями того же уровня (лексика Пушкина и Мицкевича в 1999.1 и словники разных микрожанров у Достоевского в 2001.2. С. 131—133) или со средним фоном (выявление «маркеров» прозы Достоевского — 2001.1. С. 148—149). Постоянное сравнение рельефнее высвечивает лингвистическое своеобразие изучаемых явлений, хотя каждое из них необычайно привлекательно и само по себе.

Плюралистичность видения языковой реальности определяет скептическое отношение А.Я. к ряду популярных новейших лингвистических понятий и концепций монистического, унитарного характера. Скептическое отношение к понятию «языковой личности» засвидетельствовано в тезисах (2002.1), но те, кто слышал соответствующий доклад, могли убедиться, что оно в равной степени распространяется и на популярное сегодня представление о существовании якобы единой «языковой картины мира».

«...завоевал нам просвещенье...»

Не только направление научных занятий выделяет А.Я. среди других видных лингвистов его поколения. Большинство из них в годы оттепели попали в академические институты и с тех пор, при всех превратностях судьбы, не покидали сугубо научного поприща. А.Я. смолоду избрал стезю преподавательскую, на научную работу прикладного характера вынужденно перешел, когда ему было уже под пятьдесят, а в академический институт был впервые приглашен лишь в перестроенное время. Наверное, это помешало ему в выполнении исследователь-

С. И. Гиндин

ских замыслов и преуменьшило в итоге объем его научной «продукции». Но зато мы можем с полным правом говорить сегодня о педагоге Шайкевиче как особом явлении московской лингвистической жизни и культурной истории.

Лишь частично о масштабе этого явления можно судить по изданным А.Я. учебным текстам. К счастью, А.Я. удалось опубликовать и вводный курс языкоznания (1995.1), и масштабный, несмотря на вынужденную незавершенность, учебник по истории лингвистики (совместно с Р.М. Венцковичем, см. выпуски от 1963.1 до 1974.6), а также хрестоматию для курса «Общее языкоznание» (1965.1). Трудности, стоявшие перед А.Я. при создании этих пособий, были диаметрально различны по своей природе: от недостатка и от избытка.

При создании «Истории языкоznания» ему и Р.М. Венцковичу приходилось быть первопроходцами. Существовала, правда, хрестоматия В.А. Звегинцева, но историко-лингвистических учебников, если не считать переведенной перед войной книги В. Томсена, не было. Опыты других авторов (Н.А. Кондрашов, Я.В. Лоя) появились тогда, когда выпуски Венцковича—Шайкевича выходили уже третьим, а то и четвертым изданием.

Традиции пособий по курсу общего языкоznания в 60-е годы не было совсем. Да и нынче, после выхода ряда учебников, его границы и наполнение нельзя считать устоявшимися. Решение А.Я. сделать основой этого курса подробное знакомство с компаративистикой было новаторским. А аналогов хрестоматии 1965.1 мне лично и среди позднейшей отечественной учебной литературы встречать не приходилось.

Совсем иначе обстояло дело с курсом «Введение в языкоznание». В 1967 г. в четвертый раз было издано (и сильно дополнено) классическое пособие А.А. Реформатского, в 1975 г. впервые увидел свет учебник Ю.С. Маслова. Широкое распространение имели и некоторые другие учебники. На таком фоне приняться за создание нового учебника мог только человек, обладающий огромным преподавательским опытом, даром конструктивного анализа и сопоставления ранее реализованных подходов и собственным оригинальным взглядом на задачи и состав курса.

Штрихи к портрету А. Я. Шайкевича

Увы, распространение и влияние выпусков «Истории языкоизучания» ограничивалось ведомственной формой их публикации, а «Введение в лингвистику» было издано много времени спустя после написания и после слома наложенной системы книгораспространения. Поэтому подлинное влияние книг А.Я. на наше лингвистическое образование, будем надеяться, еще впереди. Зато главный результат его педагогического труда явлен нам уже многие годы: это выученные (наставленные, образованные) им люди. За два — кажется, даже с гаком — десятилетия, что А.Я. преподавал на педагогических факультетах в московском ИНЯЗе (МГПИИЯ, нынешнем МГЛУ), его науку прошли сотни студентов, ныне работающих в самых разных и порой неожиданных местах. (Для примера замечу в скобках, что его студентами были ряд будущих создателей и ведущих сотрудников радиостанции «Эхо Москвы»). И для многих из них А.Я., по их собственным отзывам, стал не просто одним из многих преподавателей, но Учителем, оказав решающее влияние на формирование их культурного кругозора, мировоззрения, жизненного стиля. В этом номере «Московского лингвистического журнала» помещено подобное признание группы бывших студенток инъязовского Отделения прикладной лингвистики [Шаляпина и др. 2003]. Но для них лингвистические курсы хотя бы изначально представлялись основой будущей профессии. А ведь большей частью А.Я. преподавал на языковых педагогических факультетах, где лингвистика a priori воспринималась как скучная премудрость «для галочки», мало связанная с будущей практической работой.

Преподавательское искусство (и, добавим, педагогическое обаяние) А.Я. сделали его подлинной достопримечательностью тогдашнего МГПИИЯ. Его требовательность вошла в легенду. Мне приходилось слышать рассказы выпускников семидесятых годов о том, как на старших курсах самые свирепые экзаменаторы, случайно раскрыв зачетку испытуемого на пятерке, поставленной А.Я., вопрошали-восклицали: «Вам Анатолий Янович пятерку поставил?!» — и, не дожидаясь ответа, сами обрывали экзамен и тоже ставили «отлично»...

**«... с юными, кто не успел еще
все на земле унаследовать...»**

Требовательность — принцип общепедагогический. А чем руководствуется А.Я., раскрывая студентам специальный предмет их занятий: язык или историю лингвистики? Что говорят о методических и дидактических принципах А.Я. его учебники и рассказы его бывших студентов?

Представляется, что и в преподавании он верен своему стремлению видеть язык «каков он есть». В науке это стремление обязывало очищать, освобождать язык от всего, что его заслоняет. А в преподавании, когда надо не только увидеть самому, но **показать другим** людям (причем, как правило, совсем не подготовленным к тому, чтобы видеть), это же стремление побуждает А.Я. как можно полнее восстанавливать ту систему связей, в которую язык включен в реальном своем существовании. Курс «Введение в лингвистику» в его «исполнении» насыщается историческим, географическим, культурным материалом и фактически становится еще и своеобразным общеобразовательным «Введением в гуманитарное знание». Сейчас, когда образовательный уровень поступающих по сравнению с поздне-советским временем снизился, эта тенденция во вводных курсах А.Я. (в новом московском Институте иностранных языков — не в МГЛУ), по его собственным свидетельствам, сознательно им усиливается.

Аналогичным образом, и история языкоznания в лекциях А.Я. оживала в знакомстве с реальными трудами героев курса и включалась в контекст общей истории страны и народа. В руках А.Я. студенты видели (а желающие даже получали для чтения) находившуюся в те годы в спецхране книгу А.М. Селищева «Язык революционной эпохи», слышали подробный рассказ о борьбе с «буржуазной контрабандой в языкоznании» и т.п.

Штрихи к портрету А. Я. Шайкевича

Включение языка в жизненный контекст его существования ни в коей мере не снижает полноты и точности представления собственно лингвистической проблематики. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с учебником 1995 г. В своем «Введении» А.Я. первым порвал с синхроническим уклоном, общим для всех учебников 1950-х—1960-х гг., и посвятил целую главу «генетической лингвистике». В разделе, где объясняется понятие литературного языка, появились примеры мены языка у индейцев при выходе на тропу войны. Подобных дополнений и уточнений по сравнению с предшествующими учебниками во «Введении в лингвистику» немало. И ценность их тем больше, что учебник А.Я. в отличие от большинства лингвистических учебников последних лет не ориентирован на будущих «цеховых» языковедов, а предназначен для «обычных» филологических и языковых факультетов

Самое впечатляющее и принципиальное из новшеств учебника А.Я. — завершающая глава с обзором языков мира. До сих пор как-то молчаливо принималось, что вводный лингвистический курс должен на примерах из конкретных языков давать знание об устройстве языка вообще, но не о самих этих языках. Даже в главах о классификации языков предметом изложения была именно классификация, а языки выступали как нерасшифровываемые значки, стоящие в узлах или клеточках классификации. А.Я. решительно нарушил эту традицию. Его учебник говорит не только о том, что бывает в языке и с языком, но и о том, какие реально существуют языки. Конечно, о каждом из упоминаемых языков (или их групп) удается сообщить немного. Но зато сообщаемые сведения живые — не только структурный тип языка, но и его ареал, и важнейшие сведения из истории языка и говорящего на нем этноса. Даже в микрхарактеристиках А.Я. умудряется возвращать язык в жизнь, в культуру, в историю. Ясно, что начинающим лингвистам, филологам, педагогам такие характеристики усваивать и запоминать легче, и лингвистика перестает им казаться отгороженной от общегуманитарного знания.

Возмутитель ученого спокойствия

И еще одному учит и учит своих студентов А.Я. — исподволь, не акцентируя на этом внимания, но неуклонно: не принимать никаких научных утверждений на веру, даже если они напечатаны в учебнике или высказаны общеобожаемым лидером. Его критический скальпель молниеносен и неотвратим.

Мне довелось убедиться в этом самому, когда я единственный, увы, раз слушал А.Я. из-за студенческой партии. Помнится, что это было на третьем курсе, когда А.Я. заменил у нас заболевшего преподавателя. Зашел общий разговор о нашей учебе, и кто-то из студентов — не помню, в какой связи, — сказал, что подлинной формой существования языка можно считать лишь звуковую. Нечто подобное мы слышали на первом курсе во «Введении в языкознание», тезис этот восходил к младограмматикам и был освящен авторитетом Соссюра.

А.Я. остудил нашу убежденность одной репликой, примерно следующего содержания: — А как же вы тогда собираетесь заниматься машинным переводом? Вы, что же, не с языком будете иметь дела?

Эту педагогическую по природе склонность А.Я. переносил и в научную жизнь. Ученицы А.Я. пишут в этом номере [Шаляпина и др. 2003] о том, какой след оставили в их душах выступления А.Я. на обсуждениях диссертаций. Хрущевские времена окончательно сменились брежневскими, на научных конференциях дискуссии становились все большей редкостью, а защиты диссертаций превращались в мертвый ритуал. Но в тогдашнем МГПИИ все от студентов до председателя совета знали: если на предзащитите или защите оппонентом выступает А.Я. — разговор пойдет по делу и без обиженников, и соискателю действительно придется защищаться.

Печатные рецензии А.Я., естественно, больше зависят от принятых условных норм. Но и в них позиция рецензента всегда заяв-

Штрихи к портрету А. Я. Шайкевича

лена, и панегирика рецензируемым авторам ждать не приходилось и не приходится. Но при этом (в отличие от распространенного сегодня рецензентского хулиганства) А.Я. писал и пишет, «правду со-блюдая»: удачи будут оценены по достоинству, а критические заме-чания всегда обоснованы.

В своих оценках А.Я. всегда независим, не обращая внимания ни на партийные пристрастия, ни на мнение господствующего большинства или меньшинства. Свидетели развития нашей структурной линг-вистики помнят ожесточенную борьбу прогрессивно настроенных мос-ковских и ленинградских ученых с группой Н.Д. Андреева. По идеоло-гическим взглядам критики Андреева были, надо думать, ближе А.Я. Но когда они подвергли новую книгу Андреева форменному разгрому [Гладкий, Дрейзин 1968], А.Я. к хору не присоединился. В его собствен-ном подробном разборе книги Андреева четко сказано о ее «слишком явных недостатках», но одновременно указано и на то, что «ни один исследователь в области лингвостатистики и формальной лингвисти-ки не сможет пройти мимо этой книги» (1969.5. С. 128).

Эту независимость взгляда и поведения А.Я. сохраняет и сегодня. Присутствовавшие в июне 2001 г. на VIP-конференции «Языкоzнание sub specie русистики» помнят, наверное, как после доклада А. Вежбиц-кой (см. [Вежбицка 2002]) многие слушатели стали задавать вопросы и приводить примеры, движимые единственным стремлением продемон-стрировать свое единомыслие с популярным докладчиком. И только А.Я. с первого вопроса, касавшегося привлеченных докладчиком па-ремийных источников, не побоялся обнаружить отчетливо скептиче-ское отношение к докладу. Ведущий заседание, воспользовавшись ус-тановленным из-за обилия жаждущих слова жестким регламентом, пре-рвал вопросы А.Я. и не дал состояться очень нужной и, быть может, плодотворной дискуссии.

«...влиять на все, что окружает нас»

Ученый и педагог такого калибра, как А.Я., поневоле становится и фигурой общественной. Совершенно особая роль принадле-

С. И. Гиндин

жит А.Я. в истории того замечательного феномена в жизни московской лингвистики 1950-х — 1970-х годов, который когда-нибудь назовут «Остоженским (или Метростроевским) лингвистическим сообществом». В силу тематической специфики в I МГПИИ издавна были собраны немалые лингвистические силы. Напомню хотя бы имена Я.И. Рецкера, И.В. Рахманова, З.М. Цветковой, Л.С. Бархударова, Э.Г. Ризель, Е.И. Шендель... Но все они были рассредоточены по множеству языковых и переводческих кафедр и разобщены. Проведение в Институте известной Конференции по машинному переводу (см. [Тезисы 1958]), организация на базе Института Объединения по машинному переводу, а особенно создание учебного Отделения машинного перевода (позднее — прикладной лингвистики) на переводческом факультете и научной Лаборатории машинного перевода способствовали консолидации и заметно повысили роль ИНЯЗа в лингвистической жизни Москвы. На заседания Лаборатории и на страницы издаваемого ею сборника «Машинный перевод и прикладная лингвистика» потянулись формально не служившие в ней молодые сотрудники академических институтов — и языковеды, и математики. Они же стали преподавать на Отделении. Научные конференции, проводимые ИНЯЗом, стали на какое-то время едва ли не самыми интересными по тематике и самыми представительными по составу.

На общий ход культурной и идеологической жизни страны не мог не затронуть этот нарождавшийся лингвистический центр. Отделение и Лаборатория задумывались как единый организм и поначалу имели общего руководителя — В.Ю. Розенцвейга. Вскоре после известных встреч Н.С. Хрущева в 1963 г. с деятелями литературы и искусства произошло переподчинение Отделения Кафедре общего языкознания и большинство читавших на Отделении его покинули. Возникло противостояние лингвистики узаконенной (Кафедра) и полупризнанной, едва терпимой (Лаборатория). Пострадавшими оказались студенты. Они очутились в вакууме, с одними преподавателями языка и математики, совершенно не зная, как готовить себя к предполагаемой специальности.

Штрихи к портрету А. Я. Шайкевича

В 1965 году (если не ошибаюсь, весной) было созвано представительное совещание по обсуждению ситуации на Отделении, где, кажется, в последний раз встретились в открытом разговоре былие создатели и новые руководители Отделения. Участвовали и студенты. В.Ю. Розенцвейг начал свое выступление словами: «Моя фамилия Розенцвейг. Я на этом отделении не работаю».

Ситуация с профессиональной подготовкой будущих прикладных лингвистов вырисовалась отчаянная, но никаких реформ после совещания не последовало. Только прежний ответственный за Отделение, преподаватель Кафедры Г.С. Клычков в обиде на выступавших отказался от своих обязанностей. И тогда курирование этого опасного участка было поручено на Кафедре — едва ли не виде наказания — А.Я.

Положение его было, прямо скажем, хуже губернаторского. Действовать и что-то делать для студентов он мог только в силу своей принадлежности к стороне официальной. А живая лингвистическая мысль и практический опыт специальности были у противоположной стороны, лидер которой подчеркнуто отстранялся от Отделения. И все же А.Я. сумел привлечь всех, кто готов был реально работать, и открыть студентам то пиршество выбора, о котором вспоминают в начале своего поздравления его тогдашние студентки [Шаляпина и др. 2003]. Когда же года через четыре курирование Отделения прикладной лингвистики передали другим сотрудникам Кафедры — половина этих возможностей сразу была обрублена. А к середине семидесятых Отделение прикладной лингвистики и вовсе было сведено на нет.

В этой истории отчетливо проявился жизненный почерк А.Я. Мне не приходилось слышать, чтобы он принимал когда-нибудь участие в массовых кампаниях или выступал с громкими декларациями. Но когда что-либо требовало именно его личного участия, действовал активно, твердо, обдуманно и заботясь только об успехе дела, а не о собственной популярности.

Роль А.Я. в лингвистической жизни Остоженки не ограничивалась только Отделением прикладной лингвистики. О его препода-

С. И. Гиндин

вании на педагогических факультетах и участии в публичной научной жизни упоминалось выше. Заметным явлением становилось его собственная научная школа, формировавшаяся из аспирантов различных кафедр (см. [Абрамова 1973; Пиквер 1974, 1976], а также авторефераты, перечисленные в приложении к указателю работ А.Я.). Школа подпитывалась студентами, занимавшимися у А.Я. в студенческом научном обществе и писавшими у него курсовые и дипломы. (Опубликована из тех студенческих работ, насколько знаю, только [Костенок 1972]). Немалое воздействие А.Я. оказывал и на уже сложившихся ученых. Например, его идеи ощутимо сказались на книге [Москович 1969].

Будучи секретарем Ученого совета, А.Я. не раз помогал тем из молодежи, кого грозила затереть на научном поприще бюрократическая машина. Помогал и в более опасных ситуациях. Так, студенты знали, что он помог в жизнеустройстве их товарищу, отчисленному из института за поведение в дни пражских событий 1968 года. А когда в конце того же года на расширенном заседании Кафедры общего языкознания должны были проштамповывать изгнание с работы «подписанта» А.К. Жолковского, во многом именно выступление А.Я., энергичное и тщательно аргументированное, повернуло ход обсуждения и заставило руководство «отложить вопрос». А.К. Жолковский благополучно проработал в МГПИИ еще несколько лет и даже — в отличие от большинства коллег по несчастью — смог защитить диссертацию.

Понятно, что система должна была ощущать А.Я. как опасного врача. И на рубеже восьмидесятых его, с уже готовой докторской, вынудили уйти из МГПИИЯ. Лингвистическому образованию — и не только в самом институте — был нанесен тогда невосполнимый урон.

Но А.Я. остался самим собой. И нынче, по другую сторону Кропоткинских ворот, его выступлений на конференциях и ученых советах коллеги по-прежнему ждут как события. Побаиваются, но ждут. И сами несут на суд А.Я. свои новые работы...

Литература

Абрамова Н.И. Статистический словарь французской поэзии XIX в./
Моск. ин-т. стали и сплавов. М., 1973. Под заглавием «Поэтическая лек-
сика французского языка» перепечатан в 1974 г. под грифом Моск. пед.
ин-та иностр. языков.

Вежбицка А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке
// Русский язык в научном освещении. 2002. № 2. С. 6—34.

Вопросы статистики речи: (Материалы совещания). Л.: Изд. Ле-
нингр. ун-та, 1958.

Гладкий А.В., Дрейzin Ф.А. Об одной попытке применения стати-
стико-комбинаторных методов в лингвистике // Известия АН СССР. Се-
рия лит. и языка. 1968. Т. 27. Вып. 4. С. 348—353.

Ермоленко Г.В. Лингвистическая статистика: Краткий очерк и биб-
лиогр. указатель. Алма-Ата, 1970.

Костенок Г.М. Дистрибутивно-статистическое исследование се-
мантического поля эмоций в поэзии А. Блока // Сборник научных тру-
дов / Студенческое науч. об-во.; Моск. пед. ин-т иностр. языков. 1972.
№ 19. С.56—71.

Москович В.А. Статистика и семантика. М.: Наука, 1969.

Пиквер А.Х. Дистрибутивно-статистическая классификация мор-
фов английского языка // Linguistica. Тарту. 1974. [V.] 5. Р.153—174.

Пиквер А.Х. Частотный список морфем английского языка //
Linguistica. Тарту. 1976. [V.] 7. Р.177—189.

Статистико-комбинаторное моделирование языков / Под ред.
Н.Д. Андреева. М.; Л.: Наука, 1965.

Сухотин Б.В. Оптимизационные методы исследования языка. М.:
Наука, 1976.

Тезисы конференции по машинному переводу / Моск. пед. ин-т
иностр. языков. М., 1958.

С. И. Гиндин

Фрумкина Р.М. Статистические методы и стратегия лингвистического исследования // Известия АН СССР. Серия лит. и языка. 1975. Т. 34. Вып. 2. С. 129—140.

Шаляпина З.М. и др. О нашем учителе // Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 7. № 1. С. 6-8

Harris Z.S. Discourse analysis // Language. 1952. V. 28. № 1. P. 1—30; № 4. P. 474—494.

ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Л. Гаспаров

**Порядок слов «глагол-дополнение»
в стихе и прозе**

Задача этой заметки — подтвердить и уточнить два общеизвестных положения относительно порядка слов в русском языке: во-первых — «русский язык относится к типу S-V-O, базовый порядок членов предложения в нем: подлежащее-сказуемое-дополнение»; во-вторых — «в стихотворной речи порядок слов свободнее, чем в прозаической». Эти несомненные утверждения обычно формулируются со ссылкой только на интуицию носителей языка и на наблюдения типа «чаще встречается — реже встречается». На каких фактах основывается эта интуиция и какие величины стоят за этими «чаще — реже», обычно не исследуется. Между тем, естественны вопросы: «как велик может быть процент нарушений порядка S-V-O, чтобы при этом ощущение нормы все-таки сохранилось?»; «насколько именно свободнее порядок слов в стихотворной речи, и насколько велика здесь разница эпох, направлений и индивидуальных стилей?» Ответить на эти вопросы можно только с помощью точных подсчетов. Мы попробовали в свое время подойти с подсчетами к порядку слов в атрибутивных словосочетаниях [Гаспаров 1996]. Результаты, как кажется, были интересные.

Здесь мы попробуем подойти с подсчетами к порядку слов в словосочетаниях «глагол-дополнение» — с несколько более широким охватом и более надежным объемом материала, чем в предыдущей статье. Среди дополнений мы будем различать, во-первых, прямые и косвенные, и во-вторых, выраженные существительными и местоимениями. На то, что местоимения в объектных словосочетаниях ведут себя свободнее, чем существительные, был беглый намек даже в академической «Грамматике русского языка» [Грамматика 1954, § 972]; из «Русской грамматики» [Русская грамматика 1980] это наблюдение исчезло; на то, что местоимения в атрибутивных словосочетаниях ведут себя свободнее, указывали данные нашей предыдущей статьи. Что фразы *я его люблю* и *я Ивана люблю* имеют очень разную степень эмфатичности (т.е. аномальности?), ощутимо на слух; мы проверим, на что она опирается.

Материалом служили следующие тексты.

Проза: **1)** разговорная речь: «Рассказы», 1-2 из кн. [Баринова, Земская и др. 1978, с. 80-96]; **2)** деловая речь: «Уголовный кодекс РСФСР», изд.1984, ст.206-223; **3)** Кантемир, «Письма о природе и человеке», письмо 2; **4)** Ломоносов, «Слово о пользе химии»; **5)** Пушкин, «Выстрел»; **6)** Л.Толстой, «Хаджи-Мурат», 4-5; **7)** А.Белый, «Кубок метелей», III,1-3; **8)** Маяковский, «Мое открытие Америки»: «Нью-Йорк». Тексты — почти исключительно повествовательные, реплики прямой речи единичны. (Но заметим, что в «Хаджи-Мурате» из 9 инверсий 5 приходятся именно на эти единичные реплики).

Стихи: **1)** Кантемир, сатира 2; **2)** Ломоносов, оды 1747-1748; **3)** Пушкин, «Евгений Онегин», гл.8; **4)** Пушкин, «Борис Годунов», сц.5,7,9; **5)** Некрасов, «Недавнее время»; **6)** А.Белый, «Пепел» (начало); **7)** Маяковский, американские стихи, «Полн. собр.соч.», VII (1958), 31-73; **8)** Бродский, «Часть речи» и другие стихи 1976 г. Стихотворные размеры: силлабический 13-сложник, 4-ст. и 5-ст. ямб, 3-ст. анапест и разные другие (преимущественно силлабо-тонические у Белого, дольник у Маяковского, аморфный тонический стих у Бродского). Впрочем, какая-

Порядок слов «глагол – дополнение» в стихе и прозе

либо связь между стихотворными размерами и инверсиями дополнений на рассмотренном материале не обнаруживается.

Обычный объем каждой выборки — 200 сочетаний «глагол+дополнение» (для разговорной речи — 216). Опыт показывает, что при таком объеме прибавление нового материала уже почти не меняет пропорций его состава: самое большее, возможны колебания плюс-минус 2%. В трех случаях, где колебания оказывались больше, объем материала увеличивался до 300 сочетаний (стихи Белого, Маяковского и Бродского).

Учитывались только дополнения, выраженные существительными (в том числе — субстантивированными прилагательными) и местоимениями. Учитывались только дополнения при глаголах (при личных формах, инфинитивах, императивах, причастиях, деепричастиях); дополнения при других частях речи, такие, как *довольный жребием своим* или *довольство жребием своим*, не учитывались. Дополнения в вопросительных предложениях и в началах придаточных предложений с их стандартизованными инверсиями не учитывались. Все (довольно многочисленные) случаи, когда были возможны колебания «косвенное дополнение или обстоятельство?» (*домб с небес обрываются, от счастья дрожа*), отсеивались. Мы старались учитывать только несомненные случаи — может быть, даже с излишней перестраховкой.

Прямым порядком слов считался порядок «глагол-дополнение», обратным — «дополнение-глагол». Дистантные конструкции типа *странную племянник пишет новость* (*«Борис Годунов»*) рассматривались как прямой порядок глагола и дополнения.

Вот средние и детализированные показатели доли инверсий среди сочетаний «глагол+дополнение» и доли местоимений среди этих дополнений. В первом столбце («средний процент инверсий») без скобок указан процент инверсий по всем дополнениям, в скобках — только по дополнениям, выраженным существительными. Все показатели — в процентах; детализированные показатели, чтобы не было иллюзии точности, округлены. Показатели в абсолютных цифрах приводятся

М.Л. Гаспаров

ниже, в Приложении. Сокращения: *П* — прямые, *К* — косвенные дополнения, *пр* — прямой и *об* — обратный порядок слов.

ПРОЗА	процент инверсий			доля местоимений			соотн. П:К	
	ср.	П.	К.	ср.	П.	К.	пр.	об.
Разг.речь	44	(23)	40	50	40	30	55	20 70 50:50
Делов.речь	0,5	—	1	—	—	—	—	28:72
Кантемир	38	(32)	30	50	22	20	30	15 35 60:40
Ломоносов	58	(56)	50	70	8	5	15	5 10 53:47
Пушкин,В	17	(6)	10	25	30	25	40	25 75 54:46
Толстой	5	(5)	2	7	18	20	15.	18 0. 51:49
Белый	19	(25)	5	30	12	10	15	15 5. 25:75
Маяковский	8	(5)	10	5.	14	15	10.	10 (45) 52:48

СТИХИ	процент инверсий			доля местоимений			соотн. П:К	
	ср.	П.	К.	ср.	П.	К.	пр.	об.
Кантемир	46	(42)	35	60	19	5	35	15 25 51:49
Ломоносов	54	(51)	45	60	12	5	20	10 15 47:53
Пушкин,ЕО	46	(37)	40	55	30	15	45	15 45 48:52
Пушкин,БГ	40	(36)	30	50	16	15	20	10 25 53:47
Некрасов	45	(42)	45	45.	16	15	20	10 20 58:42
Белый	41	(41)	35	45	9	12	7	10 10 42:58
Маяковский	41	(41)	40	45	6	10	5	5 10 53:47
Бродский	17	(16)	17	17	9	10	5	5 15 50:50

Из таблицы видно: (1) Наиболее устойчивая пропорция — соотношение прямых и косвенных дополнений в целом. В разговорной речи она — 50:50, в литературной прозе она колеблется (кроме немногих исключений) в узких пределах 51-54% прямых, в стихах разброс больше: 53-47% прямых. Напоминаем, это только прилагольные дополнения, да и то не все, поэтому делать выводы о пропорциях прямых и косвенных дополнений в русской речи вообще пока преждевременно. Если считать значимым, что в прозе средняя доля прямых чуть выше, чем в стихах, то можно осторожно предположить, что это потому, что проза (обычно) динамичнее, чем стихи, и в ней больше действенных переходных глаголов.

Порядок слов «глагол – дополнение» в стихе и прозе

Резких исключений — два. В деловой речи процент косвенных дополнений взлетает с 50-45% до 72%: это может быть от специфики материала — уголовного кодекса с его повторяющейся формулой «наказывается тем-то, или тем-то, или тем-то». В прозе Белого процент косвенных дополнений взлетает даже до 75%: это может быть от специфики стиля «Кубка метелей» с его навязчивой орнаментацией творительными падежами, не всегда сводимыми к простым сравнениям (*«В опущенном окне свистом, блеском, ароматом предвесенним сквозной омофор снеговой парчою царапал окна. Белым шлейфом... точно неслась по комнатам... Вьюга распылилась дымом бледных снегов — зацвела горстью спелых цветов...»*). Видимо, можно предположить, что хотя бы иногда доля косвенных дополнений (и процентный состав падежей?) может быть объективным показателем стиля.

Менее резких исключений — три. 58% косвенных дополнений в стихах Белого — это, видимо, проявление того же его индивидуального стиля (смягченное, потому что в стихах автору были доступны и другие приемы). Объяснить некоторое повышение процента прямых дополнений в сатирах Кантемира и Некрасова мы не беремся.

(2) Что касается собственно доли инверсий, то здесь прежде всего бросается в глаза контраст между очень высоким процентом их в разговорной речи и почти нулевым — в деловой речи. Это соответствует обычному представлению о том, что разговорная речь повышенна эмфатична и этим стимулирует инвертированный порядок слов; однако что доля этих инверсий доходит почти до половины, едва ли не ставя под сомнение нормативность порядка слов S-V-O, — этого, кажется, никто не предполагал.

Почему это обычно не ощущается и почему эти проценты инверсий не угрожают схеме S-V-O, — видно из показателей в скобках. Дело в том, что очень большая часть этих инверсий приходится на местоимения — на я *его люблю*, а не на я *Ивана люблю*. Если их отсеять, то доля «настоящих» инверсий — среди существительных — в разговорной речи упадет с 44% до 23%. Только они, вероятно, и могут считаться в какой-то мере эмфатическими. Это тоже гораздо больше, чем в литературной прозе, но хотя бы не катастрофически

больше. Из этого важный вывод: говорить о том, что нормальный порядок членов предложения в русской речи — «глагол — дополнение», можно лишь применительно к дополнениям, выраженным существительными; применительно к местоимениям это требует очень больших оговорок. Как кажется, это интуитивно ясно всем, но в научной литературе подчеркнуто недостаточно.

Далее, бросается в глаза особое место двух авторов в нашем историческом ряду — одного из первых, Ломоносова, и самого последнего, Бродского.

Обычно представляется, что эволюция порядка слов в русском литературном языке шла от искусственного обилия инверсий к естественному преобладанию прямого порядка слов, и что при этом в поэзии инверсии держались гораздо дольше, чем в прозе. Наши цифры подтверждают это общее представление. Доля инверсий существительных в прозе у Кантемира — 32%, а у Пушкина, Толстого и Маяковского — в среднем 5%, разница — в шестеро. (Что А.Белый со своими 25% выбивается из этого ряда, легко объясняется поэтизованным стилем его прозы). Доля инверсий существительных в стихах у Кантемира — 42%, а у Пушкина, Некрасова и Маяковского — в среднем 39%, разница почти неощутима. (И Белый в этом общем ряду ничем не отличается от Маяковского). Стоит, впрочем, напомнить, что называть прямой порядок слов «естественным» можно лишь условно. В «Хаджи-Мурате» процент инверсий существительных в прямой речи, по дополнительным подсчетам, действительно, около 24% (в репликах солдат и мужиков выше, в репликах офицеров ниже), то есть почти совпадает с 23% в разговорной речи; зато процент инверсий существительных в авторской речи — лишь около 2%, перед нами намеренный контраст. Такое преобладание прямого порядка слов, как у Пушкина и Толстого, не менее, если не более «искусственно», чем повышенная инверсированность у Кантемира.

Ломоносов выделяется из этого ряда по двум признакам. Впервые, исторически он позже Кантемира, но показатель инвертированности у него не ниже, а выше — как в прозе (приблизительно на 20%), так и в стихах (приблизительно на 10%). Вторых, и это еще важ-

Порядок слов «глагол – дополнение» в стихе и прозе

нее, у него одного показатель инвертированности в прозе не ниже, а выше, чем в стихах (приблизительно на 5%). При этом если во всем материале «Слова о пользе химии» (200 дополнений) процент инверсий — 58%, то в начальной его части (50 дополнений) — целых 85%. Инверсии явно выступают признаком высокого стиля, в котором проза нуждается больше, чем стихи, а риторический зacin больше, чем основное рассуждение. В атрибутивных словосочетаниях Ломоносова, обследованных нами ранее, показатель инвертированности в высокой прозе и в стихах тоже был почти одинаков. Однако там этот инвертированный стиль был прочнее закреплен за высокими жанрами: в «Похвальном слове... Елисавете» было 22% инверсированных определений, а в «Российской грамматике» меньше 15%. Здесь же, в объектных словосочетаниях, инвертированный стиль втягивает в себя и нейтральные жанры: в «Слове о пользе химии» — 58% инверсированных дополнений, а в «Кратком руководстве к красноречию» (только авторский текст, без иллюстративных цитат!) — даже больше, 63%: *«От происхождения доказывают таким образом... Когда есть то, что какую вещь производит и с происходящим ненарушимый взаимный союз имеют, то следует и происходящее... Ежели ж меж ними такого союза нет, то о происходящем только вероятно заключается...»* (§ 86). Видимо, Ломоносов полагал, что инверсия дополнения есть явление общеязыковое, допустимое в любом жанре, тогда как инверсия определения есть явление стилистическое, допустимое только в высоком жанре. Чем он при этом руководствовался, — пока не решаемся сказать; во всяком случае, это было частью долгой борьбы между латинской и французской моделью русского литературного синтаксиса. Борьба эта, как известно, растянулась на весь XVIII век и кончилась крахом латинской ломоносовской модели: уже у Карамзина, по предварительным подсчетам, доля инверсированных дополнений падает до 12% (а без местоимений — до 7%) — почти как у Пушкина и Толстого.

Бродский стоит на противоположном конце исторической последовательности наших авторов. Он выделяется тем, что у него, в противоположность Ломоносову, не проза повышает свою инверсированность

М.Л. Гаспаров

до уровня стиха и более, а стих понижает свою инвертированность почти до уровня прозы. Мы видели, каким темпом шло падение инвертированности в прозе: перелом на Карамзине и Пушкине, достигнутый минимум у Толстого. Мы могли бы ожидать того же, с подобающим запозданием, и в стихах. Но запоздание затянулось: от Кантемира до Маяковского показатель инвертированности стиха держится почти на одном уровне, 40-45% (среди существительных — 35-42%). Вначале разница между инвертированностью стиха и прозы была невелика; когда проза стала освобождаться от инверсий, разница эта сделалась огромна. Отказа, вслед прозе, от высокой инвертированности можно было ожидать от Маяковского, но этого не случилось: в своей контрастной игре поэтизмами и прозаизмами он предпочел прозаизировать лексику и стих, но оставить поэтизованными тропику и синтаксис. Только у Бродского показатель инвертированности стиха падает в два с лишним раза, до 17-16%. Были ли у него предшественники, мы не знаем. Может быть, были среди поэтов, писавших свободным стихом: в свободном стихе традиционные поэтические инверсии многими ощущались как стилистический диссонанс. Сказался ли на его синтаксисе переход от (преимущественно) силлабо-тонических размеров, которыми он писал до эмиграции, к тоническому стилю 1970-х гг., мы тоже пока не знаем: это еще предстоит исследовать.

Наконец, что касается инвертированности прямых и косвенных дополнений по отдельности, то сразу бросается в глаза закономерность: косвенные инвертируются чаще, чем прямые. (Исключений три: проза Маяковского, в которой инверсий вообще ничтожно мало, и стихи Некрасова и Бродского, у которых прямые и косвенные дополнения инвертируются поровну). Может быть, это значит, что прямые дополнения важнее для общего смысла фразы, поэтому требуют больше ясности и поэтому строже соблюдают привычный порядок V-O. Когда проза начинает освобождаться от инверсий, то в первую очередь отвергаются инверсии прямых дополнений: у Кантемира и Ломоносова инверсий прямых дополнений лишь ненамного меньше, чем инверсий косвенных, у Пушкина и Белого их меньше уже в несколько раз. В стихах, наоборот, инверсии прямых дополнений постепенно нарастают: у Кан-

Порядок слов «глагол – дополнение» в стихе и прозе

темира, Ломоносова и Пушкина их в полтора раза меньше, чем инверсий косвенных, а у Некрасова, Белого, Маяковского и Бродского они почти сравниваются. Насколько значимы эти эволюционные тенденции и чем они объясняются, сказать пока трудно.

(3) Наконец, рассмотрим некоторые особенности положения местоимений среди дополнений. Наибольшую долю, 40%, они составляют в разговорной речи. Это легко понять: разговор — это речь повышенной связности (опирающейся на ситуацию беседы), а именно местоимения являются главными носителями связности текста. На следующем месте по частоте местоимений, 30%, стоит проза Пушкина и «Евгений Онегин». В «Выстреле» это обилие местоимений тоже можно объяснить повышенной связностью его конспективного стиля. Но к 8 главе «Онегина» такое объяснение вряд ли применимо: здесь высокая доля местоимений остается пока загадкой (тем более интригующей, что в смежном «Борисе Годунове» доля местоимений вдвое меньше, 16%). Далее большинство показателей в прозе колеблется в пределах 22-12%, в стихах — в основном в пределах 19-12%, разницы почти нет. Минимальные показатели в стихах, 9-6%, мы находим у трех поэтов XX века — вероятно, это значит, что лирические тексты в XX в. стали менее связными и более отрывистыми (как у Маяковского, так и у Бродского). Как кажется, интуитивному ощущению это не противоречит. Минимальный показатель в прозе, 8%, неожиданно оказывается в ораторской прозе Ломоносова. Здесь о несвязности не может быть и речи, так что должны были действовать другие причины: может быть, высокий стиль предпочитает избегать невыразительных местоимений и называть предметы и понятия настоящими именами. (В стихах Ломоносова доля местоимений тоже ниже, чем у Кантемира, Пушкина и Некрасова). Почти полное отсутствие местоимений в деловой прозе уголовного кодекса комментариев не требует.

Главная особенность поведения местоимений в синтаксисе дополнений уже была названа: они гораздо свободнее (почти вдвое) поддаются инверсии, чем существительные. Вот доля инвертированных дополнений-существительных и дополнений-местоимений:

М.Л. Гаспаров

Литер.проза:	сущ.	15%	мест.	30%
Стихи XVIII-XIX в.:	сущ.	40%	мест.	65%
Стихи XX в.:	сущ.	30%,	мест.	55%

Из подсчетов по прозе исключена была аномально инвертированная проза Ломоносова. Из подсчетов по стихам были выделены стихи трех поэтов XX в. с их общей пониженней долей местоимений. Материал здесь мал и поэтому показатели ненадежны, однако общее снижение доли инверсий по сравнению с XIX веком (среди существительных — рече, среди местоимений — слабее) представляется вполне правдоподобным.

Тяготение местоимений к роли прямых или косвенных дополнений тоже имеет некоторое своеобразие. Мы видели, что суммарные пропорции прямых и косвенных дополнений, за единичными исключениями, устойчивы и колеблются около 50%. Однако в отдельности существительные и местоимения ведут себя по-разному. Вот доля косвенных дополнений среди дополнений-существительных и дополнений-местоимений:

Литер. проза:	сущ.	50%	мест.	55%
Стихи XVIII-XIX в.:	сущ.	55%	мест.	75%
Стихи XX в.:	сущ.	55%,	мест.	45%

Мы видим: в прозе пропорции прямых и косвенных дополнений среди существительных и местоимений, действительно, почти одинаковы. В стихах же Кантемира, Ломоносова, Пушкина и Некрасова картина резко меняется: местоимения явно стремятся замещать не прямые, а косвенные дополнения. Вероятно, это опять значит: прямые дополнения в большей степени несут на себе смысл фразы и поэтому существительные в них держатся прочнее, чем в косвенных дополнениях. У трех поэтов XX века эта особенность исчезает. Означает ли это некоторое приближение синтаксиса стиха к нормам прозы или объясняется лишь недостаточностью материала, — сказать трудно.

Таковы первые результаты обследования порядка слов в прозе и стихе с помощью подсчетов. Конечно, все эти предварительные выводы подлежат дальнейшей проверке. Во всяком случае, уже ясно,

Порядок слов «глагол – дополнение» в стихе и прозе

на чем интереснее всего сосредоточить внимание дальше: на изменениях порядка слов в прозе между Ломоносовым и XIX веком и в стихе — между XIX веком и Бродским.

Приложение

Здесь приводятся абсолютные числа, по которым рассчитаны проценты в вышеприводимых таблицах: число прямых и косвенных дополнений с прямым и обратным порядком слов в каждой группе нашего материала. В каждом столбце указывается без скобок общее число дополнений и затем в скобках — число дополнений, выраженных местоимениями.

	Прямой порядок		Обратный порядок	
	прямые	косвен.	прямые	косвен.
П р о з а				
Разг.речь	65 (9)	55 (13)	42 (21)	54 (45)
Делов. речь	57 —	— —	142 —	1 —
Кантемир	83 (8)	40 (9)	36 (10)	41 (17)
Ломоносов	55 (1)	28 (2)	52 (3)	65 (11)
Пушкин	96 (18)	70 (21)	11 (10)	23 (16)
Толстой	101 (19)	90 (16)	2 —	7 —
Белый	49 (5)	106 (18)	2 —	43 (2)
Маяковский	92 (12)	91 (8)	11 (5)	6 (3)
С т и х и				
Кантемир	67 (3)	41 (13)	35 (1)	57 (23)
Ломоносов	51 (1)	41 (7)	42 (3)	66 (14)
«Евг. Онегин»	58 (4)	48 (14)	39 (10)	55 (32)
«Бор. Годунов»	73 (7)	47 (5)	33 (7)	47 (13)
Некрасов	63 (5)	48 (9)	53 (10)	36 (8)
Белый	80 (9)	95 (6)	45 (6)	80 (7)
Маяковский	98 (2)	74 (3)	62 (9)	66 (4)
Бродский	124 (5)	124 (5)	26 (7)	26 (1)

М.Л. Гаспаров

Литература

Баринова Г.А., Земская Е.А. и др. Русская разговорная речь:
Тексты. М.: Наука, 1978.

Гаспаров М.Л. Порядок слов «определение-определяемое» в сти-
хе и прозе // Московский лингвистический журнал. 1996. Т. 2. С.130-135

Грамматика русского языка: В 2 тт. Т.2. Ч. 1. М.: Изд-во АН ССР,
1954. § 972.

Русская грамматика: В 2 тт. Т.2. М.: Наука, 1980.

М. А. Галкин

**Отражение стилистической системы «Фауста» Гете
в переводах Пастернака,
Холодковского и Брюсова
(Попытка количественного анализа)**

В свое время А.Я. Шайкевичем на материале поэзии и драматургии елизаветинцев была продемонстрирована возможность формального выделения стилистически окрашенных групп лексики [Шайкевич 1969. с. 270]. Позднее он же предложил использовать «долю слов той или иной группы в общей сумме слов» в качестве «стилистического индикатора текста» [Шайкевич 1982. с. 23].

В предлагаемой статье идея подобного индикатора использована – с некоторыми существенными дополнениями, затрагивающими синтаксическое членение текста, – для сопоставления стилистических систем оригинального и переводного текстов.

Перевод «Фауста», выполненный Б.Л. Пастернаком, по праву считается одним из лучших русских переводов великого творения Гете. Он сразу получил высокую оценку современников – и исследователей и просто читателей [Вильмонт 1955. с. 34; Асеев 1965]. Но наряду с этим филологи отмечали как одну из главных особенностей этого перевода значительный стилистический сдвиг в сравнении с оригиналом. О понижении стиля в пастернаковском переводе, о введении просторечной и грубой лексики писали многие ([Pohl 1962, Эткинд 1963, Баевский 1990 и др.]; о роли просторечия в пастернаковских переводах Г. Сакса см. [Петров 1963]).

Чтобы показать, о какого рода явлении идет речь, приведу один пример. В сцене “Дом соседки” в переводе Пастернака мы можем встретить следующие три предложения: *Небось уж **помер** на чужбине!*; *Он **умер**?*; *Зато **вот и пришел ему каюк***. [Гете 1955, с. 164, 167, 171]. Во всех трех предложениях говорится о смерти мужа Марты. При первом упоминании о нем употреблен разговорный глагол *помереть*, во втором – его нейтральный синоним *умереть* и, наконец, в третьем – просторечное выражение *пришел каюк*. Обратимся теперь к оригиналу и посмотрим что в нем соответствует такому стилистическому разнообразию переводного текста. Вот те же три предложения в немецком тексте: *Vielleicht ist er gar tot!*; *Ist tot?*; *Ja seht! Daß er ist er nun tot*. Как видим, в нем во всех трех случаях повторяется одно и то же абсолютно нейтральное *ist tot*, соответствующее русскому *умер*. Более того: все три немецкие предложения вообще не содержат каких-либо стилистически окрашенных единиц и потому в целом нейтральны. В русском же переводе сравнительно мало окрашенное разговорное *помер* в первом предложении сопровождается просторечным *небось*, что резко усиливает сниженную окраску. Перед нами яркий пример стилистического сдвига в переводе по сравнению с оригиналом.

Но отдельно взятый пример еще мало что может сказать об общей стилистической системе перевода, о том, свойственны ли подобные трансформации переводу Пастернака в целом. В упомянутых выше работах о переводе Пастернака также рассматриваются лишь разрозненные примеры понижения стиля, не дающие нам четкого ответа, насколько перевод в целом стилистически отклоняется от оригинала. Для ответа на этот вопрос необходимо провести детальное статистическое сопоставление оригинала и русского перевода в целом или на достаточно больших выборках.

Количественные методы сравнения переводов с оригиналом уже применялись в истории и теории поэтического перевода. (см., в частности, [Гаспаров 1997; Финкель 2001], более подробный перечень см.: [Гиндин 2001]). Но все названные работы сконцентрированы на изменении степени семантического соответствия перевода оригиналу, его точности или вольности: «... спрашивается: нельзя ли эти поня-

Отражение стилистической системы «Фауста» Гете в переводах ...

тия выразить в количественных показателях, нельзя ли говорить не просто “один перевод точнее, а другой вольнее”, но и “один настолько-то точнее, другой настолько-то вольнее”?» [Гаспаров 1997, с. 131]. Соответственно, авторы перечисленных работ занимались в основном денотативно-десигнативным значением знаменательных слов. Для наших же целей важно учитывать стилистическое значение, причем не только знаменательных, а всех слов текста.

Для исследования выбраны две сцены из первой части трагедии: сцена четвертая «Studierzimmer» и следующая за ней сцена «Auerbachs Keller in Leipzig». Выбор на них пал неслучайно. Во-первых, хотелось подвергнуть анализу законченные по смыслу фрагменты текста, поэтому для рассмотрения я взял именно сцены, как структурные единицы, а не просто произвольно взятые куски текста. Во-вторых, для обеспечения надежности результатов следовало взять сцены большого объема. В-третьих, я постарался выбрать сцены, которые в оригинале достаточно различаются стилистически.

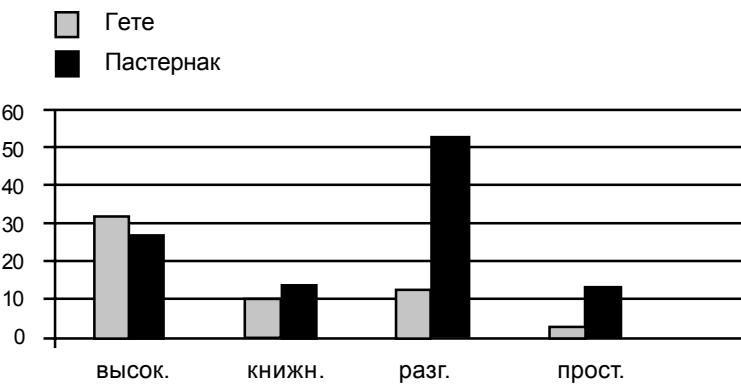
Для начала было проведено сопоставление сцены четвертой «Studierzimmer» и ее перевода, выполненного Пастернаком. Алгоритм анализа был следующий. Все лексические единицы, входящие в немецкий текст и текст русского перевода, проверялись на принадлежность к основным стилистическим пластам языка (лексика высокая, книжная, нейтральная, разговорная и просторечная). К какому стилистическому пласту относится то или иное слово, определялось при помощи двух выбранных мной словарей и принятых в них систем помет: для русского текста – [Ожегов 1978], для немецкого – [Немецко-русский словарь 1993].

Оба словаря имеют примерно одинаковую систему стилистических помет. Единственное существенное различие между ними состоит в том, что в немецко-русском словаре разграничивается разговорно-просторечная лексика и еще более низкая грубая лексика. Для полной сопоставимости результатов анализа в моей работе эти два уровня были объединены в один просторечный пласт. Далее приведена таблица соответствия типов лексики и помет, используемых далее в работе, с пометами каждого из словарей:

Стилистический пласт	Соответствующие пометы в словарях:	
	Словарь Ожегова	Немецко-русский словарь
высокая	высок.	высок.
книжная	книжн.	книжн.
нейтральная	—	—
разговорная	разг.	разг.
просторечная	фам., груб., бран.	прост., бран.

После того, как была определена стилистическая окраска всех лексических единиц текста, подсчитывалась общая частота каждого из этих типов окраски. Обнаружилось, что в перевод сцены IV «Studierzimmer» Пастернаком введены просторечия, практически отсутствующие в оригинале. В русском тексте сцены примерно в пять раз больше разговорной лексики и немного уменьшено количество высоких лексических единиц.

Следующий график количественного соотношения слов различных типов стилистической окраски в оригинале и в переводе может помочь получить наглядное представление о стилистических отличиях перевода сцены IV от исходного текста:

Таким образом, у нас теперь есть представление об общей картине стилистических изменений, но мы пока не знаем, как стилистически маркированная лексика распределена по тексту в переводе и в немецком оригинале. Поэтому мы пока не можем судить, например, о следующем: означает ли практически одинаковая частота высокой лексики в переводе и в оригинале то, что

Отражение стилистической системы «Фауста» Гете в переводах ...

Пастернак сохранял высокую окраску там, где она была в оригинале, или же, что он не сохраняя ее, одновременно вводил ее там, где в немецком тексте ее не было?

Чтобы ответить на подобные вопросы, необходимо изменить методику сопоставления. Если ранее мы производили подсчет частот различных типов лексики отдельно в переводе и отдельно в оригинале, а уже потом сопоставляли полученные цифры, то теперь мы начнем с сопоставления лексических единиц текста Гете с их эквивалентами в переводе Пастернака, а затем перейдем к подсчету, принимая во внимание и синтаксис текста.

Опишу процедуру сопоставления подробнее. Для каждой стилистически окрашенной лексической единицы оригинала находим ее перевод в русском тексте «Фауста» и отмечаем тип окраски соответствующей русской лексемы. При этом в русском переводе у нас останутся «неохваченными» те стилистически окрашенные единицы, которые были произвольно введены переводчиком. Их мы отмечаем как перевод нейтрально окрашенных слов. Уже на этом этапе можно было бы произвести подсчет числа лексических единиц с сохраненной или измененной стилистической окраской. Однако такой «пословный» подход к измерению точности передачи стилистики исходного текста в переводе представляет слишком грубым.

Как известно, стилистически окрашенная лексика, количественно уступая в тексте лексике нейтральной, обладает при этом намного большим влиянием на общую стилистическую тональность текста: «Стакан чаю – это вода, слегка окрашенная чаем, но это не стакан воды, а именно стакан чаю. Так и высокий (или разговорный) текст: большинство его единиц – неокрашенные, нейтральные, окраску придают немногие высокие (или в другом случае – разговорные) слова» [Панов 1981, с. 16]. Поэтому я предлагаю в качестве единиц подсчета рассматривать уже не отдельные словоформы оригинала и перевода, а предложения, в которые эти словоформы входят. Будем считать, что стилистическая окраска при переводе сохранена, если она присутствует в переведенном тексте **в том же предложении**, что и в исходном тексте, но при этом необязательно в переводе той же лексемы.

Таким образом, стилистический тип отдельных предложений я буду определять по характеру окраски входящих в него слов. Поскольку и в немецком оригинале, и в русском переводе «Фауста» много предложений сложных, имеющих разветвленную структуру и большую длину, то окраска определяется для «элементарных предложений», к каковым относятся простые предложения и каждая из предикативных единиц (или «клауз»), составляющих сложные предложения. Приведу примеры определения стилистической окраски предложений из сцены «Studierzimmer»: «Смерть – посетитель **неахти** какой». **Неахти** – выражение разговорное, а значит, и все предложение мы считаем разговорным. «**Сочтемся** после, **время ждет**». В это предложение входят сразу два разговорных элемента: **сочтемся** и **время ждет**. Мы его тоже отмечаем как разговорное. Аналогичный пример из немецкого текста: «*Ich habe mich nicht freventlich vermesssen*». Слова *freventlich* и *vermesssen* высокие и, соответственно, все предложение отмечается как высокое.

Если в предложении встречается одновременно лексика разговорных стилистических типов, (например: «Уж **норовит** к другому ушмыгнуть», где **норовит** – разговорное, а **ушмыгнуть** – просторечное), то мы приписываем предложению ту из двух стилистических характеристик, которая **более удалена** от нейтральной. Соответственно, приведенное предложение будет считаться просторечным. Аналогичным образом предложение, включающее в себя лексику книжную и высокую, будет оценено как высокое.

В переводе Пастернака бывают и такие случаи смешения стилевых окрасок, когда в одном предложении встречаются и высокие, и просторечные слова. К примеру, в: «**Небось** уж **помер на чужбине!**» просторечные слова **небось** и **помер** соседствуют с высоким **на чужбине**. Такие явления, хотя и единичны, безусловно должны учитываться особым образом. Но так как в рассматриваемой сцене IV «Studierzimmer» такого рода предложения не встретились, и здесь я о них говорить не буду.

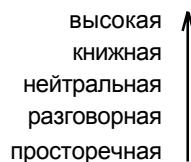
Итак, в сцене «Studierzimmer» обнаруживаются следующие варианты возможных стилистических соотношений между стилистически маркованными предложениями оригинала и перевода (в скобках указывается частота каждого из вариантов):

Отражение стилистической системы «Фауста» Гете в переводах ...

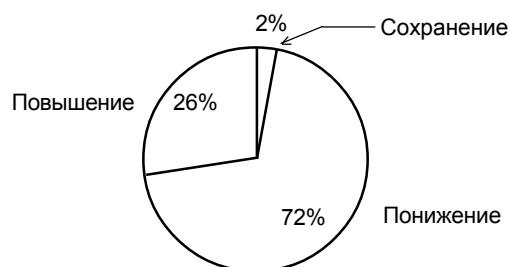
-
1. высок. → высок. (1 случай);
 2. высок. → нейтр. (11 случаев);
 3. высок. → разг. (3 случая);
 4. книжн. → нейтр. (5 случаев);
 5. разг. → нейтр. (1 случай);
 6. нейтр. → высок. (4 случая);
 7. нейтр. → книжн. (3 случая);
 8. нейтр. → разг. (12 случаев);
 9. нейтр. → прост. (8 случаев);
 10. разг. → нейтр. (8 случаев);
 11. разг. → прост. (1 случай).

Как видим, соотношения разг. → разг., книжн. → книжн. и прост. → прост. в этой сцене нам не встретились вовсе.

Как известно, каждый из стилистически окрашенных типов лексики занимает определенное место относительно остальных на так называемой стилистической, или - в иной терминологии - эмоционально-экспрессивной шкале, а именно:

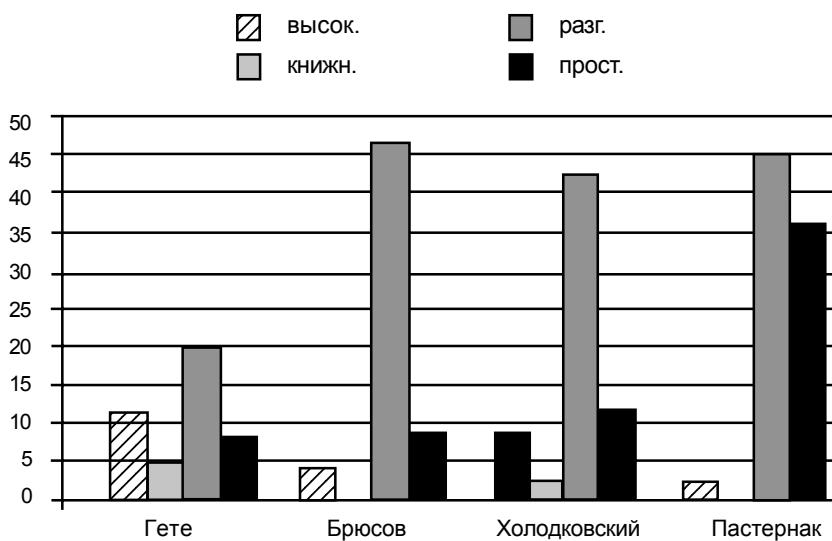
Учитывая эту упорядоченность, мы можем считать, что соотношение, стоящее в нашем перечне под номером один – это **сохранение** эмоционально-экспрессивной окраски, соотношения 2 по 5, 8, 9 и 11 – **понижение**, а 6, 7 и 10 – **повышение**. Какую долю от общей частоты представленных одинадцати типов составляет повышение окраски, какую – сохранение, а какую – понижение, видно из следующей диаграммы:

Что же мы можем заключить? Пастернак произвольно вводит много разговорной и просторечной лексики, а потому, естественно, основное преобразование, которое претерпевает эмоционально-экспрессивная окраска предложений – это понижение. К тому же, понижая окраску возвышенных предложений, Пастернак поддерживает баланс высокой лексики в сцене в основном за счет ее введения в предложения, являющиеся нейтральными в исходном тексте. Все вместе это означает, что в его переводе происходит не только стилистический сдвиг текста относительно литературной нормы, но и изменение пространственного распределения стилистической окраски по сравнению с оригиналом.

Проводя аналогичный анализ следующей сцены – «Погреб Ауэрбаха в Лейпциге», я подключил к исследованию два более ранних русских перевода «Фауста», выполненные Холодковским [Гете 1956] и Брюсовым [Гете 1956].

Ниже приведен график количественного соотношения типов стилистически окрашенной лексики в оригинале и в трех переводах:

Отражение стилистической системы «Фауста» Гете в переводах ...

Мы видим, что книжная лексика представлена только в оригинале и немного в переводе Холодковского. За счет введения устаревших слов Холодковскому удается поддержать уровень высокой лексики практически наравне с оригиналом, в переводе Брюсова высоких слов примерно в три раза меньше, чем у Гете, в переводе Пастернака это различие еще больше, и высокой лексики у него в пять раз меньше, чем в подлиннике. Характерной чертой всех трех переводов является то, что количество разговорных лексических единиц в каждом из них превышает количество таких единиц в немецком тексте более чем в два раза. Что касается просторечных слов, то можно констатировать следующее: у Брюсова их относительная частота примерно та же, что что в подлиннике; Холодковский увеличивает ее по сравнению с подлинником в полтора раза, а Пастернак более, чем в четыре раза.

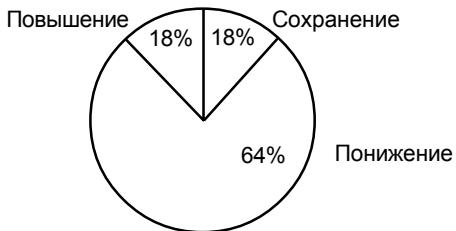
Если провести сопоставление стилистической окраски предложений, также, как мы это сделали для предыдущей сцены, то картина складывается такая:

В переводе Пастернака:

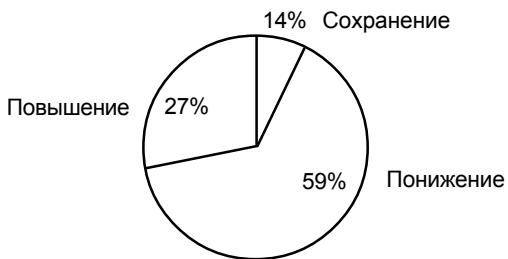
Если мы сравним эту схему со схемой для сцены «Рабочая комната Фауста», то увидим, что и там относительная частота понижения окраски примерно одинакова, а в «Погребе Ауэрбаха» относительная частота повышения окраски в два раза ниже. При этом увеличилась относительная частота сохранения окраски (в частности, встретились, ранее отсутствовавшие варианты соотношений разг. → разг., прост. → прост.). Но общая тенденция остается та же: в корпуре соответствий между окрашенными предложениями в переводе и оригинале превалирует преобразование понижения.

В переводе Брюсова соотношение такое:

Как видим, в переводе Брюсова относительная частота сохранения и повышения окраски заметно выше, чем у Пастернака.

В переводе Холодковского картина следующая:

Перевод Холодковского отличает самая большая доля повышения окраски и наименьшая доля понижения среди всех трех переводов.

На данном этапе введем еще один количественный показатель. Для этого рассмотрим следующий пример. Предложение Гете «Wenn ihr begehrt высок., die Menge» русские переводчики переводили так:

Брюсов: «Коль вам угодно, – рад»

Холодковский: «Хоть сто, когда хотите»

Пастернак: «Я не в ударе разг., но готов»

Холодковский понижает высокую окраску до нейтрального уровня, а Пастернак до разговорного, т.е. характер преобразования одинаковый – это понижение, а степень преобразования разная: у Пастернака понижение сильнее.

Отражение стилистической системы «Фауста» Гете в переводах ...

Еще один подобный случай:

Строка Гете: «Seid Ihr wohl gar ein Virtuos?»

у Брюсова: «А вы, должно быть, виртуоз?»

у Холодковского: «Вы, верно разг., сами музыкант?»

у Пастернака: «Скажите, часом прост., вы не виртуоз?»

Холодковский понижает окраску с нейтрального уровня до разговорного, а Пастернак до просторечного. Снова тип преобразования один и тот же, а степень – разная.

Таким же образом может варьироваться степень повышения окраски. Например, предложение Гете «Da Я ihr nicht braucht fьrs Rимische Reich zu sorgen!» претерпевает у Холодковского («Что римский трон блюсти_{книжн.} – не ваше дело!») более слабое повышение, чем «Fiel an den Herd und zuckt' und lag, und тdt erbdrmlich_{разг.} schnauen» в переводе Брюсова («Упав, лежит во прахе_{высок.}...»).

Исходя из этого, мы можем уточнить ранее построенные схемы с учетом еще одного параметра. А именно, припишем каждому случаю понижения или повышения окраски предложения коэффициент изменения, равный числу пересеченных границ между лексическими пластами на приведенной выше эмоционально-экспрессивной шкале. Вот несколько примеров изменений окраски и соответствующих им коэффициентов:

высокая				
книжная				
нейтральная				
разговорная	↓	↑	↓	↑
просторечная				
коэффициент	3	1	2	2

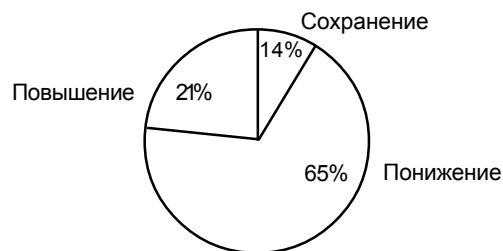
Подсчет общей доли повышений и понижений среди всех окрашенных предложений теперь будем вести с учетом этого коэффициента. Например, если раньше понижение с нейтрального уровня на просторечный оценивалось единицей (т.е. так же как и понижение, скажем, с нейтрального на разговорный), то теперь эта оценка умножается на коэффициент 2. Обновленные диаграммы выглядят следующим образом:

М. А. Галкин

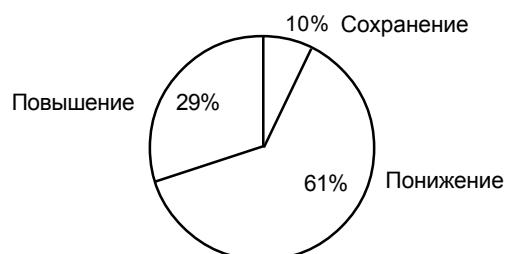
Для перевода Пастернака:

Для перевода Брюсова:

Для перевода Холодковского:

Отражение стилистической системы «Фауста» Гете в переводах ...

Как видим, введение количественной оценки **степени** стилистического преобразования предложений позволило нагляднее представить различия между переводами. У Пастернака доля понижений стилистической окраски существенно – на треть – больше, чем у Брюсова и Холодковского. У двух последних доля понижений примерно одинакова, зато отличительной особенностью перевода Холодковского является довольно большая, по сравнению с другими переводами, доля повышений.

В результате попытки количественного анализа нам удалось получить более четкое представление о том, как Пастернак поступает с стилистической окраской переводимого текста. При этом мы не просто подтвердили ранее высказанные наблюдения, а дали отмеченной закономерности точное выражение. Выяснилось также, что стилистически окрашенная лексика пространственно смешена в переводе по сравнению с оригиналом, что справедливо не только для перевода Пастернака, но и для переводов Брюсова и Холодковского. Обнаружилось, что тенденция к понижению окраски прослеживается, хотя и не так резко, и в двух других переводах. Выявлены индивидуальные особенности в трансформации стилевой системы оригинала у каждого из трех переводчиков.

Закономерный вопрос, возникающий после выявления стилистических изменений и уточнения их характера, – в чем причина понижения стиля в переводах «Фауста»? – заслуживает отдельного исследования.

Литература

Асеев Н.Н. Новая жизнь «Фауста» [1956] // Мастерство перевода. [Сб. 5]. М.: Сов. писатель, 1965.

Баевский В.С. «Фауст» Гете в переводе Пастернака // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1990. Том 49. №4.

Вильмонт Н.Н. Гете и его «Фауст» // Гете И.В. Фауст. М.: Гослитиздат, 1955.

М. А. Галкин

- Гаспаров М.Л.* Брюсов и подстрочник // *Гаспаров М.Л.* Избранные труды: В 3-х тт. Т 2. М.: Языки русской культуры, 1997.
- Гете И.В.* Фауст: [Ч. 1] / Пер. В.Я.Брюсова. М.: ГИЗ, 1928.
- Гете И.В.* Фауст / Пер. Б.Л.Пастернака. М.: Гослитиздат, 1955.
- Гете И.В.* Фауст / Пер. с нем. Н.А.Холодковского. М.: Детгиз, 1956.
- Гиндин С.И.* К истории количественных методов в переводоведении // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5 № 2.
- Панов М.В.* Введение // Современный русский язык: Учебник для филол. ф-тов / Под ред. В.А.Белошапковой. М.: Высшая школа, 1981.
- Петров С.* О пользе просторечия // Мастерство перевода: Сборник. М.: Советский писатель, 1963.
- Финкель А.М.* О точности стихотворного перевода [1963] // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5 № 2.
- Шайкевич А.Я.* Корреляционный анализ в лингвостатистике и понятие интервала текста // Вопросы лингвостатистики и автоматизации лингвистических работ. Вып. 2 / Центр. НИИ патентной информации. М., 1969.
- Шайкевич А.Я.* Дистибутивно-статистический анализ текстов: Авто-реф. дисс. ... д-ра. филол. наук. Л., 1982.
- Эткинд Е.Г.* Поэзия и перевод. М., Л.: Советский писатель, 1963.
- Pohl W.* Russische Faust-Übersetzungen. Meisenheim am Glan, 1962.

M. B. Китайгородская
Еда в зеркале московских вывесок

Кислощевое заведение с газировкой фруктовой воды. *K. Панкратов*

Евг.Иванов. Меткое московское слово
Остановись прохожий! Тебя накормим тоже!
В течение всего 2000-го года –
у нас рекой вино и пиво для народа.

(Кафе «Орга» на Неглинной)
Кафе «Солей-экспресс». Любимое кафе
Людовика XIV Короля-Солнца
(Москва, Самотечная ул., д. 24/27)

Введение

Жизнь человека в современном городе невозможно представить без существования в открытом городском пространстве целого ряда «действительных» по своему характеру малых письменных жанров, позволяющих горожанину ответить на вопросы: *Где я сейчас нахожусь? и Что находится за той дверью, которую я собираюсь открыть?* Ответ на первый вопрос дают вывески-указатели адресного типа – названия площадей, улиц, переулков, номеров домов, остановок городского транспорта и нек.др. Ответ на второй – так называемые «слова на вывесках», т.е названия учреждений, заводов, учебных заведений, театров, магазинов, ресторанов, предприятий бытового обслуживания и т.п.

М. В. Китайгородская

Срок жизни у вывесок относительно недолгий. Они исчезают вслед за исчезновением реалий, могут трансформироваться в зависимости от изменений в объекте наименования, а могут лишь заменяться на новые, отражая тенденцию к переименованию в соответствии со «вкусом и языковыми привычками момента». Реагируя на происходящие социально-экономические перемены, пожалуй, ничто не изменилось так быстро и так «глобально» в речевом быте города, как вывески. Сейчас в Москве уже достаточно трудно отыскать «образцы» вывесок советского периода, даже такие традиционные как «Молоко», «Рыба», «Мебель», «Диетическая столовая» и т.п. Что же пришло им на смену?¹

Примеры таких названий, как ресторан «Для друзей», магазины «Обувь для всех!», «Ваш магазин Молоко», магазин «Хороший», магазин «Удобный» и мн.др., свидетельствуют об актуализации в городских наименованиях «фактора адресата». А это, в свою очередь, говорит о смене и локутивной цели вывески: из знака-извещения она превратилась в знак-рекламу. Современные тенденции в развитии способов номинации городских объектов во многом диктуются также необходимостью их масимальной дифференциации в ряду функционально однотипных объектов. Важнейшим средством достижения этой цели является присвоение объекту индивидуального имени собственного (которое может быть взято и из круга имен нарицательных). При этом вывеска, как правило фиксирует родовую функциональную принадлежность объекта – магазин, ресторан, кафе, бар, аптека и т.п. Например, «Аптека 36'6», «Аптека Чудо-доктор», «Аптека На Хохловке». (Можно заметить, что ряд функциональных типов объектов обычно не имеет «индивидуального имени», например, учреждения государственной сферы, сферы «строгих» форм отношений, например, юридические консультации и т.п.). В настоящее время процесс наименования городских объектов – частных фирм, супермаркетов, специализированных магазинов, ресторанов, кафе,

¹ Подробнее об активных социолингвистических процессах в сфере городских наименований см. [Китайгородская 2003].

парикмахерских, спортивных центров, косметических салонов и т.п., носит свободный, нерегламентированный характер и определяется как продуктивностью языковых моделей, так и модой, вкусовыми пристрастиями имиджей. При выборе имени собственного официальная городская номинация, освободившись от строгих регламентаций, во многом ориентируется на лексические ресурсы и модели, характерные для *разговорной речи*. (Ср. одну из наиболее многочисленных групп локальных наименований типа: хозяйственные товары «На Цветном» (бульваре), бистро «На Сухаревке» (Сухаревской площади), ресторан «У кольца» (кольцевой дороги), магазин «За высоткой» (т.е за высотным зданием), в которых пространственные локализаторы присутствуют в типичных для разговорной речи разного рода стяженных формах).

Насыщенность городского пространства именами собственными – названиями городских объектов – существенно влияет и на восприятие города как текста. Так, применительно к вывескам постоянно возникает вопрос «а почему так называется?», т.е. является ли выбор названия мотивированным или произвольным. Почему, например, «38 попугаев» – это название ресторана (а не зоомагазина) и почему их именно 38? «Прочитывание» цепочки ассоциативных связей дает следующее объяснение: ресторан расположен рядом с цирком (там тоже есть всякие звери и птицы), а 38 их потому, что так назывался известный советский мультфильм. Таким образом, название мотивировано расположением объекта в городском пространстве и социокультурным контекстом. Подобное объяснение имеет и название ресторана «У Колобка»: ресторан расположен в здании Новой Оперы, художественным руководителем которой являлся Е. Колобов. Для «расшифровки» названия комплекса рыбных ресторанов «Пять морей» нужны несколько иные фоновые знания: ресторан расположен на ВВЦ (бывшая ВДНХ) в павильоне «Рыболовство», а название отсылает к известному клише советских времен «Москва – порт пяти морей». Высокая степень «конситуативной обусловленности» подобных названий создает почву для считывания разными людьми разного объема информации, заложенной в названии.

М. В. Китайгородская

В отличие от современных названий, вопрос о мотивированности старых номинаций большинства городских объектов практически не возникал, поскольку они именовались в основном по номенклатуре продаваемых товаров²: (магазины) *Хлеб, Мясо, Молоко, Рыба*³, *Овощи-Фрукты*. В разговорной речи они функционировали как субстантивы – *мясной, молочный, винный, овощной* (не *фруктовый*). При необходимости дифференцировать однотипные объекты (продовольственные магазины, булочные и т.п.) употреблялись «уточняющие» обиходно-бытовые локальные обозначения – *длинный, стеклянный, в подвале, на углу, за школой* и т.п. Для магазинов существовали также официальные цифровые номинации – *магазин № 8*.

Специализированные кафе также обозначались обычно по объекту: *Кафе-мороженое, Кафе-молочное, Кафетерий, Пельмени (пельменная), Сосиски (сосисочная), Пирожковая* и др. Кафе и столовые имели целый ряд специфических (преимущественно отрицательно-оценочных родовых обозначений): *стекляшка, стоячка, забегаловка, тошиловка* и др. Ряд кафе имел название – имя собственное. Обыч-

² Нужно заметить, что в сфере официальной номинации тенденция к дифференциации однотипных городских объектов путем присвоения им имен собственных проявлялась и в советское время. При этом действовали стандартные модели с характерным лексико-тематическим наполнением, несущим определенный «идеологический заряд». Так, в названиях городских объектов, прежде всего гостиниц, кинотеатров, крупных магазинов, активно использовались топонимы, связанные с географическим пространством СССР и «братских стран»: (гостиницы и одноименные рестораны при них) «Москва», «Урал», «Украина», «Минск», «Пекин», «София», «Будапешт» и др.; (магазины) «Прага», «Лейпциг», «Ганг», «Кабул» и др.; (кинотеатры) «Москва», «Ленинград», «Литва», «Варшава», «Прага», «Гавана» и др. Большинство топонимических названий данного типа сохранилось, утратив идеологическую нагрузку.

³ Одним из немногих исключений из череды номенклатурных названий были образные наименования магазинов «Океан» (метонимическая номинация – по среде обитания объекта) и «Дары моря», «Дары природы». Интересно, что в двух последних названиях невольно зафиксирован сам способ получения продуктов питания: это не то, что *промышляет* человеком (подобно хлебу, овощам и др.), а то, что *добывается* человеком, как бы дарится ему природой.

но это были слова с положительной семантикой: «Муза», «Вдохновение», «Лира», «Незабудка», «Гвоздика» и т.п.

Существенные, а нередко и кардинальные перемены последних лет, связанные со спецификой городского устройства и быта, появлением новых видов товаров и услуг, новых форм торговли и индустрии развлечений, существенно изменили круг городских объектов, подлежащих номинации. Это в полной мере относится и к сфере «пищевых объектов».

Характер номинативных процессов в сфере «пищевых объектов»

В зависимости от функционального назначения современные городские объекты, соотносимые с продажей и потреблением пищи⁴, могут быть разделены на три группы.

1. Торговы е предпр иятия , которые ориентированы на коммуникативную ситуацию купли-продажи.

Это продовольственные магазины (универсальные и специализированные), супермаркеты (в том числе сетевые), гипермаркеты (магазины-гиганты), магазины «на колесах», палатки, ларьки; немногочисленные традиционные («колхозные») рынки, мелкооптовые рынки (в разговорной речи оптушки⁵), «стихийные» уличные рынки около станций метро.

2. Предприятия «общественного питания» (рестораны, кафе, бары), которые соотносятся с ситуацией еды, «трапе-

⁴ Сфера производства пищевых продуктов и номинации соответствующих ей объектов (заводы, комбинаты, фабрики и т.п.) в данной работе не рассматриваются.

⁵ Приведем примеры употребления данного разговорного слова в письменных текстах (заголовок заметки о создании в Москве сети гипермаркетов): «Гипермаркеты вместо “оптушек”» [газета Московская среда. № 1(9), январь 2003]; скр также: «Дорогие мои, уверенность в том, что оптушка дешевле магазина, – это миф. Согласна, когда в нашей стране только начиналось продуктовое изобилие, был период, когда рынки выгодно отличались по ценам от магазинов, но сейчас этого нет» [Донцова 2003: 16].

пезы» в разных ее проявлениях: быстрая—неспешная еда, простая—изысканная, связанная с потреблением конкретного вида продукта и т.д. Ср., например, экспресс-кафе, кафе-бар, гриль-бар, пивной бар, суши-бар, кафе-кондитерские, уличные кафе-палатки fast food и т.п.

Ситуация «трапезы» в городе часто имеет не только утилитарную цель. В современных условиях она становится и одной из форм проведения свободного времени. В ресторанах и кафе нередко назначаются и деловые встречи. На наших глазах формируется то, что можно назвать «новым стилем жизни» определенного круга горожан. Особенно показательно в этом отношении появление быстро растущего числа сетевых кофеен (сейчас их в Москве съше восьмидесяти) – «Кофе-Хауз», «Кофемания» и т.п.⁶

3. Предприятия с ф е р ы д о с у г а – клубы⁷, дискотеки и т.п. «Трапеза», сопровождаемая обычно «питием», в подобных коммуникативных ситуациях отходит на второй план. Основная цель – это общение «среди своих».⁸ Появление в начале 90-х годов клубов, прежде всего молодежных, сопровождалось процессом формирова-

⁶ Ср. : «Настоящее кафе – не предприятие общественного питания. Это стиль жизни, атрибут европейской цивилизации, социальный феномен, для которого кофе – только повод. А для России это еще и сбывающаяся мечта» <...> У нас тоже пили кофе. Но это был не кофе, а «кофе». Эта вещь разливалась из бака, на боку которого масляной краской значилось «кофе». Чтобы сомнений не возникало. В ценниках это все значилось как «кофе на сгущ. мол. 11 коп.» и выдавалось в граненых стаканах. Эта штука имела неистребимый цвет, вкус и запах казенного советского детства – школьный буфет, пионерлагерь, больница, куда тебя на несколько дней помещали гнать глистов, и хлорка, хлорка, хлорка» [«Итоги», 24 октября 2000].

⁷ По мнению специалистов-социологов, в России нет четких отличий клуба от кафе, ресторана, стрип-баров и т.п. Подобная привычная типология мест проведения досуга «плывет», поскольку встречается немало кафе-клубов, клубов-ресторанов и т.д.

⁸ Ср.: «В Москве есть клубы для всех: для студентов, для интеллигентов, для богатых и знаменитых... Этой тенденцией к разделению публики на «своих» и «чужих» уже никого не удивишь. Скоро, наверное, откроютсяочные клубы, в которые будутпускать только толстых или только рыжих» [МК бульвар, 27 января – 2 февраля 2003 г. № 5 (225)].

ния соответствующего слэнга (ср. *клубиться, клаббера и мн.др.*⁹). Постепенно клубы приобрели характер одной из форм горизонтальной организации общества и стали достаточно заметной приметой городской жизни. Ср.: «Функция клубов, по-видимому, заключается в создании пространственной, музыкальной, а иногда и кулинарной среды, которая придает форму социальной и культурной идентификации» [«Итоги» 20 марта 2001 г.].

Выделенные разновидности городских объектов интересуют нас, естественно, не как явления социально-экономического характера, а как **объекты именования**.

Описание наименований городских объектов допускает два возможных направления: **от имени – к объекту именования, от типа объекта – к имени**. Первый вариант анализа позволяет выявить основные тенденции в сфере городских наименований, о которых кратко говорилось выше, а также продуктивные способы и модели создания номинаций, которые действуют при именовании объектов **разного функционального назначения**, в том числе и «непищевых»¹⁰. (Подробную классификацию названий разных городских объектов, включая имена собственные, см. [Китайгородская 2003]). Второй вариант анализа позволяет обнаружить определенную зависимость между функциональным типом объекта и его тяготением к тем или иным номинативным моделям. Так, при именовании учреждений деловой сферы (банки, фирмы и т.п.) традиционно продуктивны аббревиатурные способы номинации и расчлененные номинации (словосочетания). Ср. названия банков: «Инкомбанк», «Промстройбанк», «Русский индустриальный банк» и мн.др. О подобных предпочтениях применительно к «пищевым объектам» см. ниже.

⁹ «Клубная терминология» нередко получает отражение и толкование в СМИ, см., например [МК бульвар, 27 января – 2 февраля 2003 г. № 5 (225), с. 53].

¹⁰ Поэтому ниже при рассмотрении наиболее продуктивных моделей и способов номинации (через призму тенденций к регулярности/экспрессивности) будут приводиться наименования не только «пищевых объектов».

§1. Итак, при направлении анализа от имени – к обекту можно выделить некоторые наиболее продуктивные модели номинации, в том числе в кругу родо-видовых обозначений объектов – имен нарицательных. При их характеристике учитывается действие тенденции к *регулярности /экспрессивности* (в ее соотношении с тенденцией к *синкремизму / расчлененности*).

Тенденция к регулярности

В числе цельнооформленных наименований можно назвать новую регулярную модель со связанным компонентом *-маркет*: *минимаркет*, *супермаркет*, *гипермаркет оптмаркет*, *строймаркет*. На основе регулярных моделей возникают ряды наименований (обычно построенные на отношении род–вид) в форме как расчлененных, так и нерасчлененных номинаций: *рынок* – мелкооптовый *рынок*, *вещевой рынок*, *строительный рынок*, *радиорынок* и др.; *магазин* – оптовый *магазин*, *магазин-склад*. Значительно пополнился ряд наименований специализированных *кафе* (заметим, что практически исчезла как сама реалия, так и номинация *столовая*): *экспресс-кафе*, *кафе быстрого обслуживания* (широко употребителен синоним *бистро*), *кафе-бар*, *кафе-клуб*, *арт-кафе*. Ср. также номинации с опорными компонентами *бар* и *клуб*: *гриль-бар*, *суши-бар*, *ночной клуб*, *лаб-клуб*. Орфографическое оформление подобных номинаций на вывесках вариативно. Чаще всего компоненты таких наименований расположены в пространстве вывески на расстоянии друг от друга, поэтому вопрос об их орфографическом оформлении не актуализируется.¹¹

В сфере регулярных составных наименований необходимо выделить словосочетания с опорными компонентами *всё*, *дом*, *мир*, которые используются для именования больших специализированных магазинов. Элемент гиперболы, который присущ подобным названи-

¹¹ Слова подобного рода говорят о формировании целого типа цельнооформленных номинаций аналитического характера. К ним примыкают и наименования, включающие имя собственное. На вывеске или упаковке они предстают в виде одного слова, части которого выделены графически: «ШатураМебель», «ЩелковоХлеб» (или просто «Щелковохлеб») и др.

ям, указывает на рекламный характер номинации. Сами же модели обнаруживают черты синонимичности (в тех случаях, когда это допускает семантика зависимого компонента словосочетания). Ср. реально отмеченные «Дом дверей»¹², «Мир дверей»; «Мир рыболова» и потенциально возможные «Дом рыболова», «Всё для рыболова».

Появление номинаций с компонентом *в с ё* (в сочетании с предлогами *к, для*) стимулировалось победой над товарным дефицитом): «Всё для дома», «Всё к столу», «Всё для свадьбы» и мн.др.

С компонентом *м и р* одинаково распространены и адъективные словосочетания, и сочетания с существительными в родительном падеже: «Ароматный мир» (сетевой винный супермаркет), «Компьютерный мир», «Электрический мир», «Серебряный мир» (ювелирный магазин); «Мир пиццы», «Мир аквариума», «Мир кожи».

К числу регулярных и чрезвычайно продуктивных типов номинации могут быть отнесены названия (имена собственные), опирающиеся на г о р о д с к у ю т о п о н и м и к у . При этом используется как беспредложная модель (топоним в форме именительного падежа), так и предложная модель (предлоги *на, у, за* в пространственном значении): магазин «Спасский» (на Садово-Спасской улице), магазин «Яузские ворота», мелкооптовый рынок «Дорогомилово», ярмарка «Хамовники», торговый центр «Тишинка» (на Тишинской площади), магазин «Никитский» (у Никитских ворот), продукты «На Поварской», «У Крестьянки» (Крестьянской заставы), аптека «У Николы» (храм Николы в Хамовниках) и мн. др.

Тенденция к экспрессивности

Как говорилось выше, вывеска для большинства городских объектов (прежде всего в сферах торговли, общественного питания,

¹² Данная модель проявляла продуктивность и в «доперестроенное время» для именования больших специализированных магазинов: «Дом тканей», «Дом фарфора», «Дом обуви», «Дом мебели». При необходимости идентификации объекта (не на вывеске, а в устном обиходе) использовались локальные маркеры: «Дом обуви» на Проспекте Мира, «Дом моделей» на Кузнецком и т.п. Вопрос об удачности названий типа «Дом дверей», «Дом кухни», «Дом паркета», «Мир кожи» в данной статье не рассматривается.

М. В. Китайгородская

индустрии развлечений) перестала играть роль «бесстрастного информатора». Вывеска как знак рекламы стремится выделить объект именования, привлечь к нему внимание, убедить адресата (покупателя, клиента) обратиться именно к его услугам. В этом можно видеть функциональное сходство «слов на вывесках» с такими типичными жанрами городской речи, как выкрики-зазывы уличных торговцев¹³.

Новые модели предикативного типа, появившиеся в сфере экспрессивной номинации, по существу уже и структурно тождественны выкрикам-зазывам. Апеллятивный характер названия нередко подчеркивается орфографически – использованием восклицательного знака. Например: магазин продуктов «Заходи!», кафе «Заходи попробуй!», обувной магазин «Сделай шаг!», магазин «Рыбачьте с нами!», ресторан «Станем друзьями!».

Нужно заметить, что в качестве собственного имени городского объекта стала использоваться неноминативная по своей природе лексика: междометия-звукоподражания (пекарня «Ням-ням», магазин «Ням-ням», кафе «Сю Си Пуси»); разговорные междометия, в том числе эвфемистического характера (кафе «Шуры-муры», трактир «Ёлки-палки», кафе «Ёжкин кот», кафе «Ё мое»); фразеологизмы (магазин «Хлеб да соль», магазин «На семи ветрах», кафе «То, что надо!» (положительная оценка), кафе «От винта!» (язык команд).

При выборе имени собственного официальная городская номинация активно использует ресурсы разных лексических пластов. Так, в качестве экспрессивных синонимов нейтральных названий актуализировались старые наименования. Ср.: магазин – лавка («Дамская лавка», «Зеленная лавка», сеть аптек «Лавка жизни»), кафе – трактир, кабак, харчевня, корчма, таверна (трактир «Елки-палки», корчма «Тарас Бульба», кабак «У Петровича» и др.). Для создания запоминающихся названий богатым источником являются разговорные номинации, существовавшие лишь в устном речевом

¹³ На это сходство обращал внимание П.Г.Богатырев: «Выкрики бродячих разносчиков товаров и бродячих ремесленников выполняют ту же функцию, что и вывески магазинов и лавок, а также вывески мастерских» [Богатырев 1960: 37 и след.].

обиходе, ср. название кафе «Пушка», закрепившее появившийся в последние годы разговорный, игровой вариант названия Пушкинской площади – *Пушка*.

Интересны случаи использования родовых обозначений и имен нарицательных в качестве имен собственных¹⁴, например: магазин «Лабаз», магазин «Лавка», пивной бар «Паб», пивной бар «Пивнушка» (повтор родового наименования в экспрессивном варианте). Примером онимизации типично разговорного родового обозначения является и название «Забегаловка» (кафе на Новослободской улице).

Экспрессивная номинация стремится использовать самые различные приемы языковой игры:

- создание окказиональных слов: суффиксальный дериват от глагола объедаться – палатка «Объедайка»; магазин «Обжорка» (впрочем, само слово было употребительным и в начале прошлого века, но по отношению к другому референту. Так называли дешевые столовые. Ср. также известные обжорные ряды); названия, образованные по одной модели, но имеющие разную референтную соотнесенность – (палатка свежей выпечки) «Съешь-ка!», (магазин детских игрушек) «Вырастай-ка!», (магазин встроенной мебели) «Встрой-ка!»;

- образование по конкретному образцу: «Котлета-хауз» по образцу «Кофе-хауз», «Стейк-хауз» (игровой эффект иронически сниженной номинации строится на основе контраста составляющих название компонентов. Кофе-хауз – кофейня как символ западной жизни и котлета как один из символов советского общепита);

¹⁴ Аналогичный прием онимизации использован и в названии журнала «Журнал» и газеты «Газета». Как показывает речевая практика, функционирование этих названий в устной речи вызывает ряд неудобств, поскольку идентификация этих изданий требует постоянных оговорок типа *В газете/которая так и называется «Газета»... или В издании/которое называется «Журнал»...* (примеры из обзора газет на радио «Эхо Москвы»). По мере «привыкания» употребительными становятся и контексты *В газете «Газета»...* Однако употребление подобных имен собственных без родового слова всегда таит в себе коммуникативную неудачу.

М. В. Китайгородская

- словосложение (с наложением): магазин «Колбасыр» (колбаса+сыр);
- актуализация морфемной членимости: кафе-клуб «Интер / нет», кафе «Изуми–нка» (игра строится одновременно и на паронимическом сближении – изюминка);
- прием окказиональной расшифровки аббревиатур: ТРАМ (театральный ресторан актеров Москвы – находится в здании театра им. Ленинского комсомола, где раньше был ТРАМ – Театр рабочей молодежи).
- прием «говорящих фамилий»: палатка «Выпечка и другая еда въ Москве. Товарищество Пироговъ и Караваевъ» (ср. названия известных марок пива «Бочкарев», «Солодов», а также «говорящие топонимы» в номинации производителей молочных продуктов «Вкуснотеево», баклажанной икры «Огородников»).
- игра на паронимии: ресторан «Московский икорный дом» (ср. игорный дом), кафе «Жар-пицца» (ср. жар-птица), кафе «ПИЦЦАфабрика–Крылатское» (ср. птицефабрика);
- прием рифмовки: уличное сетевое кафе быстрой еды «Крошка-картошка»;
- прием цитации: кафе «Не горюй!» (название известного фильма Г. Данелия), кафе «Здесь и сейчас» (название популярной телевизионной передачи).

Широкий диапазон кратко охарактеризованных выше номинативных возможностей создает условия для создания индивидуального, «неповторимого» имени городского объекта. Тенденция к дифференциации однотипных городских объектов формирует ряды квадзисинонимичных называний, образованных по разным номинативным моделям. Среди них достаточно многочисленны образные, игровые наименования, апеллирующиеся к тем или иным типам фоновых знаний. Например:

- (палатки) «Куры-гриль», «Цыпа-гриль» (замена первого компонента на разговорный эквивалент), «Цыпленокжареный» (цитация популярной блатной песни);

- суши-бар, суши-бар «Старый Токио», суши-бар «Ки Ка Ку», бар «Суши весла!», суши-бар «Япония мама» (апелляция к известному анекдоту);
- пивной бар «Паб», пивной бар «Пивнушка», пивная келья «Манкс&Ханс», пивной бар «Das Kapital», пивной ресторан «Старина Мюллер» (наименования пивных баров и ресторанов отражают устойчивый гетеростереотип: *пиво – Германия*); пивной ресторан «Пивная 01» (описание ресторана «Пивная 01» см. ниже; ресторан, «эксплуатирующий» в своем оформлении пожарную атрибутику, есть и в Германии); ср. также пивной трактир «Яма».

§2. При направлении анализа от объекта – к имени можно проследить определенную зависимость между функциональным типом объекта (внутри «пищевой сферы») и его тяготением к тем или иным номинативным моделям, а также к использованию игровых, шутливых наименований.

В названиях разных типов продовольственных магазинов, рыбаков наиболее продуктивными являются номинации, мотивированные топографической локализацией объекта на основе пространственной смежности. Подобные номинации встречаются и в названиях кафе и ресторанов, но являются там не столь характерными (см. ниже).

- Названия, опирающиеся на городскую топонимику: супермаркет «Варварка», магазин продуктов «На Масловке», магазин продуктов «В Раменках», продукты «На Стромынке», продукты «На Поварской», кафе «На Пироговке», бистро «На Сухаревке», блинчики «На Тверской» и мн. др.

В числе названий, образованных от топонимов, обращает на себя внимание новая модель, включающая цифровой компонент. Онимизируется, т.е. становится именем собственным объекта, адрес объекта. Например: магазин продуктов «Остоженка, 8», магазин продуктов «Щелковское 33», кафе «Станиславского, 2», ресторан «Красная площадь, дом 1» (в здании Исторического музея).

М. В. Китайгородская

- Названия, опирающиеся на имена тех или иных пространственных объектов, прежде транспортных ориентиров (станции метро, дороги, остановки и т.п.).

Такие популярные экономические и социальные явления, как мелкооптовые рынки, обычно именуются по названиям ближайших станций метро, имена которых нередко также имеют топонимическую мотивацию: «Черкизовский», «Тушинский», «Киевский», «Коньково», «Выхино», «Динамо» и мн. др. Ср. также ресторан «У Кольца» (у Кольцевой дороги), универсам «У Речного» (вокзала), магазин продуктов «На Патриарках» (разговорный эквивалент номинации *Патриаршие пруды*).

- Названия, использующие имена нарицательные топографических локализаторов: Сетевой супермаркет «Перекресток», Магазин продуктов «У поворота», магазин «У остановки», Продукты «На кругу» (на конечной остановке троллейбусов в форме круга), магазин продуктов «У леса», Продукты «У ворот».

В названиях ресторанов, кафе высока доля наименований, опирающихся на лексические единицы определенных лексико-семантических групп (например, имена лиц со значением высоко-го социального статуса типа – «Директоръ», «Лидер», названия животных – «Панда», «Elefant»). Для них чрезвычайно характерна лексическая реализация оппозиций *свое/чужое*¹⁵, *старое/новое* (кафе «Русская изба», ресторан «Русские гвозди», «Белая Русь», кафе «Печки-лавочки», «Образцовая столовая № 14» – бистро «Звезда Китая», суши-бар «Старый Токио», ресторан итальянской кухни «Леонардо», ресторан «Маленькая Венеция» и мн. др.).

На вывесках ресторанов и кафе нередко отражены архитектурные особенности объекта: (на Пушкинской площади) кафе «Пирамида» (в форме пирамиды), бар «Гараж» (в вывеску вмонтирована передняя часть корпуса автомобиля) и мн.др. Выбор названия ресторана или кафе часто мотивируется и обыгрывается особенностями его

¹⁵ О массовом «вторжении» в городскую среду иноязычных наименований (прежде всего торговых марок) и «чужих график» – латиницы, иероглифики или их стилизаций – см. подробнее [Шмелева 1998].

интерьера, поддерживается специфическими номинациями блюд. Ср. описание пивного ресторана «Пивная О1» [журнал «Большой город». 2003, № 2 (42), с. 66]:

«Мой приятель по фамилии Выдра посетил интересное питейное заведение. Случилось это по причине присвоения ему звания старшего прапорщика <...> Заведение сразу очаровало огнеборца *шестиметровым огнетушителем* у входа. Внутри ему понравилось еще больше. Убранство ресторанчика до боли напоминало казарму пожарной роты. В центре у стены припаркован *настоящий* «ЗИЛ-132», играющий роль бара. Кузов автомобиля открыт, в стену встроены красные бочки с пивом, над ними – *пожарные лестницы с осветительными приборами*, пивными кружками и бокалами для вина и коньяка. Вдоль стен тянутся *трубы со множеством вентиляй* – как в подвалах жилых домов, только ярко-красного цвета <...> В узеньких декоративных простенках лежат скрученные *пожарные рукава*. Названия блюд все выдержаны в «пожарном стиле», например: «Первичное средство пожаротушения» (ассорти из маринованной и квашеной капусты, огурчиков, помидорчиков и грибочков собственной засолки – 159 руб.), «Ожог 3-й степени» (аппетитные кусочки сыра, панированные в сухарях и обжаренные во фритюре – 95 руб.)».

Именно для названий ресторанов, кафе, казино характерны экспрессивные номинации, объективирующие некоторый «хрестоматийный» аппрэцепционный фонд, типичный для данного социума на определенных этапах его существования.

Примеры здесь чрезвычайно многочисленны. Приведем лишь некоторые (название может быть мотивировано реальными связями с городским пространством, имеющими метонимическую природу): ресторан «Вишневый сад» (был расположен на углу улицы Чехова – теперь М.Дмитровка – в одном из кооперативных домов актеров), бар «Шекспир» (в помещении Союза театральных деятелей), ресторан «У дяди Гиляя» (расположен недалеко от того дома, где жил Гиляровский), ресторан «Белое солнце пустыни» (разместился по соседству с рестораном «Узбекистан»), ресторан «Мимино», кафе «Нью Васюки» и мн.др.

М. В. Китайгородская

В названиях московских клубов и дискотек при помощи отбора соответствующих языковых средств и стилистических приемов последовательно реализуется установка на создание экспрессивных, «запоминающихся» номинаций, отражающих специализацию клуба и его стилистическую доминанту. Для клубов не характерны названия, связанные с московским городским пространством, с городской топонимикой. Но при этом в названиях рок-клубов активно используется абстрактная пространственная лексика или разного рода «локативные слова» (в частности названия помещений), которые могут вызывать отрицательно оценочные коннотации: «Бездна», «Край», «Точка», «Территория», «Свалка». «Бункер», «Казарма» и др. В названиях студенческих клубов велика доля шутливых, игровых номинаций, ассоциированно ориентированных на молодежную культуру. Показательна в этом отношении «судьба» названия одного из популярных клубов «Пироги». Первоначально оно «выглядело» как «PR ОГИ», т.е. при «побуквенном прочтении» аббревиатуры как «Пиар ОГИ»=Объединенное Государственное Издательство. Затем «озвучивание» только первой буквы аббревиатуры дало новый смысл «Пир ОГИ», что и послужило основой игровой экспрессивной замены данного названия другим реальным словом – «Пироги». Теперь это название активно освоено и функционирует в разговорной речи как изменяемая форма: *Был в «Пирогах», иду из «Пирогов»* и т.п. Ср. характеристику клубов разных направлений и их номинации:

«В клубе все – название, дизайн, цены, музыка, официантки, охранники, даже знаменитости среди посетителей – говорит о его “направлении” и типе публики. Например, названия и дизайн “развлекательных комплексов” призывают своих посетителей расслабиться и часто отсылают к экзотике, роскоши и чудесам: “Амазония”, “Рио”, “Niagara”, “Мираж”, “Golden Palace”, “Лимпопо”. В дискотеках с огромными танцполами и названиями типа “Улей” или “Территория” подростки растворяются в пространстве и времени, а их ровесники в альтернативных рок-клубах подчеркивают свою маргиналь-

ность (названия таких клубов тяготеют к эстетике безобразного, к промышленному стилю, к значениям экстремальности и маргинальности: “Край”, “Форпост”, “Свалка”, “Казарма”, “Бездна”). Названия богемно-студенческих клубов обычно соединяют в себе юмор и абсурд, игру слов: “Китайский летчик Джо Да”, “РиR ОГИ”, “Оракул божественной бутылки”, “Запасник”, “Дом Кукера”, “Кризис жанра”» [журнал «Итоги» 20 марта 2001 г.].

Характеристики еды в названиях магазинов, кафе, ресторанов

Среди номинаций рассматриваемого класса городских объектов особый интерес представляют те, в названиях которых (именах собственных) находят зеркальное отражение типовые характеристики пищи (*вкусная, обильная, дешевая, быстрая* и т.п., см. [Китайгородская, Розанова 2003]), а также компоненты коммуникативных ситуаций, связанных с едой. В условиях городского общения это, как говорилось выше, ситуации купли-продажи и ситуации трапезы. Определенные различия в актантной структуре этих ситуаций подтверждается и соответствующими номинациями. Так, номинация «Русские блины» может быть названием специализированного кафе (по блюду), а не магазина (по продукту). С другой стороны, название «Тарелка» (кафе у метро Кропотkinsкая; обозначение по метонимически связанному с трапезой предмету) может быть и названием посудного магазина (по модели часть – целое). Все названия описываемых объектов можно разделить на прямые (типа *Продукты, Рыба, Пирожковая, Блины* и т.п.) и «непрямые», ассоциативные. Названия могут строиться по разным моделям регулярных метонимических замен. Направление ассоциаций может диктоваться и парадигматическими отношениями, задаваемыми родовым наименованием. По отношению к нему имена нарицательные обычно выполняют те или иные актантные роли. В игровых экспрессивных наименованиях ассоциативные связи могут носить достаточно «непрямолинейный» характер.

Названия продовольственных магазинов

Н е с п е ц и а л и з и р о в а н н ы е продовольственные магазины имеют опорное родовое обозначение *Продукты*. Экспрессивными квазисинонимами будут названия «Еда», «Съестная лавка», «Хлеб да соль», «Ням-ням».

Дальнейшая д и ф ф е р е н ц и а ц и я продовольственных магазинов находит отражение в следующих обозначениях:

- по форме торговли: названия современных магазинов «Сам бери» и «Бери сам» представляют собой своего рода «заменительную номинацию» старого обозначения магазинов самообслуживания *Универсам*;
- по временному спецификатору: «Продукты 24 часа», «Продукты круглосуточно»;
- по субъекту: «Кормилец» (образное метафорическое обозначение; направление переноса *человек – предмет*);
- по объекту (*что продается* – сам объект может получать образные или метонимические обозначения): «Все к чаю», «Еда под пиво», булочная «Каравай», овощной магазин «Луковка», магазин «Колбасыр», молочный магазин «Молочные реки», магазин спиртных напитков «40 градусов» (объект получает образное наименование по одному из характеризующих его признаков), «Колбасности-Вкусности» (игровое название палатки на рынке; номинация по разновидности пищи + положительная оценка – ср. *вкусные колбасы*);
- по месту хранения продуктов: магазин продуктов «Сусек», «Продукты из погребка», «Закрома» (некое виртуальное хранилище – ср. *закрома Родины*);
- по характеристике продуктов:
 - оценочные «расхваливающие» номинации (как продаваемого товара, так и магазина): «Вкусная еда», «Вкусные продукты», продукты «Вкуснятина», «Вкусный магазин». Ср. наименования оценочного характера с опорой на иные аргументы: «Магазин хороший», продовольственный магазин «Маленький да удаленький», магазин «Выручалочка» (ср. палочка-выручалочка), магазин «Любимый», «Любимые продукты», магазин продуктов «Домашний»;

– качественные продукты: магазин «Хороший продукт», сетевой супермаркет экономического класса «Пятерочка»¹⁶;

– недорогие продукты: «Магазин для всех!», «Магазин народный!» (имплицируется значение ‘магазин, где цены на продукты не высокие, доступные’). То же значение низкой цены присутствует и в названиях магазина «Ломаный грош» (ср. фразеологизм *гроша ломаного не стоит*), а также сетевого супермаркета «Копейка» (ср. выражение *копейки стоят*). Заметим, что прямые номинации типа *дешевый магазин, магазин дешевых продуктов* не отмечены, видимо по той причине, что *дешевый* может предполагать *некачественный*.

– разнообразные продукты, в большом количестве (идея изобилия): актуализируется компонент ‘все, всякий’ – «Все к столу», «Всякая снедь», «Всякая всячина»; «Чаша изобилия», магазин «Пир горой», ср. образное представление компонента «всё» в названии магазина «От А до Я»; «Ваш магазин “Хлебосольный”» (слово *хлебосольный* соотносится с ситуацией угощения – как бы ‘щедрый на угощение’, т.е. тоже соотносится с идеей изобилия); «Азбука вкуса» (этот пример не очень удачного выбора названия, поскольку расшифровки названия покупателем и имядателем расходятся. Для покупателя это, скорее, некая основа (азбука, букварь) вкуса, а в рекламных плакатах магазина название «расшифровывается» как «Продукты на любую букву алфавита»).

Названия кафе, ресторанов¹⁷

Функциональная «настроенность» данных объектов на трапезу выступает в подчеркнуто эксплицированной форме в названиях предикативного типа, включающих глаголы «еды»: кафе «Время есть!»,

¹⁶ Ср. показательный подзаголовок статьи: «Какая гадость ваша заливная рыба» [«Российская газета». 28 января 2003 г., № 16]. За качество товаров магазин торговой сети «Пятерочка» получил жирную единицу.

¹⁷ В названиях клубов, по нашим материалам, не актуализируется семантическая тема ‘еда’. Ср. выше исключение – название клуба «Пироги», где появление названия является результатом языковой игры.

М. В. Китайгородская

кафе «Зайди и попробуй», кафе «Болтай и жуй!», палатка по продаже свежей выпечки «Съешь-ка!».

Дифференциация кафе, баров, ресторанов находит отражение в следующих обозначениях:

- по лицу (предполагаемому хозяину): (номинации, построенные по модели: предлог у + род.п. лица – имени собственного, отсылают к ситуации «гости». Это может быть выражено эксплицитно. Желание подчеркнуть непринужденность ситуации достигается иногда употреблением терминов родства): кафе «В гостях у Димы», кафе «В гостях у Ирэны», «У мамы Зои», кафе-бар «У папы Бори», пивной ресторан «У Владимира»;
- по субъекту (едоку): ресторан «Гурман» на Солянке, кафе «Сытый пapa» (едок + результат трапезы);
- по месту приготовления пищи: ресторан «Пищеблок» (онимизация родового обозначения);
- по месту трапезы: кафе «Забегаловка», кафе «Образцовая столовая № 14», пивной бар «Паб», пивной бар «Пивнушка»;
- по типу пищи (блюду): «Пирожковая», «Крошка-картошка», «Свежая Выпечка», «Русские блины», суши-бар «Старый Токио» (блюдо по географической соотнесенности), «Ребрышки-гриль», «Куры-гриль» (блюдо + способ приготовления), «Котлета-хауз» (блюдо+место трапезы); (следующие три названия имеют игровой характер и условную референтную отнесенность к типу продукта) ресторан «Сыр», ресторан «Помидор», ресторан «Витамин»;
- по «инструменту» еды-питья: кафе «Тарелка», русская водочная комната «Рюмка» (ср. рюмочная), бар «Хмельная чарка»;
- по времени трапезы (быстрая еда): «Русское бистро», кафе «Быстро», кафе «На скорую руку»;
- по количеству еды (излишне обильная еда): палатка «Обжорка», кафе «Дрова» (рекламный слоган – «Съешь, сколько сможешь». Экспрессивность названия достигается использованием слова-дениотатива *дрова*, имеющего иронично-отрицательные коннотации. Возможно, работают и ассоциации с целом рядом «однофункциональных»

наименований – «Ёлки-палки», «Печки-лавочки»);

• по результату трапезы: кафе «Сыто-пьяно», кафе-бар «Последняя капля», ср. также приводимое выше «Сытый папа»;

• по характеру коммуникации во время трапезы: в ряде номинаций кафе актуализируется функциональная направленность данного типа объектов не только на еду, но и на фатическое общение (разговоры, болтовню, треп и т.п.), ср.: «Болтай и жуй!». См. также обыгрывание названия трактира «Ёлки-палки» в рубрике выпускаемой им газеты – «Посиделки». Ассоциацией с посиделками характеризуется и название другого кафе: «Печки-лавочки».

Литература

Богатырев П.Г. Выкрики разносчиков и бродячих ремесленников – знаки рекламы // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем: Тезисы докладов. М., 1962.

Букчина Б.З., Золотова Г.А. Слово на вывеске // Русская речь. М., 1968. № 3.

Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Минск, 1980.

Дмитриева С.В. Лексика тематической группы «питание» в народной речи в ареальном аспекте: Автореф... дисс. канд.филол.н. Псков, 1999.

Донцова Д.А. Кулинарная книга лентяйки. М.: Эксмо, 2003.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.

Иванов. Евг. Меткое московское слово. М., 1989.

Каланадзе Л. А., Красильникова Е. В. Лексика города. (К постановке проблемы) // Способы номинации в современном русском языке. М.: Наука, 1982.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.

М. В. Китайгородская

Китайгородская М. В., Розанова Н.Н. Игровое поведение в коммуникативном пространстве города // *Ньюат humoru / Red. S Gajda i D. Brzozowska. Opole, 2000.*

Китайгородская М.В. Активные социолингвистические процессы в сфере городских наименований: московские вывески // Социальная дифференциация языка. М.: Языки русской культуры, 2002.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Рынок как актуальная сфера современного городского общения // Социальная дифференциация языка. М.: Языки русской культуры, 2002.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Тема пищи в повседневной разговорной речи: характеристики еды сквозь призму актуальных противопоставлений // Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 6. № 2. С. 7-48.

Миронова И.К. Концептосфера «Еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозициональные структуры и их лексические презентации. Автореф... дисс. канд.филол.н. Екатеринбург, 2002.

Морозова М.Н. Названия культурно-бытовых учреждений// Русская речь. М., 1968. №6,

Пикулевая Ю.Б. Современная телевизионная реклама как источник прецедентных текстов // Русский язык в контексте современной культуры. Екатеринбург, 1998.

Подберезкина Л.З. Современная городская среда и языковая политика // Русский язык в его функционировании: Тезисы докладов Международной конференции «Третья Шмелевские чтения». М., 1998.

Развлекательная культура России XVIII – XIX веков. Очерки истории и теории / ред. Е.В. Дуков. С-Пб. 2000

Смолицкая Г.П., Горбаневский. М.В. Топонимия Москвы. М., 1982.

Шмелева Т.В. Многоглязичие как черта речевого быта современного города // Русский язык в контексте современной культуры. Екатеринбург, 1998.

Rzetelska-Feleszko Ewa. Najnowsze nazwy sklepów // Uwarunowania i przyczyny zmian językowych. Warszawa, 1994.

Л. Л. Федорова

**Чат и драматический полилог:
точки схождения**

В последнее время молодежная культура осваивает новый способ общения – письменное компьютерное общение *on-line*, т.е. в режиме реального времени; за ним уже закрепилось особое жанровое обозначение: *чат* – что в переводе с английского означает попросту *трэп*, *болтология*. Надо заметить, что если образцы чата, организованные по принципу «общей комнаты», действительно не отличаются особой содержательностью, то тематические чаты более упорядочены и осмысленны. Однако для нас интерес представляли именно образцы чата, так сказать, «в чистом виде» – спонтанно организуемой в «общей комнате» молодежной тусовки с непредсказуемым характером развития.

«Общая комната» – это контекст ситуации общения в некотором виртуальном пространстве, в которое приходят и уходят собеседники и в которое можно «заглянуть» через окошко дисплея. Это пространство имеет внутреннюю организацию, в нем могут быть различные помещения («Andrrrr ушел в комнату Палата №6»; «сантехник ушел (ла) в комнату перекур»); его обживают, внося в него элементы осозаемости:

«***Gothic Girl усаживается поудобнее и ждет...».

Время в нем реальное, оно всегда обозначено. В физическом смысле виртуальное пространство задается самой сетью – множеством каналов общения, однако суть его не в физической основе, а в его «одушевленности», заполненности голосами. В нем существует некоторое поле коммуникативного напряжения, как в физическом мире существуют

Л. Л. Федорова

электромагнитные, гравитационные поля. Заряженность этого поля осознается при входе на канал («apeIses:ppdev: я чувствую мы одни на этом чате»). Звучание голосов переводится в образно-визуальный код – экран расцвечивается яркими строчками, громкость передается размером шрифта. При этом сохраняется ощущение звукающей речи: «кричите на асю...», «что орёш?», «а что это все замолчали?». Звуковые образы речи не воспринимаются как метафоры. Визуальный код приближает виртуальную ситуацию к естественной, непосредственной, дополняющей голоса мимическими знаками. Невидимые лица строят гримасы – рожицы-смайлики, – выражая уныние или радость, удивление или иронию. Перевод звукового и мимического кодов в визуальный здесь не просто письменная речь, а особый условный язык, использующий свои средства выражения. Можно заметить, что приемы зрительного воздействия во многом оказываются общими с приемами рекламы – игра с цветом, шрифтами, алфавитными и графическими кодами; сходство приемов объясняется и близостью целей коммуникации – воздействия (произвести впечатление) и самовыражения (показать себя).

Так использование возможностей визуального кода, моделирующего внешние параметры ситуации общения различными искусственными средствами, придает большую действенность чату по сравнению с обычной письменной коммуникацией, приближая чат к непосредственному и естественному устному общению.

Игровые приемы чата

Однако на первый взгляд постороннего наблюдателя или новичка распечатанная страничка чата производит впечатление абсолютно **противоестественной** речи. Это нечто вроде калейдоскопической матрицы общения, фиксирующей речевое взаимодействие множества диковинных персонажей – их может быть больше десятка. Связать их реплики тематически довольно сложно, так как они ведут не общую беседу, а ряд частных отрывочных диалогов. Больше всего это похоже на театр абсурда, где каждый из персонажей говорит о своем, не слыша другого.

Чат и драматический полилог: точки схождения

Формальное сходство с драматическим произведением можно обнаружить в структуре текста: обязательно назван автор реплики, между репликами возможны комментарии, сообщающие о событиях и действиях персонажей (обычно это «кто-то ушел» или «кто-то пришел»), встречаются и ремарки в скобках перед репликой, указывающие на эмоциональную окрашенность высказывания. Формальный аппарат сетевого общения, однако, богаче, чем у обычной записи драматического текста. С необходимостью он включает указание адресата реплики (в именительном, а не в дательном, как в пьесе, падеже), которое может отсутствовать только при обращении ко всем. Для передачи эмоций используется широкий арсенал графических средств – так называемых «смайликов», моделирующих выражение лица с помощью знаков препинания – скобок, точек, запятых («лицо» при этом развернуто на 90 градусов к тексту); в дальнейшем часто используются рисованные рожицы и различные символические изображения – сердечко, роза, пивная кружка и т. д., – сопровождающие или даже замещающие текст. Эти формальные приемы, конечно же, условность компьютерной коммуникации, но они определяются ситуацией «заочного» общения, возмущая отсутствие в ней невербальных показателей коммуникации.

С неформальной точки зрения различие гораздо глубже: перед нами не искусственный, созданный одним автором текст, лишь изображающий общение, а живое, непосредственно творимое его участниками действие – естественное общение или все же спектакль? Наверно, и то, и другое. В какой-то мере все же спектакль – у него есть и постановщик (так называемый «оператор»), хотя роль его минимальна: иногда он задает тему разговора, отмечает уход или появление персонажей или удаляет со «сцены» нарушителей этикетных правил. Есть и роли: участники общения выбирают их сами, примеривая на себя разные маски-имена, так называемые «ники» (от английского nick name – ‘имя’), с которыми вступают в игру. Ее авторы – они сами. Где начинается игра, там и начинается искусственность. Однако для молодежи игра – естественное состояние. Именно карнавальная условность и свобода импровизации, разворачивающейся в виртуальном пространстве, придают особую притягательность сетевому общению. Мaska-«ник» создает интри-

Л. Л. Федорова

гу: под маской можно спрятаться, разыграть партнера, а можно, наоборот, позволить себе раскрыться в большей степени, чем лицом к лицу.

«Kiss_ka: BATMAN: Приветик, догадайся кто, я сменила ник»;

«ПУПСИК: Азик, ты в натуре азик, да?

Азик: я из кавказа»¹.

Выбор ник – это тот элемент творческой игры, в котором каждый стремится быть оригинальным, хотя не всем это удается. Присваиваемые ники могут быть именами зарубежных поп-звезд, героев фильмов, названиями самих фильмов или рок-групп: *Madonna, Batman, Пятый Элемент, Амогальное_поведение, Телец, ВремяНеЖдет, Тринити, Эминем*. Часто встречаются характеризующие именования: Смугляночка, *Gungster, Непьющая пиво, Каляка-Маляка, Сластенка, Горчинка, Страптивая_Я, Чудовище, Пупсик, Одинокий Я, Фифочка, Ведьмочка, Очень молодая вдовушка, Вкусная, Похабыч, Тормоз, Страстная Нахалка, Скоморох, Высокий_но_молодой, Забавный_Зверек, Зловещий_Хомячище* и т. п. Используются в качестве ников и личные имена (но не обязательно свои): *Тимка, Анна, Машка, Paula, Юльчик, Марина, gogik, alex, Xylia, Фроська-монстр*. Бывают и совсем нетипичные ники: *icq, ВАЗ_21099, Aj, Секция_Мягких_Игрушек, 1,5_кг._Отличного_люре*. В общем, игровая фантазия авторов использует разнообразные, порой банальные, порой неизбитые образы.

Иногда авторам удается развить в речи заявленный образ, и находится партнер, способный подыграть, хотя и не всегда удачно:

«Lotta: Сезонному охотнику, привет, а кто твоя дичь – если не секрет?»;

«Ведьмочка: БЯК: брысь отсель!!! Погляда...Кышь-кышь :(((...»;

«Китайский лазутчик: Ну наконец-то я здесь. Вылез из плена тормозного интернета...».

Иногда же обыгрывается гротескное несоответствие ник и стиля речи:

***Венера сваливает.

¹ Примеры, где это не оговорено, цитируются по сайту: <http://www.krovatka.ru>, время записи – март 2001, июль 2003. В примерах сохранена орфография и пунктуация авторов.

Чат и драматический полилог: точки схождения

Созданию образа служит, как в последнем примере, и условный прием самокомментирования: персонаж надевает маску наблюдателя-«автора» (переход обычно отмечен графически знаком ***):

«***Джинн пинает из врожденной вредности кроватку».

Самокомментирование может иметь и форму ремарки в скобках:

«ТРИВ: Похабыч: Я рад что вам она понравилась (смахивая скучную мужскую слезу)»;

«Амогальное_поведение: ALONZO_MOZZLY, какой ты у меня умный, дорогой...)) (смотрит с восхищением)».

Однако в любой момент игра может иссякнуть, и общение принимает естественный тон:

«Непьющая пиво: ВАЗ_21099, пора пойти поработать, а то начальник над душой стоит...».

Итак, чат – это естественное для молодежи игровое общение, своего рода молодежная тусовка, использующая условные формы «театра масок» в виртуальных пространствах компьютерных сетей.

Игровой принцип чата проявляется и в том, что наряду с использованием условностей компьютерного общения нарушаются привычные условности письменной речи – нормы орфографии, пунктуации, соблюдения единства графического кода. Ломается привычный облик слова, фразы, и это придает тексту гротескно противоестественный вид. И дело здесь не только в том, что «латиница «освобождает» пользователей от необходимости соблюдать правила орфографии и пунктуации», как считает Л. Владимирова, исследовавшая речевое поведение в компьютерной коммуникации [Владимирова 1999. С. 42]. Возможность использования как кириллицы, так и латиницы, и вдобавок строчного и прописного вариантов создает дополнительный простор для графических экспериментов. Эти эксперименты преследуют две цели: во-первых, точнее передать особенности произнесения, во-вторых, создать выразительный и оригинальный внешний образ слова, а иногда и определенный смысловой эффект: Амогальное_поведение, РуССКАР BOgKA, Kiss_ka (прочтение – «киска» – и перевод – ‘поцелуй’-ка создают каламбур). Причем эти цели не всегда легко разделить:

Л. Л. Федорова

«<George> vseh celuut! #ut' kakayato!»² (– Всех целуют! Жутъ какая-то! – пример из [Владимирова 1999. С. 70]);

«Высокий_но_молодой: хорошо Юляшк...нихаму...ни слова... об ентом»;

«Тираель: Эх! СКУФНА»;

«Nosferatu: //бейсбольной битой в лоГ»;

«ОКСАНОЧКА: МИШАНЯЯ всетаки я вылетела ауууу»;

«Крокодиииииллллл!!! Привет» (– пример из [Крупенина 2003. С.60]. Здесь автор явно стремился уподобить слово крокодилу, «удлиняя хвост»)

Порой в «вызывающих» написаниях вне орфографии и пунктуации трудно отличить игру и небрежность; но все вместе может работать на образ, на ходу «подгоняться к лицу»:

«Шефф: Ведьмочка: А мне норманы у меня сквозь глаза ползут строчки которые мне не адресуются если хошь заведи себе Джаму там прям красненьким отмечается если тебе написали»;

«Растиняк: Ябеда приве рад видеть тебя извини что без препинания и их знаков хотя может так даже и лучше хммм даже цвет не мой чудовищно)))».

В целом, графическая свобода, снимая одни условности, создает другие – непривычность, недоопределенность или каламбурность облика слова и фразы.

Этикетные условности сетевого общения

Условные, игровые приемы изобразительного и письменного характера, придающие своеобразие чату, лежат, так сказать, на поверхности; более глубинный слой конвенций общения определяется структурой речевого коллектива, в который входят коммуниканты.

Остановимся чуть подробнее на понятии условностей общения. Это особые, искусственные способы и формы, которые принимаются в некотором коллективе для выражения определенных социальных смыслов.

² Для передачи кириллических букв латиницей в чатах используются различные графические знаки: >|<, }{ или # для ж; °|° для ф;) для э; |-O для ю; 4 для ч; R для я.

лов, прежде всего – отношений между его членами. Условности – это излишества, к которым легко привыкают и которые – если они не чрезмерны – не препятствуют нормальному общению. Более того, они упорядочивают общение – внутри коллектива, отражая его структуру, и вовне, в обращении к посторонним.

В любом складывающемся коллективе – будь то семья, класс, туристическая группа или рабочий коллектив – формируются и свои условности общения. Это прежде всего формы речевого этикета, в той или иной степени общие для носителей данного языка и культуры. Но это могут быть и принятые в узком кругу нормы поведения и даже антиэтикетные условности (так, в школьных коллективах нередко нормой считаются прозвища, «дразнилки» и проч.).

Посмотрим, как в особенностях сетевого общения преломляются этикетные условности. Исследователи компьютерной коммуникации обычно отмечают экстравагантность, даже развязность речевого поведения, объясняя это недостаточным социальным контролем при отсутствии непосредственного контакта собеседников лицом к лицу [Sproull e.a. 1986; Kiesler e.a. 1984]. По мнению Л.Владимировой, «невыраженность социального контекста приводит к тому, что стираются границы между «приемлемым» и «неприемлемым» поведением. Собеседники – пользователи IRC часто ведут себя не так, как это принято в обществе по существу совершенно чужих, незнакомых людей» [Владимирова 1999. С. 37]. Однако вряд ли к чату применимы этикетные оценки для общения чужих. Чат – это по преимуществу общение равных и своих. Возможности компьютерной связи сокращать расстояние, создавая иллюзию непосредственного общения, способствуют и сокращению социальной дистанции: новичок, пришедший на чат, уже не чужой, имеет право на внимание.

Солидарные отношения устанавливаются на основе коммуникативного равноправия – каждый имеет право голоса – и тех общих ценностей, которые приняты в среде программистов (хотя вовсе не все общающиеся в чате являются собственно программистами, но тон задают они). Это прежде всего готовность нести информацию людям, бескорыстие и творчество (более подробно о принципах этики в компью-

Л. Л. Федорова

терном общении см. [Ермакова 2000]). В пределах этого круга статусные различия («выше – ниже») невелики: особая роль принадлежит оператору, который следит за соблюдением норм компьютерного общения и имеет право применять санкции к нарушителям. Нормы часто специально оговорены в особых обращениях. Например:

Приветствуем на сервере Чатов компании Порт.Ру!
Придерживайтесь, пожалуйста, правила четырех НЕТ
НЕТ матерщине, НЕТ рекламе в чате,
НЕТ выпендрежу, НЕТ оскорблений.
Счастливо пообщаться!

Включение в круг «своих» не снимает проблемы знакомства. Собственно, поиск новых знакомств и составляет основную направленность сетевого общения. Маски-«ники» часто создаются с целью привлечь внимание; в них нередко бывает обозначен и возраст виртуального персонажа: «ДЕД100», «devchonka 14», «Маргарита 20». Стратегии знакомства могут быть различны. Это может быть обращение к конкретному адресату: «butya: ЛИКА: давай познакомимся». При этом, поскольку общение происходит «на людях», может вмешаться и «третий лишний»:

«vic77: dia: и ты кто ;)
KISA@: vic77: ДЕВУУУУШКА, А ТЫ?».«
Это может быть и обращение в пространство в поисках собеседника:
«Гекон: Со-мной кто-нибудь побазарит а????? ☺☺»;
«saja: аииииии»;
«Чудище: Есть тут красивые дамы?»

После состоявшегося знакомства может последовать предложение сыграть в какую-нибудь игру или выпить пива – т.е. упрочить завязавшийся контакт. Собственно информативное, содержательное общение довольно ограниченно, и очень редко его тема не связана напрямую с говорящим или адресатом. Чат – это типичное общение ради общения.

Этикетные правила чата могут касаться ситуаций приветствия и прощания. Обычной формой приветствия является «Привет!» или «Всем привет!» Однако могут встречаться и более экспрессивные варианты:

Чат и драматический полилог: точки схождения

«Фифочка: Телец, здрасте-здрасте ☺☺/ с разбегу ☺☺ чмок ☺☺»;
«1,5 кг_Отличного_пюре_: Миру – мир, народу – Beer!!!!»

Наконец, необходимо остановиться на характере языкового кода, используемого в чате. Выбор стиля подчеркивает принадлежность коммуникантов к неформальной молодежной тусовке. Это общение равных и «своих», максимально свободное и раскованное. Чаще всего, это письменная форма молодежного жаргона с характерной для него долей «новорусского» просторечия, поданного в ироническом ключе:

«ТРИВ: SANCH: Да не грузись, я просто шучу»;
«Aj: Вас типа много!!!!»;
«Пятый Элемент: ТЕЛЕЦ, а что там у Родена... акромя мыслителей за сюжеты?».

Устность, стремление к естественности выражения обнаруживается в широком использовании междометий: *во!, хммм, м-да, хе-хе, ай-ай-яй, ха-ха, о..., блин, ура!, dik, аиии* и др.

В принципе не каждый и не для любого партнера выбирает молодежный жаргон. Некоторые маски предпочитают порой шутливо-изысканные формы речи:

«Амогальное_ поведение: Телец, Игорь Викторович... ☺☺ Мое почтение ☺☺».

Однако не нужно забывать, что это всего лишь игра, лицедейство, допустимый ход в общем довольно однородном стилевом потоке.

В целом, солидарное общение в сетях довольно свободно манипулирует общепринятыми этикетными нормами (что вообще характерно для молодежного общения), поддерживая в основном коммуникативное равноправие: возможность сказать и быть услышанным, получить ответ. Но коммуникативный успех – число откликов – зависит от умения заинтересовать, заинтриговать, быть оригинальным.

Итак, сетевое общение можно охарактеризовать в целом как сферу условностей разного рода – драматически-игровых, графических, этикетных. Наложение разных кодов, используемых в чате, умножает его формальную знаковость и в то же время дает большой простор для игры, творчества, самовыражения, приближая его к ситуации непо-

средственного, живого общения. С другой стороны, особенности коммуникативной ситуации ограничивают естественность и содержательность общения, увеличивают напряженность ожидания, стесняя свободу коммуникации и определяя для чата рамки собственно фатического общения.

В современной лингвистике принято разделение форм общения на «информатику» и «фатику», введенное в научный обиход в статье Т.Г. Винокур [Винокур 1993]. «Информатика» предполагает передачу информации, «фатика» – неинформационное общение ради общения. Используются и понятия «общение-действие» и «общение-деятельность», раскрывающие психологическую природу этих двух типов речевого взаимодействия [Федорова 1991, 1996]. «Общение-действие» предполагает включенность в другую деятельность, подчинение ее целям; так, приказ, запрет, разрешение, указание, распоряжение являются действиями в структуре деятельности управления. «Общение-деятельность» подчинено собственным задачам регулирования контакта, направлено на самовыражение или на собеседника; обмен приветствиями или перебранка могут служить примерами этого типа общения.

«Информатика» – это, по сути, деятельность по обмену информацией, собственно коммуникативная деятельность, ее составляющими являются вопросы и ответы, сообщения и суждения. Так же, как и речевое взаимодействие в структуре управления, оно может быть отнесено к «общению-действию». «Общение-деятельность» – это фатика, контактное взаимодействие, для которого характерны ритуализованные этикетные формы, а также эмоционально-оценочное воздействие и самовыражение.

Для полноценного естественного общения необходимы обе формы. Для чата, как уже отмечалось, не характерна информативная коммуникация, но типичны контактное взаимодействие, эмоционально-оценочное воздействие и самовыражение, составляющие суть фатического общения. Причем в чате установление контакта, контактное взаимодействие, является не только средством для самовыражения, но и собственной целью.

Чат и драматический полилог: точки схождения

Таким образом, жанр чата можно определить как фатическое общение посредством компьютера, общение-деятельность, по стилю являющееся письменной формой молодежного жаргона. Общение, ограниченное лишь одной, фатической, функцией, вряд ли можно признать полноценным.

Формально-статистический анализ

Приведенные наблюдения и выводы хотелось бы подкрепить некоторыми предварительными результатами формально-статистического анализа выборки текстов, в которых зафиксированы фрагменты сетевого общения (сайт www.krovatka.ru, время записи – март 2001). Для пробного анализа были взяты 10 образцов общим объемом около 200 реплик. Каждый из них представляет собой примерно страницу текста – это соответствует тому, что пользователь может видеть одновременно на экране компьютера. В реальном времени такой фрагмент общения занимает порядка 0,5-1 мин. (то есть можно условно говорить о некотором синхронном срезе). Его удобно использовать как исходный объект анализа; условно назовем его Чат. Оговоримся, что в общем случае Чат не является собственно текстом (в терминологическом смысле слова), так как не отвечает требованиям связности и целостности; чаще он представляет собой переплетение диалогов.

Интересующие нас характеристики компьютерного общения могут получить количественную интерпретацию при анализе исходного объекта. Заданная размерность Чата определяется числом реплик – в среднем около 20 – и количеством их авторов – в среднем 16. Это абсолютные технические характеристики; для нас более важны относительные.

1) «Плотность» Чата (P), его наполненность голосами участников общения, можно оценить как отношение числа авторов реплик (A_u) к числу реплик (R) в одном Чате. Область определения этой величины: $0 < P < 1$. Для исследуемых текстов среднее значение $P = 0,76$. (В диалоге двоих размером в 20 реплик $P = 0,10$). Высокое значение этого показателя говорит о многоголосии чата и о высокой коммуникативной

напряженности диалога, связанной с увеличением периода ожидания ответной реплики. При увеличении объема текста, соответствующего непрерывному общению, значение этой величины может уменьшаться, но постоянное изменение числа собеседников поддерживает его в известных пределах.

2) Под «емкостью» чата (V) понимается его насыщенность диалогическими связями. Ее можно измерить отношением числа задействованных каналов общения K («говорящий – конкретный адресат» или «говорящий – коллективный адресат», то есть все присутствующие) к числу реплик в Чате (K/R). Это как бы пропускная способность, мощность данного средства связи, характеризующая интенсивность общения. Среднее значение V в исследуемых текстах – 0,77 (для диалога двоих в 20 реплик $V = 0,05$). Высокое значение этой величины свидетельствует о значительной объемности самой структуры сетевого общения.

3) Отношение емкости к плотности (V/P), или числа каналов к числу авторов (K/Au), является дополнительной характеристикой чата. Оно указывает на количество диалогических связей, приходящихся в среднем на одного участника общения, то есть характеризует связность текста и тем самым структуру сетевого общения. Назовем ее условно степенью сложности C (минимальное возможное значение $C = 1/2$, то есть один канал связывает двоих). В анализируемом массиве $C = 1,01$.

4) С емкостью связаны еще две дополнительные характеристики Чата: «публичность» и «приватность». Степень «публичности» (Pb) выражается отношением числа реплик, обращенных к коллективному адресату (всем присутствующим), к общему числу реплик. Степень «приватности» (Pr) – отношение числа реплик, обращенных к конкретному адресату, к общему числу реплик. Эти величины взаимно дополнительны. «Публичность» показывает степень объединенности участников общения, попытку строить общий диалог. В исследуемых текстах средние значения степени публичности – 0,24, степени приватности – 0,76.

5) Наконец, еще одна величина, выводимая из внешних характеристик текста, это его насыщенность экспрессивными метками, в дан-

ном случае смайликами, отмечающими эмоциональный тон высказывания. Условно назовем эту величину степенью экспрессивности Е. Ее значение определяется отношением числа реплик, отмеченных смайликами, к общему числу реплик. Для исследуемых образцов Е имеет довольно высокое значение – 0,30.

Перечисленные характеристики дают возможность оценить внешнюю организацию текста в чате. Интересно сравнить по этим показателям чат, который мы охарактеризовали в целом как естественную, спонтанно создаваемую письменную речь в ограниченной сфере компьютерного общения молодежной тусовки, с текстом профессиональноенным, представляющим публичное общение и направленным на восприятие аудитории, – драматическим текстом. В качестве примера была выбрана сцена из 2-го действия пьесы А.П. Чехова «Три сестры» – конец вечеринки в доме Прозоровых (А.П. Чехов. Собр. соч. в 12 т. М., 1963. Т. 9. С. 565-567). Ее размерность – 25 реплик и 9 авторов – сопоставима с размерностью 1 Чата. Такое сопоставление кажется нам возможным, так как 20 образцов чата представляют 20 частных примеров, один же литературный текст – особенный пример, модель уже обобщенного автором публичного общения. Чехов выбран в данном случае как классик, мастер драмы; сцена подбиралась по сопоставимости внешних параметров с исходными характеристиками чата.

Анализ драматического текста имеет свои особенности, о которых стоит упомянуть. Прежде всего, мы отвлекаемся от того, что реплики сценических персонажей, обращенные друг другу, адресуются еще и зрителям; нас интересует естественность и внутренняя структурированность сценического полилога. Далее, в драматургическом тексте вовсе не всегда обозначен конкретный адресат реплики; часть реплик, особенно при самовыражении, демонстрации своего состояния, адресована всем и не адресована никому (т. е. на самом деле зрителю), в чем состоит суть сценического монолога. (Кстати, и в реальном общении реплики самовыражения могут иметь характер демонстрации, не имея конкретного адресата; в этом случае нередко считается, что говорящий «играет на публику»). Такие реплики мы считали обращенными коллективному адресату. Экспрессивность реплики, помимо языково-

Л. Л. Федорова

го выражения, может быть отмечена авторскими ремарками; именно им можно поставить в соответствие смайлики чата и по ним оценивать степень экспрессивности полилога.

Значения исследуемых параметров в текстах Чехова и в чате представлены в таблице 1.

Таблица 1

	Чехов	Чат
Плотность Р	0,36	0,76
Емкость V	0,60	0,77
Степень сложности С	1,67	1,01
Степень публичности Pb	0,28	0,24
Степень приватности Pr	0,72	0,76
Степень экспрессивности Е	0,28	0,30

Можно заметить, что три последние характеристики очень мало различаются в двух типах текстов. Это говорит о том, что коллективный автор, которым являются собеседники в чате, и профессиональный драматург достаточно единообразно организуют публичный диалог: допускается высокая степень приватности, уровень публичности поддерживают около четверти реплик, почти совпадают и степени экспрессивности, отражающие эмоциональный накал общения.

Однако три первые характеристики обнаруживают характерные различия. Плотность текста Чехова более чем вдвое ниже плотности чата. В этом проявляется направленность драматического текста на восприятие аудитории, которая должна слышать все голоса со сцены. В то же время емкость, указывающая на интенсивность общения, в обоих случаях достаточно высока. При этом степень сложности, структурированность чеховского текста значительно выше: чеховские персонажи общаются более разносторонне, вступают в большее число коммуникативных связей, чем участники чата.

Все это свидетельствует о том, что Чехов мастерски строит общий разговор, связный текст, в то время как участники сетевого общения, хотя и связанные единством времени и места – общим виртуальным пространством, – спонтанно создают лишь множество частных диало-

гов, не складывающихся в целостный текст. Не хватает «единства действия», определяемого единством замысла автора. Иногда его функцию выполняет задание общей темы разговора, иногда кому-то из «говорящих» удается привлечь общее внимание, тогда чат приобретает большую организованность, но в обычном случае его нельзя считать связным текстом. Можно предположить, что именно значения плотности и степени сложности имеют корреляцию со степенью связности текста, а их показатели указывают на разницу между связным и несвязным полилогом.

Выделенные характеристики отражали внешнюю, так сказать поверхностную, структуру текста. Представляется необходимым обратиться также к содержательно-коммуникативной, глубинной структуре. В этом аспекте представляет интерес коммуникативная характеристика реплик в структуре общения, определяющая деятельностный характер диалога. Реплики – речевые действия – могут быть условно отнесены к одному из трех типов: коммуникативные действия (ориентированные на обмен информацией), самовыражение и речевые воздействия. Надо заметить, что все эти три стороны обычно присутствуют в одном речевом действии, но какая-то одна является акцентированной, выраженной в грамматической структуре высказывания. Так, реплики коммуникативного характера – это обычно вопросы и ответы, сообщения и суждения о чем-то; реплики самовыражения – высказывания от первого лица о собственном состоянии или впечатлении (например, в чате – «Я ж такая наивная и доверчивая»), эмоциональные реакции на реплики (в чате – «Скучно мне с вами»; «Я рад, что вам понравилось»; или даже просто смайлики без текста); речевые воздействия волеизъявительного типа – указания, просьбы, предложения, советы и др. – часто оформляются повелительным наклонением (в чате – «смотри, что я буду делать», «Давай познакомимся», «Брысь отсель»), речевоз действующие реплики эмоционально-оценочного типа – имеют вид обращений ко второму лицу (в чате – «Шико, ты бредишь, ты пьян», «вы дэушка моей мечты»). Кроме того, реплики любого типа могут служить установлению и поддержанию контакта (речевые воздействия: «привет всем!», «кто-нибудь, поговорите со мной!»; коммуникативные дей-

Л. Л. Федорова

ствия: «ты кто?», «есть здесь красивые дамы?»; самовыражение: «ищу молодого, красивого, умного!», «я тот, который тебе нужен»). Поэтому представляется удобным выделить их в один класс – контактных реплик.

Три типа речевых действий соответствуют трем аспектам общения – коммуникативному, психологическому, социальному, составляющим единое целое. Их соотношение определяет статус диалога: либо «общение-действие», либо «общение-деятельность».

Интересно сравнить характер диалогов у Чехова и в чате по их коммуникативной структуре. В таблице 2 приводятся значения величин, отражающих долю речевых действий разного типа в общем числе реплик.

Таблица 2

	«общение-действие»		«общение-деятельность»		
	коммуникативные действия	речевые воздействия		самоизъявление	контактные действия
		волеизъявления	эмоционально-оценочные		
Чехов	0,56	0,04	0,04	0,28	0,08
чат	0,33	0,07	0,10	0,08	0,42

Сравнение этих величин показывает разницу в структуре общения. Публичный диалог у Чехова содержателен: – это прежде всего обмен коммуникативными действиями и в значительной степени самовыражение – способ раскрытия характеров персонажей. В основном это «общение-действие» (60% реплик). В структуре чата, напротив, «общение-действие» играет такую же роль, как у Чехова – «общение-деятельность» (60% реплик), это в значительной степени фатическое общение. Драматический текст – по преимуществу «общение-действие» в структуре сценического действия, подчиненное задачам драматурга. Напротив, чат – «общение-деятельность», выполняющее в основном фатическую функцию.

Чат и драматический полилог: точки схождения

Итак, чат – в том его варианте, который был подвергнут изучению – и по внешним, поверхностным, и по содержательным, глубинным характеристикам представляет собой спонтанную, малосодержательную, слабоструктурированную форму частного фатического общения. Его схождение с сопоставленным ему фрагментом драматического полилога показывает некоторые общие для них закономерности, в чате присутствует элемент драматического действия, но в то же время это столкновение игры и живого общения, условности и естественности. В этом столкновении естественности и противоестественности и состоит своеобразие чата.

Литература

Винокур Т.Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 5-28.

Владимирова Л.А. Компьютер в синхронной коммуникации: Дипломная работа / РГГУ. Ф-т теоретич. и прикл. лингвистики. М., 1999 (рукопись).

Ермакова О.И. Этика в компьютерном жаргоне // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 246-253.

Крупенина Н.В. Языковые особенности письменных коммуникаций в сети Интернет (на материале русскоязычных диалогов) / Дипломная работа / РГГУ. Ин-т лингвистики. М., 2003 (рукопись).

Федорова Л.П. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 46-50.

Федорова Л.П. О видах речевого воздействия и роли интонации в их распознавании // Московский лингвистический журнал. 1996. № 3. С.113-134.

Л. Л. Федорова

Sproull L. Kiesler S. Reducing Context Cues: Electronic Male in Organizational Communication // Management Science. 1986. № 32. P. 1492-1512.

Kiesler S., Siegel J. and McGuire T.W. Social Psychological Aspects of Computer-mediated Communication // American Psychologist. Vol. 39. № 10. October 1984. P. 1123-1134.

ПРИКЛАДНЫЕ РАЗРАБОТКИ

B. M. Андрющенко

Разработка комбинированных изданий (книга+CD+Internet)

Комбинированными изданиями будем называть такие издания, когда часть книги помещается на бумажный носитель, а часть — на компакт-диск и/или в Интернет (в последнем случае, возможно, вся книга). Особенно полезны были бы такие издания конкордансов, авторских словарей, статистических словарей и т.п., когда основная часть материала не может быть помещена на бумагу из-за своего феноменального объема.

Заметим, что из всего разнообразия форматов и подходов к электронным изданиям (например, графические форматы, pdf-формат и др.)¹ мы останавливаем наш выбор на html-формате исходного материала по двум соображениям: с одной стороны альтернативные форматы не дают по сравнению с html-форматом никаких существенных функциональных преимуществ, а с другой вводят в обиход дополнительные программные компоненты для просмотра данных и их подготовки. Подход, основанный на html-формате, предпочтителен еще и потому, что последний позволяет делать закладки и отчеркивания в тексте, что характерно для пользования научной книгой. Кроме того, для Машинного фонда русского языка существенна экономия ресурсов, достигаемая простыми средствами.

На первый взгляд и на первом шаге задача решается совсем просто: выдается в Winword'e HTML-файл(ы), который размещается на компакт-диске или в Интернет. Но если вы хотите создать базу данных к

¹ См., например: Вуль В.А. Электронные издания. С-Пб, БХВ-Петербург, 2003.

вашей книге, то возникают сложности. В случае с Интернет вам нужно создавать базу данных на сервере и программы поиска писать на одном из скриптовых языков (Jscript, VBScript, Perl или PHP — для данного рассмотрения этого, я думаю, достаточно). В случае с компакт-диском вам нужно создавать базу данных на компакт-диске и программы поиска писать либо на скриптовых языках (и в этом случае необходимо, чтобы на вашей машине работал PWS (Personal Web Server) или IIS (Internet Information Services)), либо каком-нибудь обычном языке программирования — универсальном, как C++ или pascal, или специализированном, как PAL, в зависимости от того, какую базу данных вы решите использовать.

Выбор возможностей определяется следующими очевидным гравийными условиями:

- 1. Желательно делать не две разработки, а одну, такую чтобы компакт-диск можно было просто откопировать в какую-нибудь директорию сайта и создать ссылку на его главную страницу из одной из страниц существующего сайта;
- 2. Желательно минимизировать усилия покупателя компакт-диска по его установке;
- 3. Желательно не передавать покупателю компакт-диска лицензионное программное обеспечение третьих лиц и не давать совета приобрести его.

По третьему условию отпадают все случаи лицензируемых баз данных и их языков, например PARADOX и PAL.

По второму условию разработка неизбежно разделяется на две: одна для компакт-диска, другая — для Интернет, так как установка интернет-варианта в интранет сопряжена со значительной работой, не реализуемой программой-инсталлятором.

Если соблюдать первое условие, то для компакт-диска отпадают все базы данных, поддерживаемые Microsoft Office, который хотя и присутствует с большой вероятностью на машине потенциального покупателя компакт-диска, но совсем не обязательно установлены нужные компоненты, а это заставляет предъявлять покупателю чрезмерные требования.

Следовательно, для компакт-диска задачу нужно решать стандартными общедоступными средствами, например, на C++ или Delphi.

Что же касается Интернет, то здесь, видимо, наилучшим решением, если будет согласен системный администратор, является использование пары MySQL+PHP, хотя возможен и Perl. (Все эти продукты свободно распространяемы)

Методику подготовки комбинированного издания опишем на примере книги: Шайкевич А.Я., Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А. «Статистический словарь языка Ф.М. Достоевского».

Структура лексикостатистической базы данных по произведениям Ф.М. Достоевского

Книга «Статистический словарь языка Ф.М. Достоевского» состоит из Введения и некоторого количества таблиц, содержащих слова и сопоставленные им статистические данные (частоты или показатели специфичности слова), причем некоторые слова сопровождаются фразеологическим единицами, в которые они входят. В соответствии с этим была разработана следующая таблица (см. рис. 1), отображающая структуру базы данных и структуру страниц вывода из нее.

Используя указанные таблицы, мы сформировали две базы данных — одну в СУБД MyDB для компакт-диска, другую — в СУБД MySQL для Интернет. Обе базы данных имеют одинаковое число полей, обе имеют одно ключевое поле, которое формируется из списка словоформ (Tab00), из списка лексем (Tab01) и из словоформ, входящих во фразеологические единицы таблицы Tab01.

Компакт-диск

Компакт-диск является самозагружаемым. В корневой директории находится файл autorun.inf, который содержит команду open=start shellout dostoevski.htm; соответственно здесь же находятся программа shellout.exe и головная страница dostoevski.htm. После помещения компакт-диска в дисковод срабатывает программа shellout,

Рис. 1

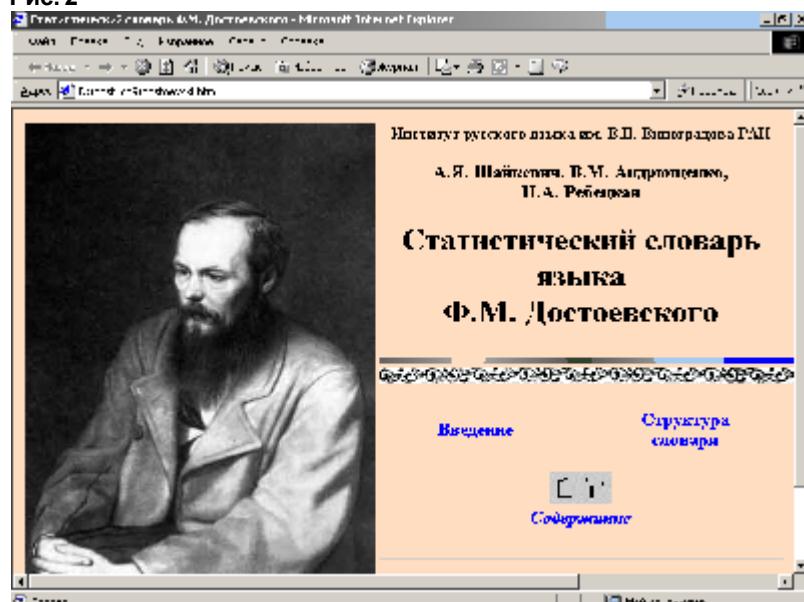
Приложения к таблице:

1. В первой строке указаны номера полей БД
 2. Во второй — идентификаторы полей в файле сборки и программные идентификаторы (первое поле *Key* — поле ключа; второе поле *Exp* — поле лексической единицы; далее идут числовые поля, идентификаторы которых формируются из номера таблицы и номера поля в данной таблице)
 3. В третьей — номера столбцов таблицы, отображающей базу данных в выводе поисковых программ
 4. В 4-6 строках помещена шапка формируемой программой таблицы в выводе поисковых программ
 5. В 6 и 7 строках указаны имена файлов (таблиц) книги и сайта, использованных для формирования базы данных.

Разработка комбинированных изданий (книга+CD+Internet)

которая передает браузеру (*iexplore.exe*) головную страницу. Головная страница (см. рис. 2) содержит портрет Ф.М. Достоевского и три гиперссылки на тексты: «Введение», «Структура словаря» и «Содержание». Кроме того по ссылке «Скопировать» можно получить весь материал книги в архивированном виде в кодировке MS DOS.

Рис. 2

Во «Введении» подробно рассказывается об истории работы над словарем, принципах его составления и о его структуре.

В разделе «Структура словаря» подробно описываются все статистические таблицы словаря.

Ссылка «Содержание» выводит на страницу оглавления, на которой перечислены все помещенные на компакт-диск таблицы. Некоторые таблицы книги разделены на компакт-диске на части по буквам алфавита, причем на отдельные страницы помещены числа, слова и выражения, набранные латинским шрифтом, и слова с начальным дефисом. Но от книжного варианта они отличаются не только этим, а также тем, что для поиска слов в пределах одной буквы можно использовать меню браузера *Edit.Find (on this page)* или клавиши *Ctrl+F*.

Видимо, излишне говорить, что эти таблицы порождены программно из исходных файлов в формате MS DOS. Для перехода со страницы на страницу и между отдельными буквами алфавита имеются специальные гиперссылки. Страницы состоят из двух или трех фреймов: фрейма шапки таблицы, фрейма указателя букв алфавита и фрейма тела таблицы (таблицы, не разделенные на буквы алфавита, представлены только двумя фреймами).

Рис. 3

The screenshot shows a Microsoft Internet Explorer window displaying a table titled 'Таблица 1' (Table 1) from a statistical dictionary. The table is titled 'Распределение лексем по основным жанрам' (Distribution of lemmas by main genres). It includes columns for 'Всего' (Total), 'Худож.' (Artistic), 'Крит.' (Critical), and 'Письма' (Letters). The total number of words is 2889, with 1835 being artistic, 524 critical, and 531 in letters. The table lists various suffixes and their counts across these genres.

Таблица 1				
Распределение лексем по основным жанрам				
	Всего	Худож.	Крит.	Письма
Всего слов (в тыс.)	2889		524	531
	1835			
-й	3	3		
-бое	73		73	
-де	164	59	88	17
-вест	1	1		
-ник	2	2		
-низа	1	1		
-ический	1		1	
-й	5	5		
-й мост	1	1		
-й переплод	1	1		

На странице «Содержание» находится также врезка «Поиск в лексико-статистической базе данных», на которой имеется ссылка «Программа поиска» (см. рис. 4). Эта ссылка выводит нас (через вспомогательное окно «File Download», где нужно нажать клавишу «Open») на однотипную страницу, на которой расположено меню для работы с базой данных.

Разработка комбинированных изданий (книга+CD+Internet)

Рис. 4

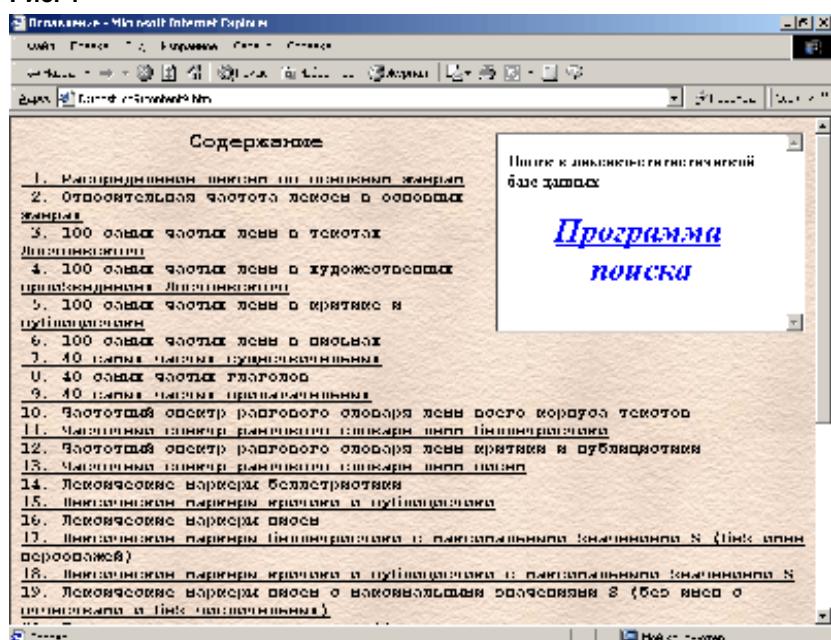
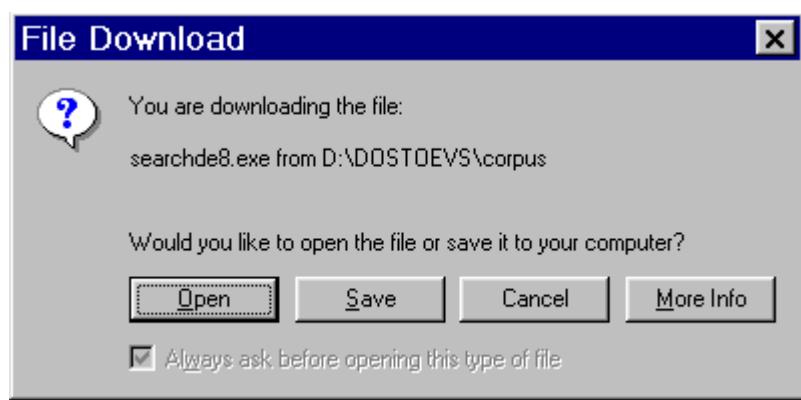
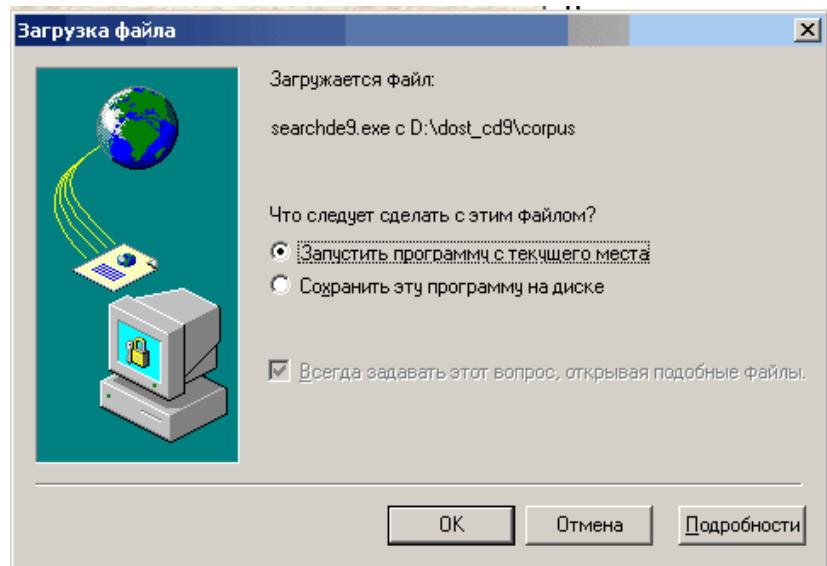

Рис. 5

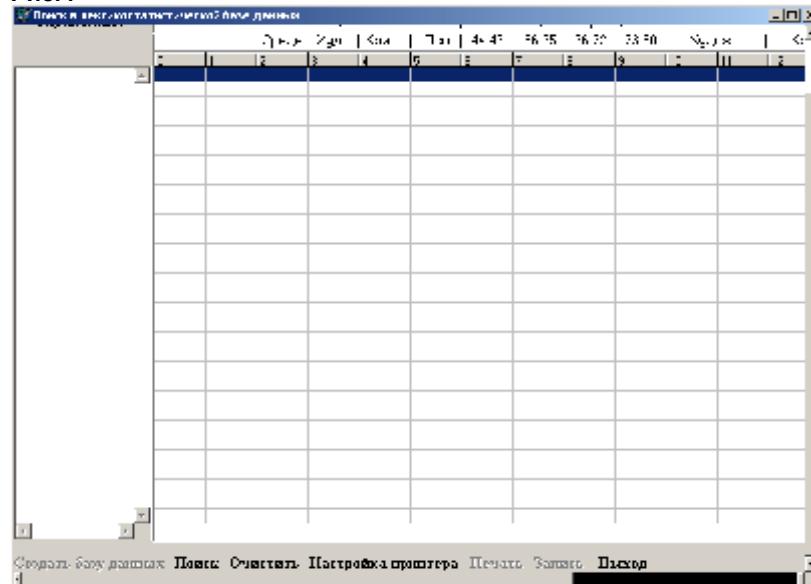
В Windows 2000 появляется окно «Загрузка файла», где должен быть включен переключатель «Запустить программу с текущего места» и нажата клавиша «OK».

Рис. 6

После этого открывается окно программы поиска:

Рис. 7

В меню окна (см. рис. 7) пункт «Создать базу данных» затенен, так как база данных уже существует на компакт-диске. В левое поле (поле ввода) могут быть занесены аргументы поиска (слова или выражения), после этого нажимается пункт (клавиша) «Поиск», и, если аргумент найден, в таблице правой части окна появляются числовые данные. Ползунком внизу окна регулируется просмотр окна.

В поле ввода появляются запомненные в базе данных слова и выражения. Словоформы помечены астериском. Выражения разделены на две части центральной точкой. В левой части указано имя лексемы, из словарной статьи которой взято данные выражение.

Перед следующим поиском нужно очистить поле ввода клавишей «Очистить». После поиска снимается затенение с клавиш «Печать» и «Запись». Первая клавиша позволяет напечатать результат, а вторая — записать его в файл `c:\Dost_search.txt`.

Назначение клавиш «Настройка принтера» и «Выход» очевидно.

Материал компакт-диска можно откопировать на жесткий диск, но тогда нужно изменить первую строку файла `c:\dost_path=.....\corpus`, указавши действительный путь к директории `\corpus`.

База данных расположена в файле `\corpus\dostdb.sdb`. Если этот файл почему-либо испортится, то базу данных можно восстановить на жестком диске из файла `\corpus\dbload.win`. Для этого файл базы данных (`\corpus\dostdb.sdb`) нужно стереть, и тогда снимется затенение с пункта меню «Создать базу данных».

Интернет

На сайте страница «Содержание» содержит пункт «0. Поиск в лексикостатистической базе данных», выделенный красным цветом. Выбрав этот пункт, вы попадаете на страницу, показанную на рис. 8.

Записав аргумент поиска и нажав на клавишу «Искать», мы неявно вызываем PHP-программу, которой передается аргумент поиска, и она обращается к базе данных на сервере, а полученные ответы помещает на порождающую ее HTML-страницу в показанном на рис. 9 формате.

Копирование страниц вывода и их печать осуществляются средствами браузера.

Рис. 8

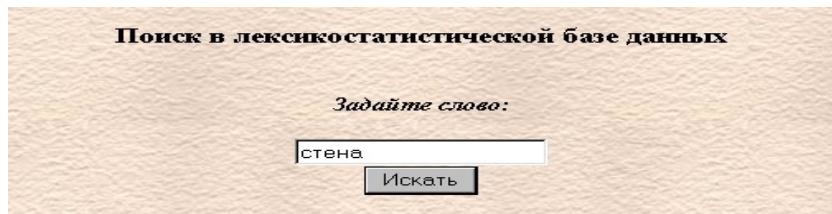

Рис. 9

Fedorovskij Data Base Search Results - Microsoft Internet Explorer

Результаты поиска в лексикостатистической базе данных

Майбайн: итоговая: 2

1. стена

стенефире: 00000036
столы: 00000008

Относительные частоты слова в параллелии			Дектиотные маркеры			Макс. част. паралл.		
Средн.	Распредел. по жанрам	Распределение по периодам	Распределение по жанрам					
Худ.	Крит.	Поз.	44-49	56-65	66-72	Худож.	Критика	Позитив
00000	00000	00000	00000	00000	00000	00000	00000	00000

2. стени

стенефире: 00000000
столы: 00000039

Относительные частоты слова в параллелии			Дектиотные маркеры			Макс. част. паралл.		
Средн.	Распредел. по жанрам	Распределение по периодам	Распределение по жанрам					
Худ.	Крит.	Поз.	44-49	56-65	66-72	Худож.	Критика	Позитив
00012	00015	00008	00012	00017	00016	00021	00004	00000

Существует и «обратная» задача, когда продукты Машинного фонда русского языка, созданные из его первичных источников и размещенные в Интернет, «издаются» на компакт-диске. В случае размещения сайта Машинного фонда русского языка на компакт-диске снова возникает проблема замены серверной базы данных на локальную.

Разработка комбинированных изданий (книга+CD+Internet)

Нами также разработана, но пока не реализована в Интернет-варианте система поиска в полнотекстовых базах данных, созданных по произведениям, размещенным на сайте Машинного фонда русского языка. Трудность состоит в преодолении инертности Интернет-провайдеров во внедрении свежих версий СУБД MySQL, способных работать с полнотекстовыми базами данных.

E. A. Иванова

**Компьютерная филология
и проблемы представления вариантов текста¹**

1. Введение

В статье А.Я. Шайкевича, посвященной конкордансу к «Преступлению и наказанию» Ф.М. Достоевского, высказано соображение, под которым, думается, подпишется сегодня любой филолог и лингвист, и которое характеризует общую тенденцию развития научных исследований: «Конкорданс к большому прозаическому тексту появился перед русскими филологами тогда, когда на смену бумажным конкордансам все ближе подступают конкордансы на машиночитаемыхносителях. Многие ходы филологического исследования используют конкорданс в обычном полиграфическом исполнении лишь как исходную точку, несравненно более эффективными оказываются компьютерные версии, где одновременно можно работать и с текстом, и с конкордансом, и с любым словарем, надстроенным над текстом. Широкое внедрение персонального компьютера в жизнь неизбежно заставит филологов полюбить компьютерные конкордансы и шире — самые раз-

¹ Статья отражает ход и некоторые результаты исследований, проводимых в рамках проекта «Диахроническая динамика текста и принципы формирования надтекстовых единиц», поддержанного грантом РФФИ №03-06-80145. Приношу искреннюю благодарность коллегам по проекту, чьи замечания были учтены в окончательном варианте текста: О.М. Аншакову, М.О. Гардер, С.И. Гиндину и Э.В. Серебряковой.

ные компьютерные процедуры обработки текстов» [Шайкевич 1995, с. 30]. Сказанное А.Я. Шайкевичем безусловно важно и для такой развитой области филологических и лингвистических исследований, как текстология.

Вынесенная в заголовок нашей статьи проблема **представления вариантов одного текста** является важной частью эдиционной практики. В применении к книжным изданиям теория и методика такого представления подробно разработана в традиционной текстологии. Использование же **компьютерных возможностей** для решения этой и ей подобных задач является для филологического сообщества делом относительно новым, не имеющим устоявшихся традиций и вызывающим активные дискуссии. В настоящее время можно говорить о том, что начинает складываться новая прикладная область исследований — **компьютерная филология**.

В связи с этим возникает необходимость переосмысления традиционных филологических методов работы с текстом, выявления тех проблем и задач, решение которых с помощью современных технологий может оказаться практически полезным и даже привести к качественно новым результатам. Как пример одной из таких задач мы и рассматриваем проблему представления вариантов текста.

Наиболее мощным толчком к развитию компьютерной филологии, как и в целом всей области представления и обработки информации, послужило возникновение Интернета. В эту глобальную сеть немедленно стали вводиться — по инициативе и силами самих пользователей — классические тексты. Возникло и поддерживается немало сайтов, посвященных отдельным писателям-классикам, литературным эпохам или направлениям (см. [Browner e.a. 2000]). Правда, уже стало общим местом утверждение о том, что для современного состояния Интернета характерна чрезвычайная хаотичность в выборе, и принципах обработки и презентации текстов. Этот факт — следствие многих причин: беспрецедентной массовости доступа к средствам обработки текста, отсутствия устоявшейся (в сопоставлении с многовековой «гуттенберговской эпохой») традиции подготовки и представления текстов, небывало быстрой эволюции технических и программных средств.

Однако уже на этом этапе начинают осознаваться уникальные перспективы, которые открываются при объединении традиционных принципов работы с текстом с новыми технологическими возможностями. Прежде всего эти возможности становятся очевидными для разработчиков филологических интернет-ресурсов. Из уже действующих подобных систем назовем «Русскую электронную библиотеку Машкова», Фундаментальную электронную библиотеку (ФЭБ) «Русская литература и фольклор», разработанную ИМЛИ совместно с Информрегистром и рядом соисполнителей [Акимова 2002]; Гипертекстовую авторскую филологическую информационную систему (ГАФИС) «Брюсов», создаваемую на базе Кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики РГГУ [Гиндин 2003]; Поисковая информационная система для электронной энциклопедии «Все о Пастернаке» (ПИСК Пастернак) [Баевский 2001]. Перечень этот — всего лишь иллюстрация: ссылки на подобные ресурсы в русской части Интернета уже составляют сотни единиц, а на западе — тысячи (см., например, соответствующие разделы сайтов ФЭБ (<http://www.feb-web.ru>) и ГАФИЗ «Брюсов» (<http://www.bryusov.ru>); а также [Browner e.a. 2000]. Можно упомянуть также опыт работ по использованию компьютерных средств для представления истории рукописного наследия классической литературы, проводимых в рамках русско-французского проекта в области генетической критики [Генетическая критика 1999; Проблемы текстологии... 2003].

Анализ этих и других подобных проектов показывает, что на начальном этапе их реализации к наиболее важным проблемам, с которыми сталкиваются разработчики, относятся вполне традиционные теоретические филологические проблемы — выбора источников, полноты представления текстов, их достоверности, меры аутентичности при передаче изданий и т.п. Однако после решения этих базовых для любого филологического исследования проблем происходит эволюция в сторону использования действительно специфических возможностей компьютера. Пока речь чаще всего идет о сопряжении текстового корпуса с мультимедийными компонентами (аудио- и видео-сопровождение), а также об использовании гипертекстового представ-

ления информации. Но постепенно появляются идеи обращения и к другим технологическим возможностям.

Следует оговориться, что поскольку применительно к компьютерной филологии ни те, ни другие проблемы еще широко не обсуждались, каждый коллектив решает их, исходя из собственных представлений (и зачастую исходит не столько из научных соображений, сколько из имеющихся технических и финансовых возможностей). Но вектор общего движения очевиден уже теперь. Компьютерная филология является «правопреемницей» филологии традиционной и потому, наследуя всю теоретическую и методологическую базу своей предшественницы, должна обогатить ее новыми технологиями и, как следствие, новыми теоретическими идеями и подходами.

Аналогичная эволюция принципов использования компьютерных массивов текстов заметна и в смежных прикладных областях — например, корпусной лингвистике и компьютерной лексикографии. Ранее при исследовании больших массивов текстов, в том числе и лингвостатистических, в определенной мере игнорировали необходимость корректного воспроизведения источника, поскольку погрешности от ошибок в тексте считались пренебрежимо малыми или нерелевантными. Сегодня и здесь начинают требовать более тщательного подхода к тексту, что позволяет получать дополнительную информацию, ранее не использовавшуюся в подобных работах. Сошлемся, в частности, на уже упоминавшуюся статью А.Я. Шайкевича. В ней описываются Приложения 3 и 5 разбираемого конкорданса к «Преступлению и наказанию», в которые его составители вынесли соответственно «слова, выделенные курсивом в тексте романа (примерно 300 словоупотреблений)» и «опечатки, обнаруженные в тексте академического издания (6 опечаток)» [Шайкевич 1995, с. 17, 29]. Включение подобных приложений в конкорданс к классическому произведению означает использование текста этого произведения именно в том материальном воплощении, которое он получил в конкретном издании. А это уже большой шаг в сторону традиционного филологического отношения к тексту.

2. Специфические возможности электронной формы представления текста

Среди существенно новых возможностей, предоставляемых компьютерной формой передачи текста, выделим три: **гипертекстовость**, **мультимедийность** и значительно более широкий, по сравнению с бумажной полиграфией, **набор средств визуализации текста**.

Первые два свойства компьютерной реализации довольно часто обсуждаются в лингвистической литературе. Гипертекст вообще является в последние годы одной из самых популярных тем и модных терминов [Delany 1991 ; Landow 1992]. Гипертекстовое представление материала существенно облегчает переходы от текста к тексту, от одной части текста — к другой. Количественно и качественно возрастают возможности снабжения текста необходимой справочной и иллюстративной информацией, и к тому же ее при желании можно присоединять непосредственно к требующим пояснения местам текста. Соединение гипертекстового способа представления текста с мультимедийным компонентом делает равнодоступным для пользователя как собственно текстовую (вербальную) информацию, так и видео- и аудио-ряд, что позволяет в определенной степени «материализовать» и план содержания текста.

Ниже мы несколько подробнее остановимся на третьем из перечисленных свойств — количественном и качественном расширении возможностей визуализации текста.

Под **визуализацией** мы понимаем здесь создание видимого образа, представления текста, отражение его структуры и, в частности, — выделение его значимых элементов, посредством определенной номенклатуры графических (шрифтовых) средств и пространственных приемов.

Применительно к традиционной полиграфической практике состав средств визуализации известен и многоократно описан в изданиях, посвященных техническому редактированию [Гиленсон 1988].

Современные текстовые редакторы (прежде всего, конечно, Word) и профессиональные издательские программы верстки (например,

PageMaker) способны использовать все имеющиеся в полиграфии средства визуализации. Но по сравнению с традиционными способами обработки и оформления текста, компьютерные текстовые редакторы имеют ряд отличий, в определенной мере влияющих на эволюцию принципов воспроизведения текста.

1. Главным и принципиальным отличием является **упрощение доступа** к каждому из средств отображения текста. Текстовые редакторы делают доступными для пользователя такие операции, как: выбор типа (гарнитуры) шрифта — вплоть до создания собственного авторского шрифта; использование любых кеглей и начертаний (п/ж, прямой, курсивный), капители и т.п.; установление практически любого интерлиньяжа, числа колонок в тексте, расчет и установление границ печатной полосы и т.п. Названные и другие средства оформления текста не требуют для своего использования ни большого времени, ни специальных, профессионально-полиграфических навыков. (Речь, разумеется, идет о принципиальной возможности использования, а не о правильности и адекватности результатов их использования).

2. К этому следует добавить, что, по сравнению с бумажными изданиями (даже при учете существенных изменений в полиграфической практике), для компьютерной формы представления текста характерна принципиальная **дешевизна использования** разнообразных средств визуализации текста.

3. К традиционно и широко применяемым в книжной полиграфии средствам представления компьютерная форма позволяет активно подключать ранее **редко использовавшиеся возможности**. Относительная новизна их состоит не в том, что таких возможностей не было ранее, а в том, что общее упрощение пользования средствами визуализации привело к выдвижению их на первый план. Среди собственно графических средств показательным в этом отношении является — широкое использование при компьютерном представлении цвета для выделения тех или иных графических символов или их фона, совмещение в пределах одного текста шрифтов и их начертательных возможностей, варьирование кеглей, а из внеграфических средств визуализации — участившееся использование таблиц и списков, различных

видов отбивок, переменного интерлиньяжа, смены направлений расположения текста и проч.

Например, прежде очень трудоемкий процесс верстки таблиц в современных текстовых редакторах настолько упрощен и оптимизирован, что в виде таблиц все чаще оформляется значительная часть «нетабличных» элементов собственно текста (титульные данные, адреса, подписи, перечни и многое другое).

4. Принципиально **новыми возможностями** компьютерной формы представления текстов можно считать использование при записи обычного линейного текста гипертекстовых и гипермейдийных элементов представления: вставки сносок, примечаний, закладок, объектов, файлов, рисунков, звука, гиперссылок и проч. Здесь речь идет именно об элементах гипертекстового представления, используемых для расширения возможностей оперирования с текстом.

5. Еще одной универсальной и существенно новой возможностью является использование при компьютерном представлении **системы стилей разметки текста**. В основе таких систем лежит идея о иерархичности структуры текста и о необходимости единообразно оформлять элементы, принадлежащие к одному уровню этой структуры или имеющие в нем одинаковую семантическую значимость. Применение единообразной системы стилей позволяет не только с очень большой степенью эффективности представлять тексты, но и легко трансформировать это представление, автоматически преобразовывать его в заданных направлениях — например, переводить на другие формальные языки. Использование системы стилей существенно влияет и на особенности информационного поиска, увеличивает его скорость и эффективность.

Перечисленное выше не исчерпывает всех нововведений, однако дает некоторое представление об общих возможностях текстовых редакторов.

Добавление к этому мощных средств передачи изображения (MS Power Point, Macromedia Flash, например) и средств, с помощью которых мы добавляем в текст интерактивность, например, включения в документ Word приложений VBA, в свою очередь делает удобной ви-

зуализацию динамического представления изменений, происходящих в тексте. Все это вместе расширяет возможности представления текстов и одновременно ставит ряд серьезных вопросов перед исследователями.

Следует упомянуть и о таких средствах, предоставляемых редакторами, как макросы и система общих замен в тексте. И те, и другие позволяют эффективно видоизменять текст, также дают возможность представления измененияй, происходящих в тексте. Эти средства, по существу, требуют для своего создания и использования разработки алгоритмов постадийного изменения текста, что одновременно и позволяет, и требует формализации описания эволюции текста. А это в свою очередь приведет к определенной ревизии традиционных филологических методик.

Стоит добавить также, что средства перевода и размещения текстов в Интернете (HTML, XML) позволяют практически без потерь реализовать в Интернете все перечисленные возможности визуализации, а в определенных случаях развить их. Следовательно, размещаемые в сети тексты все более будут приближаться по качеству воспроизведения и возможностям использования к установленным в настоящее время полиграфическим канонам, а со временем и превзойдут их.

3. Отступление о необходимости теории

Правда, обилие и доступность разнообразных средств визуализации текста, присущие компьютерной форме представления, могут быть не только благом, но и серьезным затруднением. Уже в книжной полиграфии мы постоянно сталкиваемся с неадекватным и непоследовательным употреблением визуальных средств. Тем более сложной задачей может стать их осмысление и целесообразное применение в электронной фактуре.

Важно, однако, понять, что подобные осмысленность и целесообразность не есть лишь вопрос персонального чутья или опыта, но могут быть определены на основе достаточно строгой лингво-семиотической теории материальной манифестации текста.

Именно такая теория была в свое время построена А.А. Реформатским в малоизвестном сегодня учебном пособии [Реформатский при участии Каушанского 1933] (отрывки из него см. также в [Реформатский 1987]).

Хотя ученый вел свои разработки применительно к потребностям книжной формы визуализации, степень общности и объяснительная сила его таковы, что они сохраняют свою значимость для любой системы графической материализации текста, в том числе и компьютерной. Более того, по нашему убеждению, как раз в условиях компьютерного воплощения текста прикладная эффективность теории А.А. Реформатского проявляется с особой силой и очевидностью (см. [Иванова 2001]; подробный анализ концепции Реформатского подготовлен нами к печати).

4. Трудности представления вариантов текста в книжных изданиях

Проблемы представления вариантов текста принадлежат к числу базовых для текстологии. Необходимость представления вариантов текста связана с задачей изучения истории текста, как некоего динамического процесса (о ней как об основной задаче текстологии см. [Лихачев 1983, с. 24—57]). Полное восстановление истории текста предполагает отражение всех изменений, которые вносятся в текст произведения в процессе его написания, издания и последующего бытования самим автором, а также издателями, переписчиками, редакторами, цензорами и т.п.

Теоретические принципы разграничения и представления вариантов разного типа (собственно вариантов, редакций и т.д.) и разного происхождения разработаны и описаны — если говорить об отечественной традиции — прежде всего, в классических работах Б.В. Томашевского, С.М. Бонди, Д.С. Лихачева, С.А. Рейсера и других ученых. А практические примеры и результаты реализации этих теоретических принципов мы можем наблюдать в отечественных академических изданиях собраний сочинений и отдельных произведений. Излагать здесь

теорию, как и приводить многочисленные примеры из практики (к слову сказать, часто противоречащие не только друг другу, но и теоретическим постулатам), нет необходимости. Мы хотели бы обратить внимание лишь на те практические аспекты текстологической проблемы подачи вариантов текста, которые связаны с материальной формой представления и потому имеют непосредственное отношение к теме этой статьи.

Как увидим современные компьютерные средства как раз делают возможным более полное и более удобное осуществление упомянутых теоретических принципов представления вариантов текста.

В самом деле, до самого последнего времени практическое воплощение разработанных классиками принципов и методов воспроизведения вариантов текста упиралось в проблемы никак не связанные с сутью самой задачи, но при использовании книжной формы неизбежные. Текстология оказывалась заложницей сугубо материальных ограничений. Парадокс заключается в том, что результаты исследования истории текста (при котором категорически невозможно игнорировать материальную фактуру всех источников текста — рукопись, печатное издание и т.п. — иначе мы выходим за рамки собственно научного изучения) не могут быть с достаточной полнотой и адекватностью воспроизведены теми же полиграфическими средствами, что сами объекты исследования — тексты. Причины возникновения этого парадокса двояки и кроются в а) объеме вариантов текста и б) недостаточности репертуара средств визуализации, имеющихся в книжной полиграфии.

В лексикографии давно сформулировано определение «полных» и «дифференциальных» словарей языка некоторого автора или произведения. Полные словари обладают большей достоверностью и научной ценностью (см., например, [Ларин 1974, с. 214—215]). Но объем полного словаря с увеличением объемов текстов растет так быстро, что на практике даже «Словарь языка Пушкина», полный по словарнику, в раскрытии и толковании значений оказался выборочным [Ларин 1974, с. 216—217]. А ведь объем текстов Пушкина сравнительно невелик, и пушкинская филология всегда была в привилегированном положении. А, скажем, для Достоевского не то что полный объяснительный сло-

варь, но даже полный конкорданс всех его произведений нельзя издать в книжной форме, потому что такое издание будет много больше сбмого полного собрания сочинений этого автора. По аналогичным причинам, как правило, не издаются полные своды вариантов и редакций классических произведений, поскольку объем их часто велик, а материальные затраты на их печатное воспроизведение колоссальны.

Замечательно, что во всех фундаментальных руководствах по текстологии их авторам приходится уделять внимание этим «материалным» аспектам осуществимости выдвигаемых требований к представлению редакций и вариантов. Ср., например, такое суждение С.А. Рейсера: «Можно ли позволить себе роскошь затрачивать грандиозную по трудоемкости работу на подготовку всего этого свода и затрачивать огромное количество бумаги и денег на его издание?! На первую половину вопроса ответ следует дать положительный: не проделав этой работы, не составив для себя полной сводки вариантов, текстологического паспорта, нельзя подготовить текст академического издания. На вторую часть ответ должен быть отрицательный» [Рейсер 1978, С. 39].

Применение новых информационных технологий в определенной мере снимает подобные ограничения. Оно не становится панацеей, но может повлиять на снятие наиболее болезненных запретов на объемы и стоимость воспроизведения полного свода вариантов (то же можно сказать и об ограничениях на объемы комментария и вспомогательного аппарата в целом). В этом аспекте современная ситуация в текстологии оказывается вполне аналогичной ситуации с конкордансами, обрисованной А.Я. Шайкевичем (см. цитату в начале нашей статьи). И также как компьютерные конкордансы, компьютерное представление вариантов текста оказывается в известном смысле эффективнее, чем книжное их представление. Последнее не менее, если не более, важно, и заслуживает специального разъяснения.

В книжном издании значимые особенности всех привлекаемых источников текста должны быть визуализированы полиграфическими средствами. А их репертуар в книжной форме, как уже упоминалось выше, ограничен. Особенно сложную задачу для визуализации пред-

ставляют рукописные источники, прежде всего, черновые (о природе и особых задачах чтения черновиков см. [Бонди 1971, с. 145—152]). В книжных изданиях зачастую практически невозможно аутентично отразить рукописное наследие таким образом, чтобы исследователь мог с ним работать не обращаясь к самим рукописям, поскольку средства воспроизведения рукописного подлинника в той или иной мере его искажают.

Позволим себе пространную цитату из классической работы Б.В. Томашевского, которая дает практически исчерпывающее представление о сути проблемы.

«Так или иначе, но самый процесс прочтения какого-нибудь сложного черновика, запутанного условными знаками, восстановлениями (обычно подчеркиванием прерывистой линией зачеркнутого), перенесения отрывков с одного места на другое, изменения порядка слов, строк и т.п., требует некоторого специального труда. Издание сложных факсимиле, обращенных к широким кругам читателей, которые не всегда в состоянии прочесть документ и могут быть введены в заблуждение неверно понятым текстом, надо облегчать сопровождением прочитанного текста, напечатанного типографским шрифтом. Так поступил, например, Беляев в бионкуровском издании “Русалки” Пушкина. Чтобы увязать расшифровку с фототипическим воспроизведением, он употребил ряд условных обозначений, в какой-то мере заменяющих обозначения автографа.

Такой способ печатания документа, в котором сохраняется в максимальной степени расположение текста и условные знаки рукописи, именуется **транскрипцией**.

Транскрипционных систем существует множество. Так в издании де Бионкура применены следующие условные знаки. Зачеркнутое помещено в скобках (). Во избежание смешения скобки автографа передаются прямыми скобками []. Надписанное над строкой передается курсивом, подписанное — заключается между двумя прямыми линиями | |. Восстановленное набирается разрядкой. Слова, полностью или частично переправленные, печатаются дробью: «серди_{ть}шься» — числитель обозначает первоначальную форму, знаменатель — окончательную. Предположительное чтение сопровож-

дено вопросительным знаком в скобках (?). Неразобранные отмечаются знаком NB.

Система эта весьма несовершенна, и недостатки ее могут служить указанием, какие приемы следует применять в более рациональной системе.

Употребление круглых скобок () в качестве транскрипционного знака неудобно потому, что эти скобки употребительны в качестве знака препинания. Замещать знаки препинания необычными [] нет смысла. Удобнее необычную форму [] сохранить именно в качестве транскрипционного знака. Точно так же курсив и разрядка имеют обыкновенное назначение в книгах, которое не следует без особой нужды менять. Кроме того, положение надписанных или подписаных слов в достаточной мере можно передать без всяких значков соответствующим печатанием их. Значок || неудобен потому, что если им выделено несколько слов, расположенных близко друг от друга, то неясно бывает, что именно выделено» [Томашевский 1959, с. 76—79].

Как видно из приведенной цитаты, репертуар традиционных полиграфических средств визуализации рукописного источника существенно ограничен. Это приводит текстолога к необходимости решать не содержательные, а сугубо технические задачи преодоления этих ограничений. Современные технологии, благодаря описанному выше богатству и доступности средств визуализации, позволяют перевести на новый уровень качество представления вариантов текста и, снимая технические проблемы мета-обозначений, дают возможность создать корректные, не омонимичные способы передачи особенностей самых сложных разновидностей источников.

Наконец, опять вспомним А.Я. Шайкевича, использование компьютерного представления текста может и текстологов заставить «полюбить компьютерные процедуры обработки текстов». В случае текстологии эти компьютерные процедуры, в частности, могут включать преодоление неудобств раздельного размещения основного текста, вариантов и примечаний традиционного для книжных изданий.

Итак, компьютерная текстология дает возможность выработки таких средств представления текста, которые позволили бы максимально сконцентрироваться на собственно научном описании текста и све-

сти технические проблемы (метаязыковые, технологические, экономические и пр.) к возможному минимуму. Некоторые подходы к выработке таких средств рассматриваются в заключительном разделе статьи.

5. Об одном возможном способе электронного представления вариантов текста

Выше говорилось, что использование компьютера создает новые возможности для текстологического представления вариантов текста. Проиллюстрируем это конкретным материалом. Естественно, наши предложения носят пока иллюстративный и гипотетический характер.

Мы взяли текстологически сравнительно простой случай. В архиве М.А. Реформатской хранится два варианта (терминологически, быть может, было бы корректнее называть их редакциями) неизданной статьи А.А. Реформатского «Код и дейксис» (1962—1963). Текст сохранился в двух видах — рукописи и машинописи. Сравнение двух этих источников и некоторые косвенные данные, позволяют предположить, что машинописный текст не является копией рукописного. Между ними должен был существовать еще один вариант текста, до нас не дошедший.

Пример 1

Рукопись

Если в данной системе коммуникации исключены все чисто интеллектуальные и эмоциональные задания, и поле ограничено только дейксисом, то, казалось бы, проще всего построить здесь строго дедуктивную систему знаков, используя дихотомически дифференциальные признаки цвета, формы, величины. чему примером может служить система знаков в «Правилах

Машинопись

Казалось бы, проще всего построить строго дедуктивную и экономичную систему указательных знаков, используя графические дифференциальные признаки цвета, величины, формы... примером может служить система знаков в Правилах движения автомобилей по пути.

Действительно, в этих «Правилах» осуществляется чистый дейк-

Е. А. Иванова

движения по улицам и дорогам Союза ССР».

Поле этих знаков — чисто дейктическое; здесь нацело элиминированы как чисто интеллектуальные, так и экспрессивные задания (а знак восклицания в треугольнике не равен знаку восклицания в тексте — это только предупреждение, то есть чистый дейксис).

сис, даже «знак восклицания» — это только предупредительный знак, а не «знак эмоции» — не дай бог этой «эмоции» шофферу!

В компьютере мы имеем возможность создать некоторое общее «сводное» представление этих вариантов.

При создании нашего сводного представления ни в коем случае не ставится задача компиляции двух вариантов, т.е. их замены неким третьим, никогда не существовавшим вариантом. Использование компиляций справедливо осуждается в теории текстологии (см., например, [Томашевский 1959, с. 182—184]). Наше сводное компьютерное представление является лишь эвристически удобным способом записи, облегчающим сравнение вариантов и выявление отношений между ними.

В качестве эксперимента мы попробовали создать сводное представление двумя способами: вручную и средствами Word'a. Ниже в примере 2 приведена версия сводного представления, полученная нами без использования встроенных возможностей редактора.

Пример 2

Если в данной системе коммуникации исключены все чисто интеллектуальные и эмоциональные задания, и поле ограничено только дейкесисом, то, КАЗАЛОСЬ БЫ, ПРОЩЕ ВСЕГО ПОСТРОИТЬ зде~~сь~~ СТРОГО ДЕДУКТИВНУЮ *и* ЭКОНОМICHНУЮ СИСТЕМУ *указательных* ЗНАКОВ, ИСПОЛЬЗУЯ ди~~х~~отомически<?> гра~~ф~~ИЧЕСКИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ЦВЕТА, формы; ВЕЛИЧИНЫ; *фор*мы... че~~му~~ ПРИМЕРОМ МОЖЕТ СЛУЖИТЬ СИСТЕМА ЗНАКОВ В «ПРАВИЛАХ ДВИЖЕНИЯ автомобилей по пути по улицам и дорогам Союза ССР».

Поле этих знаков — чисто дейктическое; здесь нацело элиминированы как чисто интеллектуальные, так и экспрессивные задания (а знак восклицания в треугольнике не равен знаку восклицания в тексте — это только предупреждение, то есть чистый дейкесис).

Автоматически сгенерированное сводное представление приведено в примере 3:

Пример 3

Если в данной системе коммуникации исключены все чисто интеллектуальные и эмоциональные задания, и поле ограничено только дейкесисом, то, казалось бы, проще всего построить здесь строго дедуктивную *и экономичную* СИСТЕМУ *указательных* ЗНАКОВ, используя *дихотомические графические* ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ЦВЕТА, ФОРМЫ, ВЕЛИЧИНЫ, ЧЕМУ ПРИМЕРЕНЫ ВЕЛИЧИНЫ, ФОРМЫ... Примером может служить СИСТЕМА ЗНАКОВ В «Правилах движения по улицам и дорогам Союза ССР». *Правилах движения автомобилей по пути.*

Действительно, в этих «Правилах» осуществляется чистый дейкесис, даже «знак восклицания» — это только предупредительный знак, а не «знак эмоции» — не дай бог этой «эмоции» шофферу! Поле этих знаков — чисто дейктическое; здесь нацело элиминированы как чисто интеллектуальные, так и экспрессивные задания (а знак восклицания в треугольнике не равен знаку восклицания в тексте — это только предупреждение, то есть чистый дейкесис).

В обеих версиях сводного представления (примеры 2—3) приняты следующие мета-обозначения:

Шрифтовые: Капиталь бульшего кегля — совпадающий в обоих вариантах текст; прямой, зачеркнутый — рукописный вариант, курсивный, п/ж — машинопись.

В версии, составленной вручную (пример 2) добавлены мета-обозначения еще двух типов:

Пространственные: Линейный порядок принят для отражения частных расхождений в текстах на уровне одного предложения;

параллельно представлены абзацы, занимающие одинаковые позиции в текстах, но целиком различающиеся.

Специальные обозначения: Знак <?> после слова «дихотомически» — согласно текстологической традиции указывает на гипотетическое прочтение слова в данном случае в рукописном варианте; стоящее после слова «шофферу» обозначение [Е.А.1] типично для оформления редакторских примечаний в Word'e. Заключенные в квадратные скобки инициалы обозначают редактора, который сделал данное примечание, арабская цифра — порядковый номер примечания.

Прежде всего, следует сделать несколько замечаний.

1. В компьютерном оригинале обеих версий сводного представления используются цветовые обозначения, что делает их значительно более наглядными и удобными. Для журнальной публикации мы вынуждены были несколько преобразовать визуализацию этих примеров, учитывая полиграфические возможности черно-белой печати. Но и в таком черно-белом упрощении примеры замечательно иллюстрируют проблемы, с которыми сталкиваются филологи при издании вариантов текстов. В частности, мы также встретились с необходимостью снятия синонимии при введении мета-обозначений (в данном случае отсутствует омонимия), ср., например, редакторские обозначения, заключенные в квадратные скобки.

2. Преобразования делались нами автоматически, средствами «поиска и замены» текстового процессора MS Word, что является примером упрощения последующей обработки текста и делает эту обработку более качественной, поскольку при «общих заменах» исключены неточности.

3. Следует оговорить, что в приложении VBA программа автоматического объединения вариантов текста, при ее повторной реализации, может создавать несколько отличные версии сводного представления. Причины этого явления следует обсуждать отдельно, поскольку они связаны скорее с вопросами отладки и настройки программы, а не ее принципиальными возможностями.

Помимо самих сводных представлений нами был сделан специальный макрос, который позволял автоматически производить деком-

позицию сводного представления в любой из исходных вариантов. С точки зрения трудоемкости разработка этого макроса совершенна элементарна и доступна любому квалифицированному пользователю Microsoft Word. С точки зрения теоретической, для его написания достаточно учитывать элементарные требования сохранения однозначных соответствий между обозначениями в исходных и получаемых вариантах. Пользуясь терминологией А.А. Реформатского [Реформатский 1963] — это элементарное **перекодирование** (и только в очень сложных случаях оно может потребовать **трансформации**).

Опыт обработки макросом приведенных выше сводных представлений статьи «Код и дейксис» показал, что по каждому из них компьютер без всяких искажений восстанавливал оба исходных варианта — рукописный и машинописный. Это свидетельствует о возможности использования подобных приемов в текстологической практике.

Литература

- Акимова М.В. Презентация фундаментальной электронной библиотеки в ИМЛИ РАН) // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 6. С.72—75.
- Баевский В.С. Лингвистическое, семиотическое, математическое, компьютерное моделирование в истории литературы и поэтики // Текст. Интертекст. Культура. М.: Азбуковник, 2001. С. 447—465.
- Бонди С.М. О чтении рукописей Пушкина // Бонди С.М. Черновики Пушкина. М.: Просвещение, 1971. С. 143—190.
- Вигурский К.В., Пильщиков И.А. Филология и современные информационные технологии (К постановке проблемы) // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2003. Т.62. № 2. С.9—16.
- Генетическая критика во Франции: Антология. М.: ОГИ, 1999. 287 с.
- Ленсон П.Г. Справочник художественного и технического редакторов. М.: Книга, 1988. 527 с.
- Гиндин С.И. Гипертекстовая филологическая система по творчеству В.Я.Брюсова // Московский лингвистический журнал. М.: Изд. центр РГГУ, 2002. Т. 6. № 2. С. 219-226.

Е. А. Иванова

Иванова Е.А. Книга Реформатского и графическая грамотность в век компьютера // Русский язык. 2001. № 1. С. 2, 5

Ларин Б.А. Основные принципы словаря автобиографической трилогии М. Горького // Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л.: Худож. лит., 1974. С. 214-227.

Лихачев Д.С. Текстология: На материале рус. лит. XI—XVII вв. / Изд. 2-е, перераб. и доп. Л.: Наука, 1983.

Проблемы текстологии и эдиционная практика: Опыт французских и российских исследований / Под общ. ред. М. Делона, Е.Е. Дмитриевой. М.: ОГИ, 2003. 344 с.

Рейсер С.А. Основы текстологии. Л.: Просвещение, 1978. Изд. 2-е. 176 с.

Реформатский А.А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 208-215

Реформатский А.А. [При участии Каушанского М.М.] Техническая редакция книги. Теория и методика работы / Под ред. Д.Л. Вейса. Гос. изд. легкой промышленности, 1933. 414 с.

Реформатский А.А. Техническая редакция книги [Отрывки] / Сост., подготовка текста М.В. Панова // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. 141-179 с.

Томашевский Б.В. Писатель и книга: Очерк текстологии / Изд. 2-е. М.: Искусство, 1959. 279 с.

Шайкевич А.Я. Конкорданс к прозаическому тексту (К выходу в свет конкорданса к «Преступлению и наказанию») // Русистика сегодня. М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1995. № 2. С. 5-30.

Browne S., Pulsford S, and Sears R. Literature and Internet: A Guide for Students, Teachers, and Scholars. New York&London, 2000. 191 p.

Delany, Paul, and Landow George P., eds. Hypermedia and Literary Studies. Cambridge: MIT Press, 1991

Landow George P., Hypertext: The Convergence of Contemporary Critical Theory and Technology. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992 (и другие работы Дж. Ландоу).

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

3.М. Шаляпина

Программа курса «Проблемы и методы автоматического перевода»¹

Введение

Роль автоматического перевода в обучении будущих лингвистов

Машинный, или автоматический, перевод, наряду с информационным поиском, явился одной из первых компьютерных задач в области прикладной лингвистики и в значительной степени стимулировал теоретические и методологические исследования по созданию лингвистических формализмов и общих формальных моделей языка и языковой деятельности. В настоящее время это одно из важных направлений искусственного интеллекта, представляющее как теоретический, так и очевидный практический интерес.

¹ При подготовке данной программы использован опыт и результаты теоретических и экспериментальных исследований, выполнявшихся в Институте востоковедения РАН при частичной финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований 01-01-598, а также более ранних грантов РФФИ (№№ 95-01-01136, 98-01-0039), Российского гуманитарного научного фонда (№ 96-04-06233) и Института «Открытое общество» (№№ R95-810-131295-305, Т5А755).

3. М. Шаляпина

В связи с этим представляется, что изучение опыта, накопленного в ходе работ по автоматическому переводу (далее — АП) является необходимым компонентом в обучении как будущих языковедов-теоретиков, так и специалистов в области прикладного языкознания. Однако состав и объем курсов, посвященных проблематике АП, должны быть различны в зависимости от их предназначения и адресации.

Если курс машинного перевода включен в обязательную программу и читается всем студентам-лингвистам независимо от их будущей специализации, то объем курса поневоле будет невелик, а его содержание ограничится лишь важнейшими вехами истории АП, его основными понятиями и главными уроками его развития. Именно так обстоит дело на отделении теоретической и прикладной лингвистики МГУ, где курс «Машинный перевод» объемом в 32 часа входит в обязательный цикл прикладных дисциплин и читается в семестре после «Введения в прикладную лингвистику» и «Автоматической обработки естественного языка»². Как компонент общего лингвистического образования такой сжатый курс вполне оправдан и достаточен.

Иначе должно строиться обучение АП тех студентов, для которых он станет частью программы их специализации. Это не только те, кто собирается заняться в будущем непосредственно проблемами АП, но и все, кто специализируется в области компьютерной прикладной лингвистики: будущие теоретики, питающие особую склонность к лингвистическим формализмам, и, наконец, будущие специалисты по информатике или по интеллектуальным системам, если их интересуют задачи автоматической обработки текстов.

Все названные категории слушателей объединяет то, что им нужны гораздо более подробные и объемные знания в области АП, нежели те, которые можно дать в рамках краткого обязательного курса. Соответственно, преподавание АП для подобной аудитории должно проводиться уже в рамках спецкурсов и на спецсеминарах. Именно так было поставлено преподавание АП на образованном в 1992 г. факультете теоретической и прикладной лингвистики (ныне Институт лингвистики) РГГУ.

² См.: Учебный план ОТиПЛ // Программы и учебный план Отделения теоретической и прикладной лингвистики / МГУ. Филол. ф-т. М., 1996. С. 147

Система специальных курсов и семинаров по автоматическому переводу в РГГУ

Однако у слушателей перечисленных категорий потребности в знаниях по АП все-таки разные. Студента, интересующегося формальным описанием языка, нужно познакомить прежде всего с понятийным и процедурным инструментарием, созданным в ходе исследований по АП. Для будущего специалиста по компьютерной обработке текста не менее важны рабочие характеристики различных компонентов лингвистического обеспечения АП, итоги их практического применения. Наконец, студент, желающий заняться непосредственно АП, должен получить навыки самостоятельного решения конкретных задач в этой области.

Подобная дифференцированность запросов аудитории приводит к мысли о необходимости модульного построения системы занятий по АП. Для полноценного освоения проблематики предусматриваются два взаимодополняющих лекционных курса: курс «Проблемы и методы автоматического перевода», который носит преимущественно историко-обзорный характер, и более теоретический по своим задачам курс «Моделирование языка при автоматическом переводе (в рамках сущностного подхода к лингвистическому описанию)». Желающим специализироваться по АП помимо лекционных курсов предлагается участие в спецсеминаре «Практические вопросы автоматического перевода», позволяющем конкретизировать и углублять полученные знания путем экспериментальной работы. Семинар, который автор этих строк в течение ряда лет вела в РГГУ, был посвящен проблематике перевода с японского языка на русский – в рамках исследовательского машинно-переводческого комплекса ЯРАП, разрабатываемого в Институте востоковедения РАН. Спецсеминар должен дополняться летней практикой студентов в научных учреждениях, занимающихся АП.

Оба лекционных курса ориентированы прежде всего на будущих лингвистов и специалистов по искусственному интеллекту, интересующихся проблемами формализации лингвистических описаний – как в

3. М. Шаляпина

целях перевода, так и в связи с другими задачами понимания и порождения текстов. Они читались студентам Факультета теоретической и прикладной лингвистики и Отделения искусственного интеллекта РГГУ в пятом-шестом и седьмом-восьмом семестрах. По своему содержанию данные два курса практически не пересекаются между собой, так что порядок, в котором они читаются, не принципиален. От слушателей ожидается, однако, что они уже освоили основные лингвистические понятия (в частности, владеют навыками построения представлений синтаксической структуры предложения в терминах составляющих и зависимостей), а также знакомы с основами таких классических лингвистических теорий, как теория порождающих грамматик и модель «Смысл ↔ Текст».

О содержательных и методических особенностях программы курса «Проблемы и методы автоматического перевода»

Предлагаемая программа представляет собой расширение и дальнейшее развитие программы обязательного курса «Машинный перевод», разработанной автором для Филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.³ Однако курс, читавшийся в МГУ, носил преимущественно обзорный характер и был рассчитан всего на 26-28 часов учебного времени. А спецкурс «Проблемы и методы автоматического перевода» является годовым, предполагает не менее 60-70 часов занятий и предусматривает не только знакомство студентов с общими сведениями об истории и проблематике автоматического перевода, но и более углубленное изучение ряда разработанных в этой области алгоритмов и формализмов, позволяющее рассматривать их в сопоставительном плане. Проводимые сопоставления опираются при этом на такие важные понятия и оппозиции современной компьютерной лингвистики и искусственного интеллекта, как противопоставление реляционных и

³ Шаляпина З.М. Машинный перевод // Программы и учебный план отделения теоретической и прикладной лингвистики / МГУ. Филол. ф-т. М., 1996 С.78-82.

Программа курса «Проблемы и методы автоматического перевода»

сущностных подходов к моделированию языка; типы и характер используемых в различных системах отношений наследования; логические основания и пределы применения в них механизмов умолчаний и др. Определяя концептуальную новизну предлагаемого курса, данный подход к его организации обеспечивает в то же время необходимую базу для того, чтобы на основе знаний и навыков, приобретенных в результате его усвоения, специалист получил возможность при разработке конкретных компьютерных систем осознанно выбирать, в зависимости от целей разработки, тот или иной подход к ее реализации, а также грамотно выделять и ставить те частные задачи, которые будут требовать при этом своего решения.

Соответственно, цели курса состоят в том, чтобы дать студентам представление:

- об основных направлениях использования электронно-вычислительной техники в связи с задачами перевода;
- о лингвистических аспектах автоматического перевода как задачи компьютерного моделирования тех видов языковой деятельности человека, из которых складывается переводческий процесс;
- об основной лингвистической проблематике каждого из этапов обработки текста в целях автоматического перевода;
- о принципах организации лингвистической информации и процедур ее обработки в современных разработках по автоматическому переводу;
- об основных лингвистических формализмах, используемых в таких разработках для структурного представления языковых единиц;
- о базовых алгоритмах выявления и обработки наиболее стандартных типов структурных представлений языковых единиц при их переводе;
- об основных способах учета семантических аспектов естественного языка в рамках задач автоматического перевода;
- о современном состоянии промышленных и исследовательских разработок в данной области и основных наблюдающихся в настоящее время тенденциях ее дальнейшего развития.

3. М. Шаляпина

Ожидается, что студенты, усвоившие данный курс, с одной стороны, будут достаточно хорошо представлять себе принципиальное устройство и методы построения систем автоматического перевода и их основных компонентов, чтобы при необходимости включиться в работу над той или иной системой с минимумом дополнительного обучения, а с другой стороны, смогут самостоятельно ориентироваться в многообразии существующих систем и быть способны оценить ту или иную конкретную систему как в отношении ее лингвистической обоснованности и перспективности, так и с точки зрения ее непосредственной применимости и/или трудоемкости ее адаптации для тех или иных практических переводческих нужд.

Для достижения этих целей предусматривается использовать, помимо сопоставления концептуальных оснований изучаемых систем, также такие дидактические методики, как экспериментальное опробование демонстрационных версий отдельных систем, лингвистический анализ примеров переводов, приводимых в научных и рекламных материалах по различным системам, построение на этой основе выводов о возможностях и особенностях рассматриваемых систем и т.п.

Сформулированные задачи и методы определяют и характер требований, предъявляемых к студентам при оценке их успеваемости на экзамене или зачете. Важно, чтобы студент не только мог изложить основные принципы рассматриваемых в рамках курса лингвистических моделей, формализмов и процедур, но и был в состоянии сопоставить различные модели и подходы друг с другом, показать различия в их логике, их сравнительные достоинства и недостатки, а также обосновать и проиллюстрировать свои утверждения и знания на конкретных языковых примерах.

Желательно поэтому, чтобы курс читался в относительно небольших группах студентов (не более 10 человек) – с тем чтобы изучение тех или иных теоретических и методологических положений могло непосредственно сопровождаться их рассмотрением на реальном языковом материале при активном участии в этой работе самих слушателей.

Программа

Тема 1. Возникновение идеи автоматического (машинного) перевода, его основная проблематика и начальный период его развития

Проекты «переводных машин», предлагавшиеся в начале XX века. Переосмысление идеи машинного перевода в связи с появлением ЭВМ. Первые эксперименты по машинному переводу 1954-1956 гг. Развитие исследований по АП «вширь».

Три подхода к моделированию процесса перевода в системах АП: «прямой» перевод; перевод через язык-посредник; перевод через межъязыковые операции (трансфер).

Лингвистические и реализационные проблемы, встающие в рамках каждого из этих подходов. Основные виды языковой неоднозначности. Проблемы неточности переводных эквивалентов в словаре и грамматике и пути компенсации этой неточности при переводе. Роль внелингвистической (энциклопедической) информации. Проблемы эффективной организации переборов при многовариантности.

Общая формальная модель переводческой деятельности человека как основа моделирования этой деятельности в системах АП.

Разочарование в результатах и перспективах АП в середине 60-х гг. Доклад Консультативного комитета по автоматизированной обработке естественного языка (ALPAC) при Национальной академии наук США о нереализуемости и нерентабельности АП в ближайшие 50 лет (1966 г.). Основные причины разочарования.

Два направления дальнейших разработок в этой области: «практическое» и «исследовательское».

Тема 2. Метод «грубой силы» в решении проблем автоматического перевода

Основные особенности систем машинного перевода, опирающихся на метод «грубой силы» (brute-force approach). Ограничения, присущие этому методу.

Развитие метода «грубой силы» с использованием циклического локального анализа. Лингвистическое обеспечение систем SYSTRAN и АМПАР как пример такого подхода. Основные циклы обработки текста в системе АМПАР. Представление структуры текста как цепочки «информационных ячеек». Организация используемой при обработке лингвистической информации в виде грамматических и частных «схем». Язык стандартных операторов как средство процедурного описания языковой синтагматики и правил межъязыковых преобразований. Основные типы операторов. Примеры записи в этих терминах правил локального синтаксического анализа. Принципиальные возможности использования операторного языка для моделирования более сложных видов структурных представлений и возникающие при этом ограничения.

Тема 3. Пути практического применения машин для задач перевода. Основные практические системы машинного перевода 60-х - 70-х гг.

Три основных направления применения разработок по АП в практических целях.

Вспомогательные компьютерные системы в помощь переводчику. Основные типы таких систем и выполняемых ими периферических функций. Системы «машино-человеческого» и «человеко-машино-го перевода».

Использование систем АП в ситуациях, не требующих сложных переводческих операций. Основные типы таких ситуаций. Система ТАУМ-МЕТЕО. Использование системы GAT в Евраторе и в Комиссии по атомной энергии США.

Использование систем АП во взаимодействии с переводчиком - человеком. Виды такого взаимодействия.

Программа курса «Проблемы и методы автоматического перевода»

Практические системы АП с постредактированием (SYSTRAN, LOGOS, SPANAM, ENGSPAN, ENGPORt, Weidner Communications, АМПАР, СИЛОД, STYLUS). Их основные технологические и лингвистические характеристики (скорость, стоимость, качество перевода, языки программирования, тип ЭВМ; соотношение анализа и синтеза, лингвистического и математического обеспечения системы, степень гибкости обработки, тип анализа, способ учета вариантов, объемы и характер словарей). Предусматриваемые ими периферические возможности и средства лексикографического обслуживания.

Направления дальнейшей модернизации систем серии SYSTRAN, реализованные при разработке серии SYSTRAN-II. Направления развития лингвистической идеологии системы SPANAM при использовании ее опыта для создания систем ENGSPAN и ENGPORt.

Практические системы АП с предредактированием (SYSTRAN-XEROX, TITUS, CULT). Интерредактирование и проблемы его применения.

Оценка промышленных систем машинного перевода с точки зрения стоимости их разработки, средней стоимости перевода по сравнению со стоимостью работы человека, объемов и характера требуемого редактирования, производительности переводческого труда.

Тема 4. Универсальные методы синтаксического анализа в терминах составляющих, разработанные в связи с задачами автоматического перевода

Основные требования к формализованному представлению глобальной структуры синтаксических комплексов. Структура составляющих как средство такого представления. Идеи независимости анализа и синтеза, «отделения грамматики от механизма», многовариантности обработки на всех уровнях.

Универсальные методы многовариантного синтаксического анализа по непосредственно составляющим. Два основных критерия классификации этих методов: по направлению построения дерева составляющих в пределах каждого из формируемых вариантов анализа (с различением восходящих и нисходящих алгоритмов анализа) и по порядку рассмотрения альтернативных вариантов (с различением

3. М. Шаляпина

последовательных и параллельных алгоритмов). Соотношение восходящих и нисходящих алгоритмов анализа по скорости работы и по эффективности в их рамках ограничений, связанных с конкретными языковыми единицами. Соотношение последовательных и параллельных алгоритмов анализа по скорости их работы и по объему памяти, требуемому для хранения промежуточных результатов. Проблемы оптимизации обработки при разных методах анализа.

Примеры универсальных алгоритмов анализа структуры составляющих:

- метод последовательного восходящего анализа;
- метод последовательного нисходящего анализа; грамматики расширенных сетей переходов (Augmented Transition Network Grammars, ATN-грамматики) как формализм, расширяющий возможности порождающих грамматик при использовании «встроенного» механизма анализа последовательного нисходящего типа;
- метод Кока как пример алгоритма параллельного восходящего анализа; модификация этого метода, разработанная в Гренобльской группе исследований по автоматическому переводу;
- метод Эрли как пример алгоритма параллельного нисходящего анализа.

Рассмотрение работы алгоритма каждого типа на конкретных примерах.

Исследования, ориентированные на поиск лингвистических и когнитивных оснований для определения оптимального порядка анализа в рамках различных порождающих подходов.

Тема 5. Методы синтаксического анализа в терминах зависимостей, разработанные в связи с задачами автоматического перевода

Структура зависимостей как средство формализованного представления синтаксической организации словосочетаний и предложений. Ее преимущества и недостатки в качестве такого средства по сравнению со структурой составляющих. Размеченные и расположенные структуры зависимостей.

Одновариантные алгоритмы анализа структуры зависимостей. Понятие конфигурации в его различных определениях. Отношение непосред-

Программа курса «Проблемы и методы автоматического перевода»

ственной доминации (ОНД). «Свертывание» конфигураций как метод выявления структуры зависимостей предложения. Основные лингвистические трудности реализации этого метода. Идея «разделения уровней», ее достоинства и ограничения.

Многовариантные методы построения структуры синтаксических зависимостей по методу фильтров. Теоретические разработки этого метода в начале 60-х гг. Три основных этапа анализа по методу фильтров в классическом варианте его реализации. Роль понятия «универсальной» («достоверной») гипотезы в организации процедур применения фильтров к множеству первичных бинарных синтаксических гипотез.

Основные типы фильтров, выделяемые для русского языка, и возможности их применения к материалу других языков. Фильтры, связанные с общими соглашениями о структурах зависимостей. Фильтры, связанные с понятием проективности (конфигурационности) дерева зависимостей. Соотношение двух видов таких фильтров с точки зрения их относительной эффективности для «чистки» таблицы анализа. Примеры условий разрешенной непроективности. Фильтры, учитывающие сочетаемость отношений зависимости при общем главном члене и при участниках сочинительных конструкций. Фильтр, связанный с интерпретацией омонимов. Фильтры, опирающиеся на понятие обязательной валентности. Примеры обязательных валентностей и условий их разрешенной ненасыщенности. Частные синтаксические фильтры, связанные с конкретной лексикой языка, с его конкретными грамматическими категориями, с употреблением знаков препинания и сочинительных союзов.

Примеры анализа конкретных предложений по методу фильтров.

Тема 6. Дальнейшие направления в развитии процедур синтаксической обработки, опирающихся на структуры зависимостей

Основные пути оптимизации синтаксического анализа словосочетаний и предложений в терминах структур зависимостей на основе классического варианта метода фильтров.

3. М. Шаляпина

Различные возможности учета валентностной информации при построении структур зависимостей. Метод использования такой информации в качестве источника всех устанавливаемых связей, предложенный в разработках по системе АРАП.

Организация синтаксической обработки текстов в системе французско-русского автоматического перевода ФР-II. Первый опыт включения в алгоритм анализа, устанавливающего структуру зависимостей анализируемого предложения, механизма весовых оценок отдельных связей.

Механизмы обработки структур зависимостей в системе англо-русского автоматического перевода ЭТАП-2 и особенности реализованного в ней варианта метода фильтров. Сравнение эффективности вариантов анализа, используемых в системах ЭТАП-2 и ФР-II. Организация процедурного и информационного компонентов системы ЭТАП-2. Распределение различных видов лингвистической информации по отдельным этапам обработки текста при его переводе. Три типа грамматических правил: общие, трафаретные, частные. Предикатный язык для формального представления таких правил. Общие принципы их построения в терминах этого языка и основные типы предикатов, используемых для их записи. Примеры конкретных правил каждого типа для различных этапов обработки текста. Сотношение предикатного языка и языка стандартных операторов: сходства и различия.

Расширение метода фильтров на базе весовых оценок бинарных связей зависимостей в системе анализа русских предложений АРТ. Основные этапы анализа. Понятия «квази-составляющих» – фрагментов и групп; порядок построения тех и других и их основные различия между собой. Способы формирования первоначальных весовых оценок связей зависимостей. Использование иерархий фрагментов и групп для уточнения и модификации этих оценок.

Тема 7. Пути и средства интеграции при синтаксическом анализе структур зависимостей и структур составляющих

Преференционные модели синтаксического анализа, разработанные в Лаборатории математической лингвистики ЛГУ. Основные огра-

Программа курса «Проблемы и методы автоматического перевода»

ничения классических версий анализа по методу фильтров и способы их преодоления в преференционных моделях. Возможности совмещения в рамках этих моделей параллельных и последовательных способов организации анализа, а также элементов структур зависимостей и структур составляющих. Механизм анализа путем постулирования (гипотетического синтеза) фрагментов структуры, прогнозируемых обрабатываемыми единицами; его отличия от стандартных механизмов анализа путем поиска по образцу. Трактовка на этой основе таких лингвистических явлений, как сочинение и эллипсис.

Обобщенная грамматика составляющих (Generalized Phrase Structure Grammar, GPSG). Понятие сложного структурного признака (feature) как средства включения в обобщенную структуру составляющих сведений, характерных для структур зависимостей. Принципиальный состав и организация сложного структурного признака. Механизм «переноса» признаков «вверх» («вниз») по структуре. Примеры обобщенной структуры составляющих для конкретных синтаксических единиц. Способ отображения элементов сложных структурных признаков в правилах обобщенной грамматики составляющих. Примеры таких правил.

Лексико-функциональная грамматика (Lexical Functional Grammar, LFG) – формализм, занимающий промежуточное место между грамматикой составляющих и грамматикой зависимостей. Принципы выделения компонентов ЛФ-структуры, образующих единую составляющую. Переменные и мета-переменные, используемые для идентификации валентностей и реализующих их компонентов ЛФ-структуры. Примеры конкретных ЛФ-структур. Принципы записи правил, работающих с ЛФ-структурами. Примеры таких правил для структурных преобразований при межъязыковом переходе.

Тема 8. Лингвистическая семантика в исследованиях по автоматическому переводу

Методы формализации семантики в исследованиях, предшествовавших ее вовлечению в разработки по автоматическому переводу. Фасетная классификация Ш.Р.Ранганатана. Кливлендский семантический код. Понятие семантического множителя.

3. М. Шаляпина

Тезаурусный подход к переводу в разработках Кэмбриджской группы лингвистических исследований. Основной метод использования тезауруса при анализе и собственно переводе. Принципиальные требования к характеру семантической записи единиц разных лингвистических уровней и к роли синтеза при автоматическом переводе. Лингвистический смысл и ограниченность тезаурусного подхода к семантике. Возможности его переосмысления применительно к переводу терминов.

Идея использования семантического кода как языка-посредника при «реферативном» автоматическом переводе.

Методы и средства перевода с использованием расчлененного описания смысла лексических единиц, разрабатывавшиеся в Лаборатории машинного перевода Московского института иностранных языков. Общие требования к системе семантических множителей и инвентарю средств, предусматриваемых для структурирования семантической записи. Отображение предикатно-актантных и коммуникативных аспектов семантической структуры. Понятие модели управления лексической единицы. Семантические требования к заполнению ее «мест» (= валентностей). Порядок и принципы семантического анализа и семантических преобразований.

Язык формальных толкований как дальнейшее развитие данного семантического аппарата в рамках сущностного подхода к лингвистическому описанию. Взаимосвязь толкований лексических единиц, их семантических признаков и семантических интерпретаций их валентностей при этом подходе.

Понятие семантической интерпретации в хомскианской модели языка. Семантические признаки (markers) и различители (distinguishers) в составе лексических толкований. Введение для записи таких толкований понятий и противопоставлений, характерных для грамматик зависимостей: разграничение вершинного и не-вершинного компонентов составляющей (resp., head и modifier); понятие «щели» (slot) как аналог понятия валентности; понятие селекционных ограничений как аналог семантических требований к заполнению валентностей. Правила «введения избыточности» (redundancy rules): первый опыт использования в лингвистическом описании отношений наследования.

Программа курса «Проблемы и методы автоматического перевода»

Теория «глубинных (семантических) падежей». Соотношение понятия глубинного падежа с понятием валентности в ее семантической интерпретации как проявление различия между реляционным и существенным подходами к языку. Принцип неповторяемости глубинных падежей в простом предложении в сопоставлении с аналогичным принципом грамматики зависимостей. Исходный инвентарь глубинных падежей. Понятие «падежной модели управления» («падежной рамки» – case frame) лексической единицы. Возможности использования «падежной семантики» для представления стандартных типов лексической полисемии и для описания коммуникативной перспективы высказывания. Достоинства и недостатки падежного описания синтагматической семантики.

Тема 9. Использование понятий лингвистической семантики в практических системах автоматического перевода

Семантико-синтаксические аспекты японско-английской системы машинного перевода, построенной в рамках японского национального проекта по машинному переводу (Ми-проект). Семантические признаки, селекционные ограничения, «глубинные» и «поверхностные» падежи. Состав семантико-синтаксической информации в словарных статьях глаголов и существительных. Возможности отображения этими средствами лексически обусловленной сочетаемости; их сопоставление с соответствующими возможностями аппарата лексических функций модели «Смысл ↔ Текст». Использование «падежной» семантико-синтаксической информации в процессе анализа. Понятие «канонической структуры» для предложений, рассматриваемых как результат трансформаций. Тип структуры, получаемой в результате анализа. Работа с такой структурой на этапе межъязыковых операций.

Семантико-синтаксическая информация в обобщенной грамматике составляющих и в лексико-функциональной грамматике. Вид падежных моделей управления в словарных описаниях, ориентированных на эти виды грамматик.

3. М. Шаляпина

Система семантических понятий, предлагаемая в разработках по системе EUROTRA. Критика классических падежных описаний как недостаточно «глубинных» для отображения семантического сходства синтагматических отношений при синонимическом перифразировании. Введение четырехмерной системы падежных отношений при ограничении самих различаемых на каждом уровне падежей только максимально обобщенными семантико-сintаксическими оппозициями. Модификация на основе этой системы принципов неповторяемости падежей в простом предложении и единственности падежных характеризаций отдельных синтагматических связей. Основные правила приписывания падежных признаков при выявлении моделей управления предикатных слов. «Многомерный» вариант падежного описания синтагматики как аналог фасетных (скользящих) классификаций в описаниях лексической семантики.

Тема 10. Логическая семантика Р. Монтегю и возможности ее применения в системах автоматического перевода

Интерпретация именных и глагольных составляющих в логико-семантической теории Р.Монтегю. Композиционный принцип построения интерпретации предложения на основе интерпретаций его компонентов, как они задаются структурой его составляющих. Формальный вид правил семантической интерпретации. Лингвистический смысл построения логико-семантической интерпретации предложения в терминах грамматик Р.Монтегю как перехода от структуры составляющих данного предложения к структуре его предикатно-аргументных зависимостей и, в частности, отделения структуры как таковой от сведений о линейной организации элементов предложения.

Возможности формальной дифференциации семантически допустимых и семантически аномальных языковых выражений, обеспечиваемые аппаратом грамматик Р.Монтегю.

Экспликация средствами данного аппарата одного из типов условий кореферентности (контекстного наследования) валентностей в предикатно-актантных конструкциях. Пример формально-семантическо-

Программа курса «Проблемы и методы автоматического перевода»

го описания показателя каузатива как единицы, лексическая семантика которой должна отражать ее употребление в подобных конструкциях. Элементы формальной записи, обеспечивающие в рамках такого описания корректный порядок связывания содержащихся в нем переменных (= валентностей). Сопоставление записи данного типа со средствами задания аналогичной информации в системе лексических функций модели «Смысл ↔ Текст».

Принципы использования грамматик Р.Монтегю в экспериментальной системе автоматического перевода «Rosetta».

Тема 11. Семантика «знаний о мире» в системах автоматического перевода

Автоматический перевод на основе «знаний о мире» (Knowledge Based Machine Translation, KBMT) как одно из проявлений противопоставления реляционных и сущностных подходов к языку. Основные отличия сущностного принципа лингвистического описания; его связь с лингвистической традицией, с одной стороны, и с методами обработки текстов «под управлением словаря», а также с объектно-ориентированным подходом в программировании и в искусственном интеллекте, с другой. Понятие парадигматического и синтагматического наследования элементов информации. Основные типы отношений между единицей-наследником и единицей-наследодателем, на которых может базироваться наследование их свойств. Механизмы наследования, применяемые в лингвистических описаниях. Примеры, иллюстрирующие наследование «по умолчанию», «суммирующее» наследование, «вытесняющее» наследование.

Исследования по использованию «знаний о мире», ведущиеся в Центре Машинного Перевода Университета Карнеги Меллона (Питтсбург). Разграничение синтаксических и семантических знаний о языковых единицах в используемых при переводе структурах данных. Организация этих данных в виде «сущностно-ориентированной грамматики». Основные типы «понятийных сущностей» и сопоставляемых им типов знаний. Способы увязки и соотнесения между собой в таком описании знаний различных типов. Совмещение сущностно-ориентированного

3. М. Шаляпина

формализма с формализмом функциональных грамматик. Динамическая интеграция разных типов знаний о понятийных сущностях в ходе анализа. Перенос основных акцентов при анализе на семантические знания с соответствующим расширением понятия синонимии и возможностей работы системы с неграмматическим входом. Примеры конкретных «понятийных сущностей», сопоставляемых им описаний и получающихся по этим описаниям представлений конкретных высказываний. Проблемы и перспективы создания многоязычных систем типа КВМТ для промышленных и коммерческих целей.

Использование «знаний о мире» в системе Shalt-2. Пять основных видов источников знаний. Понятие концепта. Организация информации о концепте в виде объектно-ориентированной базы знаний, реализующей систему естественно-языковой классификации. Система наследования, предусматриваемая в этой базе.

Тема 12. Межъязыковые преобразования в системах автоматического перевода

Стратификационные теории естественного языка и проблемы определения уровня межъязыковых операций (собственно перевода) в системах автоматического перевода. Уровень базовых синтаксических структур как основной тип формального представления, на базе которого выполняются такие операции («язык-посредник»). Возможности учета при межъязыковых операциях информации сверхфразовых уровней: понятие «текстовой памяти» в системе LUTE корпорации NTT; средства слежения за текстовым контекстом в разработках Лаборатории информационной и коммуникационной технологии фирмы Мацусита.

Проблемы распределения лингвистических задач и знаний между этапами анализа и межъязыковых операций. Необходимость до-переводческих и после-переводческих преобразований. Примеры таких преобразований в англо-русской системе ЭТАП-2 и в японско-английской системе, созданной в рамках Ми-проекта.

Общие принципы организация этапа межъязыковых операций. Переход от «прямых» алгоритмов собственно перевода к исчислению и использованию переводческих знаний в рамках таких принципиально

Программа курса «Проблемы и методы автоматического перевода»

универсальных методов, как «перевод по аналогии», «по образцам» или «по примерам» (similarity-based/case-based/example-based translation). Основные аспекты перевода по аналогии. Характер используемых переводческих знаний; возможность применения переводческих знаний разных уровней. Метрика сходства как критерий применимости образцов к входным структурам. Механизмы выбора множества применимых образцов для полного покрытия ими входной структуры. Механизмы объединения результатов применения образцов в единую выходную структуру.

Возможности взаимодействия переводческого и анализирующего компонентов в системе TDMT (Transfer-Driven Machine Translation). Типы переводческих знаний, предусматриваемых в данной системе. Применение механизма аналогии для снятия структурной неоднозначности и для обработки ненормативных входных структур.

Механизмы перевода по аналогии с использованием структур зависимостей в системе SimTran.

Возможности (полу-)автоматического накопления базы примеров и ее обобщения в базу образцов. Проблемы идиоматики при решении этих задач.

Тема 13. Проблемы синтеза в системах автоматического перевода

Проблемы распределения лингвистических задач и знаний между этапом межъязыковых операций и этапом синтеза. Место процедур, устанавливающих порядок слов в выходном предложении.

Аппарат лексических функций и основные направления его использования на этапах межъязыковых операций и синтеза: в связи с явлениями смысловой нерасчленности и лексического согласования; при необходимости частеречных замен; при обработке предикатно-актантных конструкций; для перифразирования, обеспечивающего перераспределение смысла слов оригинала между единицами переводного текста. Преимущества и недостатки решения всех этих задач средствами единого формального аппарата. Реализация отдельных из них в системах ЭТАП-2, ЯРАП, в исследованиях группы OTS&CLMT.

3. М. Шаляпина

Основные лингвистические факторы, определяющие выбор способа лексической и морфолого-синтаксической реализации для синтезируемой языковой единицы. Проблемы установления оптимального объема того структурного и линейного контекста, который должен при этом учитываться, и порядка рассмотрения его отдельных элементов. Преференционные правила синтеза.

Принципы организации лексико-синтаксического синтеза при существенном подходе. Компонент синтеза в системе ЯРАП: вид входной информации, характер формальных средств для представления лингвистических знаний в ориентации на задачу синтеза, общий порядок выполнения процедур синтеза.

Синтез при неполноте и/или противоречивости входной информации о синтезируемых единицах. Возможности и пределы корректировки такой информации с использованием лексических и грамматических знаний о выходном языке.

Тема 14. Современное состояние исследовательских и промышленных разработок в области автоматического перевода

Основные промышленные и экспериментальные системы машинного перевода 80х-90х гг. Место Японии в разработках по автоматическому переводу. Перспективы создания систем устного перевода.

Качество переводов, обеспечиваемых современными системами автоматического перевода. Проблемы его оценки. Понятность vs. адекватность получаемых переводов. Влияние структуры оригинала на структуру перевода.

Основные тенденции современного этапа развития исследований в области автоматического перевода. Современное представление о роли и характере языка-посредника при автоматическом переводе. Роль сервисных средств при постредактировании переводов, а также при подготовке и коррекции лингвистического обеспечения систем автоматического перевода. Изменение задач этапа предредактирования входных текстов. Увязка многовариантности и одновариантности процедур обработки текстов, «глобальных» и локальных механизмов такой

Программа курса «Проблемы и методы автоматического перевода»
обработки. Изменения в соотношении реляционных и сущностных подходов к лингвистическому описанию.

Включение разработок по автоматическому переводу в общее русло исследований в области искусственного интеллекта, с одной стороны, и классической лингвистики, с другой. Дополнение систем автоматического перевода механизмами обучения и самообучения. Исследования по адаптации для целей автоматического перевода тех источников лингвистической информации, которые создавались или создаются безотносительно к этим целям.

Литература

1. Основная литература

1а. Общие работы

Бакулов А.Д., Леонтьева Н.Н. Теоретические аспекты машинного перевода // Искусственный интеллект: Справочник: В 3-х кн. Кн. 1: Системы общения и экспертные системы. М.: Радио и связь, 1990. Гл. 10. С. 201-216.

Бакулов А.Д., Леонтьева Н.Н., Шаляпина З.М. Отечественные системы машинного перевода // Искусственный интеллект: Справочник: В 3-х кн. Кн. 1: Системы общения и экспертные системы. М.: Радио и связь, 1990. Гл. 12. С. 248-260.

Кулагина О.С., Мельчук И.А. Автоматический перевод: краткая история, современное состояние, возможные перспективы // Автоматический перевод. М.: Прогресс, 1971. С. 3-25.

Леонтьева Н.Н., Шаляпина З.М. Современное состояние машинного перевода // Искусственный интеллект: Справочник: В 3-х кн. Кн. 1: Системы общения и экспертные системы. М.: Радио и связь, 1990. Гл. 11. С. 216-248.

3. М. Шаляпина

Мельчук И.А. Исследования по автоматическому переводу в 1970-1974 гг. М., 1975. 87 с. (Ин-т рус. яз. Проблемная группа по эксперим. и прикл. лингвистике. Предварит. публ. Вып. 67).

Мельчук И.А. , Равич Р.Д. Автоматический перевод. 1949-1963: Критико-библиографич. справочник. М., 1967. 517 с.

Нагао М., Цудзии Дз., Накамура Дз. Машинный перевод с японского языка на английский // Труды Ин-та инженеров электроники и радиотехники (ТИИЭР). М., 1986. Т. 74. № 7. С. 112-133.

Слокум Дж. Обзор разработок по машинному переводу: история вопроса, современное состояние и перспективы развития // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV: Компьютерная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. С. 357-406.

Шаляпина З.М. Текст как объект автоматического перевода // Текст и перевод. М.: Наука, 1988. С. 113-129.

16. Литература к отдельным темам курса

К теме 1:

Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. Гл. 3-5. С. 74-231.

Кулагина О.С. История машинного перевода // *Кулагина О.С.* Исследования по машинному переводу. М.: Наука, 1979. Ч. I. Гл. I. § 3. С. 13-18.

Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода. М.: Высшая школа, 1964. С. 13-19, 44-46, 122-129, 147-171, 211-217.

К теме 2:

Марчук Ю.Н. Проблемы машинного перевода. М.: Наука, 1983. §§ 1.3, 3.8-3.9, 6.4, Приложение 1. С. 22-24, 91-115, 183-186, 193-216.

К теме 3:

Кулагина О.С. Примеры переводов, полученных посредством системы ФР-II, и оценка качества МП // Актуальные вопросы практической реализации систем автоматического перевода. Ч.1. М.: Изд. Моск. ун-та, 1982. С. 113-133.

Программа курса «Проблемы и методы автоматического перевода»

К теме 4:

Кулагина О.С. Математический аспект систем машинного перевода // *Кулагина О.С.* Исследования по машинному переводу. М.: Наука, 1979. Ч. I. Гл. 3. § 1-2. С. 34-40.

Секерина И.А. Американские теории синтаксического анализа предложений в процессе понимания // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 100-138.

К теме 5:

Иорданская Л.Н. Автоматический синтаксический анализ. Т.2: Межсегментный синтаксический анализ. Новосибирск: Наука, 1967. Гл. I. С. 7-48.

Молошная Т.Н. О понятии грамматической конфигурации // Структурно-типологические исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С.46-59.

Падучева Е.В. О способах представления синтаксической структуры предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 2. С.99-113.

К теме 6:

Апресян Ю.Д., Богуславский И.М. и др. Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2. М.: Наука, 1989. С. 13-24, 60-70, 125-128.

Кулагина О.С. Об автоматическом синтаксическом анализе русских текстов. М., 1987. (Препринты Ин-та прикл. матем. № 205).

Кулагина О.С. Синтаксический анализ // *Кулагина О.С.* Исследования по машинному переводу. М.: Наука, 1979. Ч. 2. Гл. 3. С. 131-162.

Кулагина О.С. Синтаксический анализ на основе предпочтений // Festschrift V.Yu.Rozencveig. Wien, 1992 . С. 43-61. (Wiener Slavistische Almanach Sonder Bd. 33).

К теме 7:

Цейтин Г.С., Откупщикова М.И., Лейкина Б.М., Невлева Т.М. Система анализа текста с процедурным представлением словарной информации // Актуальные вопросы практической реализации систем автоматического перевода. Ч. 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 206-210.

К теме 8:

Жолковский А.К. О правилах семантического анализа // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1964. Вып. 8. С. 17-32.

3. М. Шаляпина

Жолковский А.К., Леонтьева Н.Н., Мартемьянов Ю.С. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе // Машинный перевод. М., 1961. С.17-46. (Труды Ин-та точной механики и вычислите. техники. Вып. 2).

Катц Дж.Дж. Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X: Лексическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 33-49.

Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X: Лексическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С.369-495.

Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X: Лексическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 496-530.

Шаляпина З.М. Семантические элементы как основа лексикографического описания: общие принципы и формальный аппарат // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1972. Вып. 15. С. 54-98.

К темам 9-10:

Жолковский А.К., Мельчук И.А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. 1967. Вып. 19. С. 177-238.

К теме 11:

Модина Л.С., Шаляпина З.М. Принципы организации лингвистических знаний в объектно-ориентированной модели лексико-морфологической системы японского языка // DIALOG '95: Труды Международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1995. С. 198-205.

Шаляпина З.М. Оппозиция «часть-целое» и существенный подход к моделированию языковой компетенции // Роман Якобсон: тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С.541-551.

Шаляпина З.М. Структурные валентности как универсальный инструмент описания языковой сочетаемости (при существенном подходе к ее моделированию) // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 2. С. 35-84.

К теме 12:

Апресян Ю.Д., Богуславский И.М. Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2. М.: Наука, 1989. § 2.3, 3, 4.1. С. 125-199.

Программа курса «Проблемы и методы автоматического перевода»

Жолковский А.К., Мельчук И.А. К построению действующей модели «Смысл - Текст» // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1969. Вып. 11. С. 5-35.

Лемб С.М. Стратификационная лингвистика как основа машинного перевода // Научно-техническая информация. 1964. № 10. С. 33-42.

Модина Л.С., Шаляпина З.М. Межъязыковые операции в модели японско-русского автоматического перевода ЯРАП // Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века. Вып. 7 / Инт востоковедения. М., 1999. С. 172-231

К теме 13:

Жолковский А.К., Мельчук И.А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. 1967. Вып. 19. С. 177-238.

К теме 14:

Нагао М., Цудзи Дз., Накамура Дз. Машинный перевод с японского языка на английский.// ТИИЭР. 1986. Т. 74. № 7. § VII В: Оценка качества перевода. С. 128-130.

Шаляпина З.М. Автоматический перевод: эволюция и современные тенденции // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 195-117.

2. Дополнительная литература

2а. Общие работы

Kay M., Gawron J.M., Norvig P. Verbmobil: a translation system for face-to-face dialog. Stanford: Leland Stanford Junior University, 1994. Р. 11-108 (CSLI Lecture Notes № 33).

2б. Литература к отдельным темам курса

К теме 1:

Бут А.Д., Локк У.Н. Историческое введение // Машинный перевод. М.: Изд. иностр. лит., 1957. С. 15-32.

3. М. Шаляпина

Достерт Л.Н. Джорджтаунский эксперимент // Машинный перевод. М.: Изд. иностр. лит., 1957. С. 171-184.

Панов Д.Ю. И.К. Бельская и ее исследования по алгоритму автоматического лингвистического анализа // *Бельская И.К.* Язык человека и машина. М., 1969. Раздел III. С.11-17.

Увер У. Перевод // Машинный перевод. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. С. 33-44

К теме 2:

Риченс Р.Г., Бут А.Д. Некоторые методы машинного перевода // Машинный перевод. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. С. 45-75.

К теме 3:

Соколов Н. «Уж если ты разлюбишь»... // Химия и жизнь – 21 век. М., 1996. Вып.1 (пилотный). С.70-73.

К теме 4:

Фостер Дж. Автоматический синтаксический анализ. М.: Мир, 1975. Гл. 4. С.21-35.

К теме 5:

Кулагина О.С. Использование машин в исследованиях по машинному переводу // Проблемы кибернетики. М., 1963. Вып. 10. С.205-213.

Лесерф И. Применение программы и модели конфликтной ситуации к автоматическому синтаксическому анализу естественных языков // Научно-техническая информация. 1963. № 10. С. 42-50.

Мельчук И.А. Автоматический синтаксический анализ. Т. I: Общие принципы. Внутрисегментный синтаксический анализ. Новосибирск: Наука, 1964.

Мельчук И.А. Об алгоритме синтаксического анализа языковых текстов: Общие принципы и некоторые итоги // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1962. Вып.7. С. 45-87.

Падучева Е.В. О понятии конфигурации // Вопросы языкознания. 1965. № 1. С. 56-68.

Фитиалов С.Я. О моделировании синтаксиса в структурной лингвистике // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1962. С.100-114.

Программа курса «Проблемы и методы автоматического перевода»

К теме 6:

Костыркин А.В. Применение технологий ограничений в синтаксическом анализе предложения // Труды международного семинара ДИАЛОГ-2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 2: Прикладные проблемы. Протвино, 2000. С. 199-208.

Шалепина З.М. Семантико-синтаксический анализ в системе англо-русского автоматического перевода (АРАП). М., 1974. (ИРЯ АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварит. публ. Вып. 47).

К теме 7:

Gazdar G., Klein E., Pullum G., I Sag. Generalized Phrase Structure Grammar. Oxford: Blackwell, 1985.

Gunji T. Japanese Phrase Structure Grammar: A unification-based approach. Dordrecht et al.: D.Reidel Publishing Company, 1987. § 2.2: Syntax. P. 8-16.

Kaplan R., Bresnan J. Lexical Functional Grammar: a Formal System for Grammatical Representation // *Bresnan J.* The Mental Representation of Grammatical Relations. Cambridge: MIT Press, 1983.

Kudo I., Nomura H. Lexical-functional transfer: a transfer framework in a machine-translation system based on LFG // Proceedings of COLING'86. Bonn, 1986. P.112-114.

К теме 8:

Жолковский А.К. «Статьи по машинному переводу» Кэмбриджской лингвистической группы // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1961. Вып. 5. С.81-89.

Иванов Вяч.Вс. Лингвистические вопросы создания машинного языка для информационной машины // Материалы по машинному переводу. Сб.1. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. С.10-39.

Москович В.А. Информационные языки. М.: Наука, 1971. §§ 3-11. С. 72-79.

Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Но-вое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С.74-122.

3. М. Шаляпина

Черный А.И. Введение в теорию информационного поиска. М.: Наука, 1975. § 2.7.1. С. 85-87.

К теме 9:

Gunji T. Japanese Phrase Structure Grammar. A unification-based approach. Dordrecht et al.: D.Reidel Publishing Company, 1987. § 2.3: Semantics. P. 16-22.

Kudo I., Nomura H. Lexical-functional transfer: a transfer framework in a machine-translation system based on LFG // Proceedings of COLING'86. Bonn, 1986. P.112-114.

Ruus H., Spang-Hansen E. A theory of semantic relations for large-scale natural language processing // Proceedings of COLING'86. Bonn, 1986. P. 20-22.

К теме 10:

Монтею Р. Универсальная грамматика // Семиотика и информатика. М., 1985. Вып. 26. С. 105-136.

Саболча А. Моделирование языка в работах Р. Монтею // Модальные и интенсиональные логики и их применение к проблемам методологии науки. М.: Наука, 1984. С. 269-302.

Циткин А.И. Введение в грамматики Монтею // Модальные и интенсиональные логики и их применение к проблемам методологии науки. М.: Наука, 1984. С. 137-152.

Шаляпина З.М. О двух типах условий кореферентности валентностей в предикатно-актантных конструкциях // Типология конструкций с предикатными актантами. Л.: Наука, 1985. С. 46-50.

Landsbergen J. Montague Grammar and Machine Translation // Linguistic Theory and Computer Applications. London: Academic Press, 1987. P. 113-147.

К теме 11:

Nyberg E.H., Mitamura T. The KANT System: fast, accurate, high-quality translation in practical domains // Proceedings of COLING'92. Nantes, 1992. P.1069-1073.

Takeda K., Nasukawa T., Uramoto N., Tsutsumi T. Shalt-2 – a Symmetric Machine Translation System with Conceptual Transfer // Proceedings of COLING'92. Nantes, 1992. P. 1034-1038.

Программа курса «Проблемы и методы автоматического перевода»

Tomita M., Carbonell J.G. Another Stride Towards Knowledge-Based Machine Translation // Proceedings of COLING'86. Bonn, 1986. P. 633-638.

К теме 12:

Cornish T., Fujita K., Sugimura K. Towards Machine Translation Using Contextual Information // Proceedings of COLING'94. Kyoto, 1995. P.51-56.

Furuse O., Iida H. Cooperation between Transfer and Analysis in Example-Based Framework // Proceedings of COLING'92. Nantes 1992. P. 645-651.

Nomiyama H. Machine Translation by case generalization // Proceedings of COLING'92. Nantes 1992. P. 714-720.

Nomura H., Naito S., Katagiru Y., Shimazu A. Translation by Understanding: A Machine Translation System LUTE // Proceedings of COLING'86. Bonn, 1986. P. 621-626.

Watanabe H. A Similarity-Driven Transfer System // Proceedings of COLING'92. Nantes 1992. P. 770-776.

К теме 13:

Жолковский А.К., Мельчук И.А., Шаляпина З.М. Экспериментальный фрагмент англо-русского толково-комбинаторного словаря в процессе перевода. М., 1971. 37 с. (ИРЯ АН СССР. Проблемная группа по эксперименту и прикл. лингвистике. Предварит. публ. [Вып. 16]).

Шаляпина З.М., Канович М.И. Русский морфологический и морфолого-синтаксический синтез по неполной и/или неточной входной информации // Русский язык как иностранный: лингвистические проблемы / Ин-т рус. яз. М., 1997. С.137-147.

Hayashi Y. A Three-level Revision Model for Improving Japanese Bad-styled Expressions // Proceedings of COLING'92. Nantes, 1992. P. 665-671.

Heylen D., Maxwell K.G., Verhagen M. Lexical Functions and Machine Translation // Proceedings of COLING'94. Kyoto, 1994. P.1240-1244.

Kohl D. Generation from under- and overspecified structures // Proceedings of COLING'92. Nantes, 1992. P.687-692.

3. М. Шаляпина

К теме 14:

Chandioux J., Grimaile A. «Specialized» Machine Translation // Expanding MT Horizons: Proceedings of the Second Conference of the Association for Machine Translation in the Americas. Montreal; Quebec, 1996. P. 206-212.

Doi S., Muraki K. Translation Ambiguity Resolution based on Text Corpora of Source and Target Languages // Proceedings of COLING'92. Nantes, 1992. P. 525-531.

Farwell D., Guthrie L., Wilks Y. The Automatic Creation of Lexical Entries for a Multilingual MT System // Proceedings of COLING'92. Nantes, 1992. P. 532-545.

Hutchins J. The State of Machine Translation in Europe // Expanding MT Horizons: Proceedings of the Second Conference of the Association for Machine Translation in the Americas. Montreal; Quebec, 1996. P. 198-205.

Kay M., Gawron J.M., Norvig P. Verbmobil: a translation system for face-to-face dialog. Stanford: Leland Stanford Junior University, 1994. (CSLI Lecture Notes № 33).

Michiels A., Mullenders J., Noel J. Exploiting a large data base by Longman // Proceedings of COLING'80. Tokyo, 1980. P. 374-382.

Miura M., Hirata M., Hoshino N. Learning Mechanism in Machine Translation System «Pivot» // Proceedings of COLING'92. Nantes, 1992. P. 693-699.

Nomiura Y., Nakamura T., Hitaka T., Yoshida S. Logical Form of Hierarchical Relation on Verbs and Extracting it from Definition Sentences in a Japanese Dictionary // Proceedings of COLING'92. Nantes, 1992. P. 574-580.

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АРХИВОВ

Воспоминания П. С. Кузнецова

**Публикация, вступление и комментарии
В. М. Алпатова**

От публикатора

Воспоминания крупнейшего отечественного лингвиста Петра Савича Кузнецова (1899–1968), названные им «Автобиографией», были написаны в 1966 г., незадолго до кончины автора.

Ряд фрагментов «Автобиографии» ранее уже был издан. А.А. Реформатский во вступительной статье к сборнику памяти П.С. Кузнецова «Язык и человек» (М.: Изд-во МГУ, 1970) привел значительные по объему извлечения из воспоминаний. В дальнейшем В.М. Алпатовым было подготовлено к печати еще несколько отрывков из «Автобиографии»:

- Кузнецов П.С. Аспирантура в РАНИОН (из «Автобиографии») // Социальные и гуманитарные науки: Реферативный журнал. Серия 6. Отечественное языкознание. 1994, №3.
Из воспоминаний П.С. Кузнецова. Г.К. Данилов // Восток, 1994, №2.
Воспоминания П.С. Кузнецова о А.И. Томсоне // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995, №2.

Однако человеческое и научное значение воспоминаний П.С. Кузнецова требует их более обширного издания. Полная публикация станет возможной, очевидно, лишь в отдельной книге или избранном П.С. Кузнецова.

П. С. Кузнецов

Для настоящей журнальной публикации воспоминания сокращены примерно на треть объема. Всё, что в них связано с деятельностью П.С. Кузнецова как лингвиста и с историей советской лингвистики, мы старались сохранить.

Большая часть предлагаемого читателю текста печатается впервые.

Источником публикации послужил экземпляр машинописи, при надлежавший А.А. Реформатскому и ныне хранящийся у В.А. Виноградова. Наиболее крупные сокращения отмечены многоточиями в угловых скобках. Также в угловых скобках даются вставки, сделанные публикатором.

О своей жизни Петр Саввич в «Автобиографии» рассказал так много, что к этому нечего добавить за исключением того, что скончался он после длительной тяжелой болезни 21 марта 1968 г.

О его вкладе в науку см. также упомянутую статью А.А. Реформатского и статью В.М. Алпатова: Петр Саввич Кузнецов (к столетию со дня рождения) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. №1.

П. С. Кузнецов

Автобиография

Родился <я> 20 января (старого стиля) 1899 г. в руднике на Богословской балке Усть-Хоперского округа области войска Донского¹. Настоящих моих родителей я не знал, или, точнее, узнал кое-что лишь по рассказам, частью будучи подростком, частью же и совсем взрослым. Мать моя работала сиделкой в больнице, говорят, была очень красива и хорошо пела. Ее муж, а мой отец по метрике, крестьянин Воронежской губернии, фактически моим отцом не был. Во время моего рождения он был в солдатах, а мать моя сошлась с известным в то время земским врачом и общественным деятелем (по-видимому, они работа-

Автобиография

ли в одной больнице). Девяти месяцев от роду меня взяли на воспитание и официально усыновили (без передачи фамилии) друг моего настоящего отца (врача) Владимир Семенович Дубенский и его жена Матильда Исидоровна. Своих детей у них не было. Усыновили меня без передачи фамилии потому, что для передачи фамилии тогда необходимо было подать прошение царю, а они по принципиальным соображениям не хотели обращаться к царю. Их я называл папой и мамой и, пока не пошел в гимназию, считал своими настоящими родителями. Мой же настоящий отец после моего усыновления сразу прекратил всякие сношения с моим приемным отцом, за что мои приемные родители его осуждали (может быть, он боялся, что тайна моего рождения дойдет до его семьи).

Мой приемный отец, юрист, умер, когда мне было около 4-х лет (ему тогда было 32 года), и я его помню, но смутно. Мы жили в Харькове, он работал в Харьковском суде, я знаю, что он выступал защитником по назначению у подсудимых, которые не могли нанять адвоката. Моя приемная мать, которую я до конца ее жизни называл мамой, по происхождению была итальянка. О родителях моего приемного отца я ничего сказать не могу. Отец же моей <приемной> матери – один из 22-х детей генуэзского рыбака, не знаю, какими путями вышел в люди, стал владельцем корабля и крупным торговцем мукой. Жил он в это время в Одессе. Но вследствие его скверного и деспотического нрава, моя приемная мать, окончив гимназию, шестнадцати лет, с тремя рублями в кармане ушла из дома, и больше туда до смерти отца не возвращалась.

Дом и капитал (не знаю, что стало потом с кораблем) достались ее старшей сестре.

Моя приемная мать работала потом учительницей городской начальной школы (окончание гимназии давало на это право) в Туле, где и познакомилась, кажется, с моим приемным отцом. Впоследствии, уже будучи вдовой, она училась на каких-то курсах, а одно время преподавала в женской гимназии. Участвовала она в подпольной работе. Материалы о ней есть в каких-то изданиях Истпарта (вследствие этого через несколько лет после революции ей была определена персональная пенсия).

П. С. Кузнецов

Не знаю вследствие каких обстоятельств, незадолго до смерти моего приемного отца, моя приемная мать передала меня на некоторое время своей лучшей подруге Вере Яковлевне Колмогоровой (тетке акад. А.Н. Колмогорова, математика, который, впрочем, тогда еще не родился²), и она увезла меня в имение, принадлежавшее ее отцу (деду Андрея Колмогорова) в Ярославской губернии, в 17 верстах от Ярославля, вниз по Волге. Там я провел следующие три года жизни (до лета 1905 г.). Туда же сразу после рождения был привезен и Андрей Колмогоров, который был моложе меня на 4 года и 3 месяца.

В 1905 г. (весной) я тяжело заболел, некоторое время совсем не владел ногами, и летом я вновь вдвоем с моей приемной матерью был в Крыму, где лечился грязями, а затем мы на некоторое время поехали в Одессу к ее сестре. И именно тогда, когда я был в Одессе, туда приходил «Потемкин». И я помню тир у Александровского сада, о котором писал Катаев в «Белеет парус одинокий». Во время же декабрьского восстания я был в Москве. Эту зиму я жил вдвоем с мамой (моей приемной матерью). Она снимала комнату от жильцов, и у нас (я узнал об этом уже после революции) готовили фальшивые паспорта для подпольщиков. Во время же самого восстания против нас стояла батарея, обстреливавшая Пресню. По вечерам мы стояли с мамой у окна, и я видел, как одни за другими проходили сани, на которых вывозили убитых.

После того зимой я жил с мамой в Москве, а по летам мы гостили у Колмогоровых. Впрочем, одну зиму (1907-1908 гг.) я провел у них в имение. А потом и Андрей Колмогоров со своей тетей жили в Москве, и мы все вместе жили на одной квартире.

В детстве я много болел, одно время опасались за мое психическое состояние, и такой крупный специалист, как впоследствии проф. В.П. Кащенко, считал, что я не смогу закончить даже гимназию. Отчасти вследствие этого я поступил в гимназию несколько позднее, чем обычно принято было в интеллигентных семьях: в первый класс я пошел в 1910 году, т.е. когда мне уже исполнилось 11 лет. Впрочем, В.П. ошибся, и я благополучно окончил гимназию, ни разу не оставшись на второй год и даже с высокими оценками.

Автобиография

В I-м классе я учился в гимназии Флерова, а начиная со II-го класса и до конца в гимназии Е.А. Репман. Там же учился и Андрей Колмогоров (он был на три класса моложе меня). Но, поскольку он тогда уже обнаруживал задатки великого математика, он помогал мне решать задачи <...>

Еще в младших классах, но также и позднее интересовался я астрономией и мечтал о полетах на другие планеты (о бесконечности вселенной и о том, что мы вместе с землей находимся в постоянном, очень быстром и сложном движении, я узнал задолго до гимназии, в возрасте приблизительно 4-х или 5-ти лет). В последнем классе гимназии у нас преподавалась космография (так тогда назывался школьный курс астрономии) и преподавал ее только что оставленный при университете, совсем молодой (ему было 21-22 года), член Парижского астрономического общества (был туда принят 18-ти лет за статью, если не ошибаюсь, об излучении солнца) Эрнст Карлович Эпик (эстонец по национальности).

Еще до гимназии, но также и позднее, я мечтал об археологических раскопках и изысканиях геологического и палеонтологического характера. В имении Колмогоровых, в рябиновой аллее (в большом саду) против маленькой террасы, был найден кусок зуба мамонта (дорожка была размыта дождем), и я мечтал покопаться там, не отыщется ли целый скелет. В возрасте 9-10 лет я интересовался муравьями, прослеживал муравьиные дороги, вынос личинок на прогулку и даже имел удовольствие наблюдать сражение между муравьями двух разных пород. Наблюдал я также, как муравьи общаются между собой при помощи движения усиков. Я вел тогда дневник наблюдений над муравьями. В то время я много читал о муравьях.

Летом, при переходе из 3-го в 4-й класс я прочел повесть С.Р. Минцлова «Царь царей»³, по существу приключенческую, но ставившую и некоторые научно-философские вопросы, посвященную комплексной экспедиции в Сибирь. Эта повесть направила мои интересы в сторону лингвистики. Прототипом главного героя, лингвиста, автору послужил, думаю, И.А. Бодуэн де Куртене (там фигурировал профессор Петербургского университета по имени Иван Яковлевич). В этой повести о

П. С. Кузнецов

Сибири были обнаружены надписи, сделанные перед наступлением последнего ледника на неизвестном языке, они были расшифрованы, оказалось, что язык родствен санскриту, но древнее его. О том, что был такой язык санскрит, я узнал за два года до чтения этой повести. Вспоминая собственные имена из этих надписей (я после не перечитывал этой повести и никогда ее больше не видел), я вижу, что, действительно, язык этот был архаичнее санскрита: в нем сочетание *zd* еще не дало *d* с удлинением предшествующего гласного.

В 4-м классе преподававший у нас тогда историю Н.И. Руднев говорил нам о двух типах историков, из которых представители одного занимаются подготовкой фактического материала, анализом письменных источников, дешифровкой надписей, папирусов, клинописи и т.д., а другие – обобщениями социологического характера. Сам Н.И. интересовался более именно социологией, он сам нам говорил это. В то время мой одноклассник Сергей Мусатов и я, оба мечтали стать историками. Мне Н.И. предсказывал будущность историка первого типа, а С. Мусатову – второго. Впрочем, С. Мусатов впоследствии стал математиком, математику же бросил для живописи – еще в гимназии он был талантливым художником. В том же, что Н.И. определял меня как историка первого типа, я вижу предвестие того, что я стал впоследствии лингвистом. Несмотря на высокий уровень преподавательского состава нашей гимназии, в гимназии нам никто не говорил о лингвистике как особой отрасли науки, и я о ней имел очень смутное представление...

Впрочем, интересы мои, даже по мере приближения к старшим классам, были разнообразны. При переходе из 5-го в 6-й класс мы получили задание написать комплексное описание местности, где мы будем жить летом – в географическом, зоологическом, ботаническом, этнографическом отношении, привезти образцы почвы, провести метеорологические наблюдения (по лени, я проводил их, как следовало, в 7 <часов>, в 13 и в 21, но далеко не ежедневно, впрочем, сверх этих наблюдений, описал редкое явление – значительное посветление, напоминавшее необычный рассвет, после захода солнца, перед началом грозы, вследствие отражения лучей зашедшего солнца от верхних слоев облаков) и, наконец, начертить план какого-нибудь участка местности,

Автобиография

где мы будем жить. Жили же мы в то лето в Борзенском уезде Черниговской губернии, где одна из теток Андрея Колмогорова работала земским врачом. Задание я выполнил (черновики этой работы у меня частью сохранились), привез образцы почв в спичечных коробках (несмотря на то, что добирались мы осенью до Москвы с приключениями вследствие сильного немецкого наступления в то лето и переполнения дороги беженцами с запада, в товарном вагоне, прикрепленном к хвосту скорого поезда), записал несколько украинских песен и даже заинтересовался украинским языком, наконец, начертил план одного болота, произведя съемку его (идя вокруг по краям) при помощи рулетки и самостоятельно мною сделанного и рассчитанного угломерного инструмента (лишь при некоторой помощи Андрея Колмогорова, переходившего в тот год из 2-го- в 3-й класс), причем ошибка получилась небольшая. Параллельно с этим (уже для себя и для чтения друзьям) я написал трактат об искусстве и трактат о манихейском учении, в котором высказывался в его пользу.

Довольно рано я начал писать стихи (хотя теоретически в своем трактате и относил поэзию к таким видам искусства, которые не должны существовать), но писал вначале неважко. Пробовал свои силы и в художественной прозе. Писал также исторические трагедии в стихах. Хорошо писать стихи я стал лишь с 7-го класса гимназии. С этого же времени из предметов, преподаваемых нам, я увлекся историей литературы, и в этом, я считаю, значительная заслуга К.Г. Локса^{3а}, притом не только русской, но и западной. В особенности меня привлекал немецкий романтизм, главным образом Гофман, а затем Гейне. В 8-м классе К.Г. Локс задал нам домашнее сочинение на выбор – о славянофилах или западниках в русской литературе 30-х – 40-х годов XIX в. Я написал сочинение о кружке Станкевича, которое заняло пять школьных тетрадок. К.Г. предложил мне читать прочесть вслух в классе (я читал два или три урока, не помню) и посоветовал беречь его, сказав, что оно пригодится мне в университете (вероятно, он считал тогда, что я стану литературоведом). В 8-м классе я, по совету К.Г., прочитал «Огненного ангела» В. Брюсова и начал писать драму в стихах «Фауст» с трактовкой Фауста и Мефистофеля иной, чем у Гете и чем у Брюсова. Мне уже

П. С. Кузнецов

было известно к этому времени, что было несколько десятков произведений на разных языках, посвященных Фаусту, что он был исторической личностью и что от него осталось некоторое литературное наследство на латинском и немецком языках. Драма не была закончена, но некоторые отрывки к ней, в том числе два варианта монолога Фауста, сохранились у меня до сих пор. О своем намерении я сообщил К.Г. Локсу, причем он сказал, что, по его мнению, Фауст в наших условиях должен быть великим ученым, и именно физиком, с чем я не согласился.

Физику мы изучали хотя и довольно подробно, но архаически. О новых физических теориях, о структуре материи, об отношении пространства и времени и т.д. мы узнавали из журналов, а не из учебников. Я помню, мне было очень досадно, что мы не знакомимся с новейшими достижениями по школьной программе.

Н.А. Строганова, учившая нас... французскому языку, знакомила нас и с классическими и с современными произведениями французской литературы, учила нас художественно переводить с французского на русский и вела с нами (в последних классах) философские беседы на французском языке. Именно тогда я полюбил драмы в стихах Ростана, которые мы читали в классе.

С.Н. Нюберг, снова преподававшая у нас в восьмом классе латынь, всегда сопровождала чтение латинских авторов рассказами о римской культуре, давала психологические характеристики римских деятелей и поэтов. К концу гимназии, в значительной степени благодаря ей, я читал по-латыни достаточно трудные тексты. К ней обращался я и впоследствии, когда готовился к аспирантскому экзамену по латыни, а также когда (уже после гимназии) занимался греческим языком. Следует сказать, что экзамен по латинскому языку, который я сдавал, будучи аспирантом в 1929 г., был единственным экзаменом, к которому я готовился по программе, соответствующей по объему дореволюционному магистерскому экзамену. Потом требования и план подготовки стали меняться.

Гимназию я окончил весной 1918 г. Это был последний полный выпуск, и без экзамена, по годовым отметкам (экзамены были отменены

Автобиография

ны еще после Февральской революции, в 1917 г.). Вместе с нами был выпущен седьмой класс (после Октябрьской революции до преобразования в единую трудовую школу, гимназия из восьмиклассной была превращена в семиклассную).

Тогда была мода на всякие новшества, и в год окончания (не помню, за сколько месяцев до окончания) нам (восьмому классу, в седьмом этого не было) было предложено, кто желает, написать сочинение на любую тему, по любому предмету, без всяких консультаций, привлекая любую литературу, изложить его публично (с приглашением учителей, родителей и учеников любых классов) в актовом зале, ответив при этом на задаваемые вопросы. Оценки за это не ставились. Тема, самостоятельно формулированная мною, была «Гейне как мыслитель исторического самосознания». Прозаические тексты Гейне мною были использованы в переводах, стихотворные же – все на немецком языке. Наброски к этому сочинению у меня сохранились до сих пор. Изложение моих положений, вопросы и ответы на них продолжались что-то около трех часов. Вопросы мне задавали из преподавателей Владимира Алексеевич Черепнин, отец известного ныне историка Льва Владимировича Черепнина, учившегося в то время в нашей же гимназии, но в младших классах⁴..., а из родителей Николай Матвеевич Катаев, отец Андрея Колмогорова (мать Андрея Колмогорова, дочь крупного помещика и предводителя дворянства, ушла с Н.М. из дома против воли родителей и не венчалась с ним, сам же Н.М. был тогда высланным в Ярославль земским статистиком, по образованию он был агрономом, кроме того, до революции был не очень известным писателем-беллетристом, после Октябрьской революции он заведовал учебным отделом Наркомзема, погиб в 1919 г. на Южном фронте во время наступления Деникина)...

Как я уже писал, в гимназии я мало имел представления о языкоизнании. Поэтому по окончании я поступил на историческое отделение Историко-филологического факультета Московского университета (это было в том же 1918 г.). Одновременно с тем надо было работать, иначе не было средств к существованию. После некоторых затруднений я устроился (в июле того же 1918 г.) на работу в Отдел реформы школы

П. С. Кузнецов

Наркомпроса. Помог мне в этом заведовавший тогда этим отделом П.Н. Лепешинский, отец Ольги Лепешинской⁵... Когда начались занятия в университете, это моей работе в Наркомпросе не мешало, так как многие студенты работали, все занятия в университете в то время были переведены на вечерние часы.

В Наркомпросе я работал помощником делопроизводителя, затем делопроизводителем, наконец, секретарем Секции гуманитарных наук Отдела реформы школы. Я вел протоколы различных комиссий, подготавливая внешние данные о книгах, намеченных к переизданию, работал с букварями и начальными книгами для чтения (отмечая, что в них не соответствует послереволюционной идеологии) и т.д. По работе я познакомился с такими выдающимися людьми, как поэт Осип Эмильевич Мандельштам, заведовавший в том же отделе, где я работал, подотделом эстетического воспитания. Мой непосредственный начальник, один из самых талантливых лингвистов советского времени, в то время еще молодой, Николай Феофанович Яковлев (10 лет спустя им была опубликована «Математическая формула построения алфавита»). Юрий Борисович Румер, ныне известный физик (работает в Новосибирском отделе АН СССР)⁶, тогда студент-математик I-го курса, был секретарем секции (или подсекции? или комиссии?) ритмического воспитания (была и такая!). Особенностью его (Румера) в то время было то, что он и двигался какой-то ритмической походкой...

Секретарствуя в литературной комиссии секции гуманитарных наук, я слышал выступления М.О. Гершензона и тогда еще молодого приват-доцента Н.Л. Бродского⁷. Последний произвел на меня большое впечатление, но впоследствии я понял, что в его высказываниях многое внешне эффектного, но неглубокого.

Идеи на различных заседаниях в Отделе реформы школы высказывались иногда очень странные. Так, приглашенный в качестве консультанта Иван Рукавишников⁸ (поэт, не знаю, где он жил тогда, но впоследствии он жил на улице Воровского на чердаке, и к нему надо было лазать через крышу, я там у него как-то был, но это уже после гражданской войны) делал доклад, на котором утверждал, что ребенок, приступающий к изучению грамоты, должен сам творить азбуку.

Автобиография

Несколько раз я видел Н.К. Крупскую. Она показалась мне простой и добродушной, несколько грубоватой, но именно добродушно грубоватой. Наркомом у нас был в то время А.В. Луначарский, но его я видел и слышал, лишь один раз. Больше видел и слышал я его первого заместителя, известного историка М.Н. Покровского, впоследствии не во всем справедливо обвиненного в вульгарном социологизме (но уже после смерти). Выступления его были умные, глубоко продуманные (в особенности помню его один доклад о международном положении и о степени возможности пролетарской революции в различных капиталистических странах).

Один раз я видел и говорил (по делу) с Валерием Брюсовым, который заведовал в Наркомпросе Московским библиотечным отделением (впоследствии я слушал <его> и сдавал у него энциклопедию стиха, но это уже после гражданской войны и всего за несколько месяцев до его смерти).

Осенью 1918 г. я начал занятия в университете. Зима 1918-1919 гг. была голодная и холодная. В аудиториях сидели в пальто и в шубах. Студенты ходили мало. Я начал заниматься (как уже говорил) на историческом отделении историко-филологического факультета (на это отделение я поступил по совету С.Н. Нюберг). Регулярно я посещал (после того, как побывал и у некоторых других) четырех профессоров – Д.М. Петрушевского (общий курс истории средних веков), М.К. Любавского (лекции по истории Литвы), Мих. Мих. Покровского, впоследствии академика (чтение и толкование Горация), М.М. Богословского (просеминарий по «Русской правде»)⁹. Петрушевский читал содержательно, но внешне скверно и неразборчиво. Впрочем, можно было садиться в переднем ряду, так как обычно на лекции было человека четыре. Историю средних веков он начинал с разложения Римской империи, и большая часть курса была посвящена этому. У Любавского слушало и того меньше – человека два. Занятия Покровского и Богословского были практическими, и их посещало несколько больше народа, но тоже мало (человек 8-10, порой и меньше). Собственные комментарии Мих. Мих. Покровского (читал он хорошо, интересно и внешне выразительно) перемежались чтением и разбором текста, который делали студенты.

П. С. Кузнецов

А Горация я любил еще в гимназии и довольно хорошо знал его благодаря С.Н. <Нюберг>. На этих занятиях я познакомился с Б.Н. Граковым¹⁰, который тогда тоже был на I-м курсе (ныне известный археолог). У М.М. Богословского мы занимались чтением и анализом текста «Русской правды». Кроме того, каждый должен был представить небольшой реферат (я представил реферат об уголовном праве древней Руси на основании «Русской правды»). Некоторое время я слушал историю Римской империи у Р.Ю. Виппера¹¹. У него были довольно парадоксальные, хотя и спорные идеи. Читая его книгу, вышедшую уже после Великой Отечественной войны («Происхождение христианской литературы»), я вспоминал его лекции – много было общего. Недолго слушал П.Н. Сакулина¹² – общий курс русской литературы XIX в. Не знаю, как потом, но осенью, когда еще было тепло, у него было много народа. Внешне он читал хорошо, но показался мне легковесным: большую часть того, что он читал, я уже знал. Впрочем, у П.Н. я бывал и дома, так как был знаком с его дочерью, Ниной Сакулиной. Впрочем, с ней мы почти по всем вопросам не соглашались. Впоследствии она стала археологом, и я с ней (уже когда я был аспирантом) встретился на каком-то обширном собрании или съезде.

Занятия историей (так, как они велись тогда в университете) меня понемногу разочаровывали. Я хотел иметь дело непосредственно с источниками, подлинниками, причем древними и на разных языках, и в самой истории меня увлекала тогда скорее авантурно-фактическая часть, открытие новых интересных фактов, а не социологические и экономические обобщения. Граков звал меня переходить на классическое отделение (он сам тогда был классик), и я несколько колебался. В начале года я слушал еще психологию у Челпанова и логику у Г.Г. Шпета¹³. Но на философское отделение переходить во всяком случае не собирался, так как считал, что это отделение целесообразно пройти лишь в случае, если предварительно кончить математическое отделение физико-математического факультета, а к математике я считал себя недостаточно способным, хотя в аттестате у меня и была пятерка. У Челпанова аудитория была всегда полна (он читал в большой аудитории Психологического ин-

ститута), его слушали студенты не только нашего факультета, но многие медики и естественники. У него я впервые увидел психологические эксперименты, и читал он внешне хорошо, ясно и понятно, но мне показался легковесным. Г.Г. Шпет мне понравился четкостью, но, пожалуй, для первого курса был труден.

Лишь в конце второго семестра, т.е. в конце 1919 г.¹⁴, я узнал о существовании <в то время> специального отделения сравнительного языкоковедения и познакомился с его планом (студенты в то время были гораздо больше, чем теперь, предоставлены самим себе), а затем и собрался переходить на него. Оно всегда было очень небольшим. Но в это время отменили отсрочки от призыва учащимся (ведь была гражданская война), а мой год был уже призван, я имел отсрочку как студент (в Первую мировую войну я не попал, был призван последний год передо мной), и я должен был идти в Красную Армию, с чего и начинается новый период моей жизни.

Военная обстановка не была для меня совсем новостью. Осенью 1918 г. я проходил обучение (без отрыва от работы) в 39-м резервном рабочем полку (при Бутиковской фабрике¹⁵), даже один раз был взят на сутки в караул, с отрывом от работы, причем даже был назначен караульным начальником. Потом был освобожден как студент... Должен, конечно, сказать, что Бутиковская фабрика мне была уже известна по Февральской революции: я ее «брал» вместе с толпой – там залегли не то казаки, не то солдаты, верные царскому правительству, и при взятии ее был даже один убитый. У меня оружия не было, но увеличивал толпу я сознательно: из рассказов старших, знакомых с подпольной революционной работой и с подготовкой революции, я знал, что массовость нападения (если даже вооружены немногие) действует на войска (особенно колеблющиеся) психологически, а масса состоит из единиц. Впрочем, там дело кончилось быстро: засевшие на фабрике быстро сдались, их было немного.

Моя военная служба в Красной Армии (и уже на казарменном положении) началась для меня в июне 1919 г. Служил я во 2-й Московской запасной тяжелой артиллерийской бригаде, а так как было лето, мы стояли в лагере (в палатках) на Ходынке...

П. С. Кузнецов

В запасной бригаде я пробыл недолго. Приблизительно через месяц я, с партией других красноармейцев, был направлен на Петроградский фронт. Там я был назначен в 1-й гаубичный артиллерийский дивизион КАУ (так сокращенно назывался «карельский артиллерийский участок»)... В этом дивизионе я и прослужил свыше трех лет (до поздней осени 1922 г.) сначала в 3-й бригаде, а затем в управлении дивизиона. Мы считались на фронте, но в боях дивизион большую часть времени не участвовал: активных действий на Карельском перешейке не было... Сначала мы формировались под Петроградом (в Лесном) – дивизион недавно прибыл с Урала, а затем стояли на Карельском перешейке, ближе к Ладожскому озеру, чем к морю <...>

Некоторое время я был в строю (запасным канониром), а затем меня взяли в канцелярию, так как тогда хорошо грамотных людей было мало. Работал я переписчиком, преподавал я главным образом не грамоту, а более высокие науки (с лицами, готовящимися сдавать на командные курсы; занимался даже алгеброй и геометрией), совсем неграмотных в артиллерийских частях тогда не бывало, это не пехота... Впрочем, когда не хватало людей, был как-то в карауле, перевозил дивизионные овощи (на лошадях), а однажды во главе пяти красноармейцев занимался мобилизацией (временной) крестьянских лошадей для перевозки орудий (было голодное время, наши собственные лошади частью пали, частью были зарезаны на мясо, так как иначе все равно бы пали)... Во времена службы моей бывало всяко, и товарищи, и начальство были разные, были и хорошие, и плохие, но в целом с дивизионом я свыкся и вспоминаю его с благодарностью <...>

В то время, когда я работал в канцелярии, и тем более позднее, когда я занимал должности, соответствующие комсоставским, я довольно часто получал увольнительные, а то и командировки в город <Петроград>, вследствие чего приобрел различными путями обширный круг знакомств в самых разных слоях общества – тогда социальные границы были сильно смешены, на одном конце социальной лестницы были посетители ночлежек на Лиговке, на другом – общество герцогини Эллы-Маргариты Юзинг-Нассауской. Промежу-

ток занимал салон некой молодой скульпторши, брат которой заведовал техническим отделом Петроградского совета и у которой бывали виднейшие поэты тех дней. Именно у нее я познакомился с Н.С. Гумилевым, который показался мне очень похожим на его «изысканного жирафа»¹⁶. Случайно, в лавке букиниста я познакомился с довольно молодой, но старше меня, артисткой, муж которой (не знаю, был ли он официальный муж, она носила другую фамилию) недавно был расстрелян, и стал бывать у нее.

Большое впечатление произвел на меня Петроград эпохи военно-го коммунизма – величественный, прекрасный город, но пустынный – там было голоднее, чем в Москве, и очень многие жители покинули его тогда для более сытных мест. Предприятия работали далеко не все, и многие рабочие, еще не потерявшие связь с деревней, разбрелись по деревням. Особенно полюбил я белые ночи в этом тогда полумертвом городе. Я довольно много ездил еще мальчиком, но никогда раньше не бывал в Петербурге. Оживать он стал лишь в последний год моего пребывания там, когда кончилась гражданская война и начался НЭП. Тогда ожил Гостиный двор, появились толпы на Невском, золото и драгоценности в витринах ювелирных магазинов.

В начале 1922 г. я очень тяжело заболел возвратным тифом, температура 41,3° во время самого большого приступа, долго пролежал в госпитале, а затем получил двухмесячный отпуск в Москву, где снова окунулся в прежнюю жизнь с прежними московскими друзьями, а частью – и новыми. Андрей Колмогоров в это время уже был студентом-математиком, выдвигался, работал в семинаре у Н.Н. Лузина¹⁷, который вообще брал в свой семинар только тех, которые в будущем, как он надеялся, будут профессорами.

В мае 1922 г. я вернулся в свой дивизион... После сбора (осенью и зимой) началось переформирование и слияние различных частей, поскольку все большее количество старших возрастов военнослужащих демобилизовывались. Ввиду того, что при слиянии моя должность была упразднена, я получил назначение на бронепоезд №18 «Стегущий», стоявший на Мурманской дороге, на ст. Званка¹⁸. На нем я и прослужил с конца 1922 г. до начала осени 1923 г...

П. С. Кузнецов

...Летом 1923 <г.> бронепоезд принял участие в лагерном сборе и перешел со Званки на ст. Саперную (ближе к Петрограду)... В целом на бронепоезде мне жилось и служилось хуже, чем в артиллерию, с начальством отношения были не особенно хорошие, дружеских отношений не завязывалось, а если завязывались, то за пределами бронепоезда. Когда мы стояли на Званке, рядом с нами был Волховстрой. Я как-то бывал там, кое-с-кем познакомился... Одно время я даже мечтал, если демобилизуюсь, уйти работать на Волховстрой... Впрочем, в некотором отношении и этот период жизни я вспоминаю с благодарностью. Я познакомился с устройством бронепоезда, с типами бронепоездов, с элементами бронетактики и элементами железнодорожного дела...

Вскоре после окончания лагерного сбора я был переведен в гарнизон Шлиссельбургской морской крепости. Но там я пробыл недолго (примерно месяц или немного больше)... Я подал на демобилизацию... и демобилизовался (или, как тогда формулировалось, «был уволен в бессрочный отпуск») в октябре 1923 г. Так закончился период моей военной службы.

Чем я занимался и чем интересовался я за эти годы, помимо военной службы? Были периоды, когда я с утра до ночи был занят служебными обязанностями и, встав довольно рано утром, ложился на расвете следующего дня, но были периоды, когда было довольно много свободного времени. Я писал стихи, правда, не так много, как когда-то (наиболее продуктивным для меня было то время, когда я учился в 8-м классе – я писал ежедневно не менее двух стихотворений, часто больше, а рекордным для меня было одно воскресенье, когда я написал 13 стихотворений), много читал – и художественной литературы, и поэзии, и научной в самых разных областях... В научном отношении я читал довольно беспорядочно, интересовался и математикой, и физикой (тогда я познакомился более систематически с теорией относительности), и физиологией и гистологией, и геологией, и историей, особенно древней и средневековой, да, пожалуй, и трудно все перечислить. Хорошее знание латыни, полученное еще в гимназии, дало мне возможность без словаря читать и понимать средневековые латинские источники (конечно, в позднейших изданиях, так как палеографии я тогда не знал).

Молодая скульпторша, о которой я уже писал, снабжала меня преимущественно сочинениями символистов и акмеистов. И, быть может, именно вследствие того, что я читал и научные книги, и учебные пособия, я смог и после четырехлетнего перерыва вновь вернуться к учению. Я знаю, что многие, попавшие в армию студентами, вернувшись, занимались чем-нибудь другим и образования высшего не заканчивали (так было по крайней мере во время первой мировой и гражданской войны).

Вернувшись в Москву, я должен был думать о работе. Поселился я у Колмогоровых. Мама в то время жила в Одессе вместе со своей старшей сестрой, которая была больна. Мама тогда работала в средней школе, но это тогда давало мало, а персональную пенсию за участие в революционной подпольной работе она получила позднее. Поэтому я должен был сам зарабатывать. В Москве в это время была безработица, сокращения, большие очереди на бирже труда, печатали даже объявления, чтобы безработные инженеры не ехали в Москву. Но я на работу устроился легко: у меня была справка о том, что в армии я был некоторое время библиотекарем, а оказалось, что именно библиотекарей не хватает: перед тем была проведена экспертиза, и оказалось, что многие библиотекари совершенно не соответствуют занимаемой должности вследствие малограмотности. И если я два месяца был без работы, то лишь потому, что надо было пройти экспертизу в МОНО¹⁹, а на экспертизу была очередь. Экспертизу я прошел по 1-й категории и был назначен библиотекарем в библиотеку-читальню имени Герцена (она находилась в Петровских линиях) в декабре 1923 г. Там я проработал до осени 1927 г.

Вместе с тем надо было думать о продолжении образования. Поскольку я отсутствовал по уважительной причине, я мог бы восстановиться в университете, если бы у меня было что-нибудь сдано, но у меня ничего сдано не было. Поскольку я был в просеминарии у Богословского и представлял ему реферат, я мог пойти к нему и получить зачет (он тогда был еще жив). Многие так поступали, фактически не слушая курса и не занимаясь, но тогда мне надо было вновь идти на историческое отделение (к этому времени оно преобразовалось уже в

П. С. Кузнецов

общественно-педагогическое), а этого я не хотел. Как я уже писал, я еще к концу первого года пребывания в университете начал разочаровываться в истории. Я ведь, когда шел в университет, мечтал прежде всего о Древнем Востоке, а затем о средних веках. Я даже думал еще в гимназии, не поступать ли мне на Восточный факультет Петроградского университета, но после революции сложно было даже добираться до Петрограда, тем более, что в Москве я уже работал. В Московском же университете специалистов по истории Востока в то время не было... Я взял документы из университета и подал (по совету К.Г. Локса) в Брюсовский институт (Литературно-художественный), присоединив несколько своих стихотворений. Меня зачислили вольнослушателем (так как прием был закончен) с тем, что если я сдам экзамены за первый курс (весной следующего года), меня зачислят официально. Сам К.Г. Локс в то время был профессором Брюсовского института, но я его не слушал, так как он на первом курсе не читал.

Работа в библиотеке давала мне возможность посещать лекции и семинарии... В библиотеке много было и научной литературы²⁰, при том такой, какой в других местах не достать, это тоже способствовало занятиям.

Слушал я в Брюсовском институте различных профессоров, но не очень регулярно. Весной 1924 г. сдал требуемые экзамены. Оценок тогда не было, просто ставили «зачет», но некоторые из старых профессоров в случае хорошего ответа ставили «в. у.» (высшую отметку старого времени). Такую оценку я получил у Г.А. Рачинского²¹ за западную литературу и у В.Я. Брюсова за энциклопедию стиха. Сам Рачинский мне не нравился, и лекции его я, кажется, не слушал. Это был толстый расслабленный старец, пускавший слюни перед каждой хорошенькой девчонкой. Брюсова я слушал, читал он серьезно и четко, на экзамене спрашивал только метрику, читал же значительно шире, говорил и о звукописи и обо многом другом, но я понимаю, почему он спрашивал именно метрику: не зная ее, невозможно теоретически понять стих, и лишь немногие очень выдающиеся поэты могут писать, только интуитивно ощущая метрику. Фольклор я сдавал у Ю.М. Соколова²² – по фольклору я много читал, и сверх того, что положено – в

частности, читал и различные иностранные работы, особенно французские, посвященные отношению устной поэзии и старинной письменности (так, я прочел этой зимой четырехтомное исследование Бедье²³ «Лýgende йрíque»). Но в фольклоре меня интересовало не то, чем больше занимался в то время сам Ю.М. – больше интересовался я генезисом героического эпоса, а не остатками обрядовой поэзии, бытованием фольклора в современных условиях, сказителями и т. под. (моими интересами объясняется и то, что я увлекался и героическим французским эпосом, Роландом, Guillelm'ом Оранским, Эмери, Ожье датчанином, романами круглого стола (гл. обр. Ланселотом)²⁴ и т.д. Из экзаменаторов мне очень понравился М.А. Петровский²⁵ (за его брата²⁶ потом вышла замуж М. Вахтерова²⁷), у которого я сдавал введение в поэтику (лекций у него я не слушал). Он экзаменовал так, как будто это его вообще не интересует, но экзаменовал умно.

В ту же зиму 1923-24 гг. я слушал некоторые лекции на математическом отделении физмата университета. Тогда ведь был свободный вход в университет. Слушал я различных профессоров, но более систематически курс общей астрономии у С.Н. Блажко²⁸ (и даже раз ходил на практические занятия в обсерваторию) – я одно время собирался в дальнейшем заняться астрофизикой, специалистом по которой был сам Блажко.., – особенно же систематически два курса Н.Н. Лузина (впоследствии академика), именно высшую алгебру и теорию функций действительного переменного (первую часть теории функций составляла теория множеств, с которой я в некоторой мере знакомился еще раньше через Андрея Колмогорова и чтение серии «Новые идеи в математике»). Вообще я слушал математику более систематически, чем лекции в Брюсовском институте. В ту же зиму я купил Кнауэра²⁹ и начал самостоятельно изучать санскрит, но тогда далеко дело у меня не пошло.

В Москве я возобновил прежние знакомства, оставшиеся еще с гимназии, и завел новые. Из новых знакомств назову Анатолия Якобсона³⁰, математика, слушавшего вместе со мной у Лузина теорию функций действительного переменного, учившегося в той же гимназии, что и я, но на несколько классов позднее (впоследствии он переехал в Ленинград, а затем почему-то вместо математика стал археологом)...

Как я уже писал, я сдал весной 1924 г. экзамены за первый курс Брюсовского института и мог быть туда зачислен (остальных вольнослушателей, успешно сдавших, (тоже) зачислили), но я разочаровался и в институте, и в большинстве студентов, учившихся там, и после сдачи туда не являлся... Я... подал (документы) в Институт слова на словесный цикл (т.е. литературоведческий), сдал туда экзамен и был принят. В Институте слова я слушал регулярно Д.Н. Ушакова³¹, читавшего фонетику в связи с орфоэпиею русского литературного языка (впрочем, с Д.Н. я познакомился еще раньше, весной 1924 г., через тетку Андрея Колмогорова Веру Яковлевну, старинной подругой которой была мать Д.Н. Богоявленского, психолога, женатого на дочери Д.Н., и жившего с ним на одной квартире, и уже бывал дома у Д.Н. и беседовал с ним), общий курс всеобщей литературы у Б.А. Грифцова³² (впрочем, и его я немного знал, еще до революции, он бывал у моей приемной матери) и курс античной культуры у С.И. Радцига³³. Остальное слушал нерегулярно. Кроме того, работал в семинариях у М.А. Рыбниковой³⁴ по поэтике и у Ив.Ник. Розанова по русской лирике I половины XIX века. В обоих семинарах подготовил доклады – у Рыбниковой о неологизмах Андрея Белого, у Розанова – о переводах Жуковского (там я между прочим провел формальный анализ сравнения Бюргеровской Лениноры, перевода Жуковского и вольного подражания его же в «Людмиле»). Черновик ко второй работе у меня сохранился и теперь, а полный текст Ив.Ник. взял у меня, а потом потерял. На следующий год Рыбникова пригласила меня в свой семинарий, или он, кажется, назывался кружком, у себя дома (она жила при Педтехникуме, кажется, в Подсолнечном, у нее еженедельно собирались и делали доклады студенты, аспиранты из разных мест, преподаватели-словесники). Труды этого кружка предполагалось издать, и мою работу туда включили, но издание не состоялось. В Институте слова я познакомился с учившимися там Т.В. Вентцель (впоследствии известная цыганистка), Н.И. Кравцовым³⁵ (ныне известный специалист по сербскому фольклору, зав. кафедрой фольклора МГУ), в домашнем же семинаре у Рыбниковой с окончившим Институт слова, впоследствии аспирантом ГАХН³⁶, Ю.Г. Перелем, автором книги о русских астрономах (она вышла несколь-

Автобиография

ко лет назад)³⁷ и оставшейся неопубликованной «Скандалальной истории Московского университета»...

С.И. Радциг, может быть, был несамостоятелен, но давал обширную библиографию и был очень требователен. И именно под влиянием его лекций я стал читать серьезные труды, русские и иностранные, по античной культуре и археологии, по истории греческого и латинского языка, по древнегреческим и итальянским диалектам.

Большое впечатление произвел на меня факультативный курс истории восточной литературы, который читал Анатолий Алексеевич Соколов³⁸. Впрочем он читал менее одного семестра, прочел только египетскую литературу (но очень серьезно, с исторической этнографией Египта и даже с толкованием египетских иероглифов) – он сам говорил, что древнеегипетский язык он изучал под руководством Б.А. Тураева³⁹, – а затем уехал в заграничную командировку куда-то на Восток. Встретил я его вновь лишь через несколько лет, уже после аспирантуры.

В том же 1924-25 учебном году я слушал (тогда для этого специального разрешения не требовалось) некоторые курсы лингвистического цикла в 1-м МГУ (тогда ведь был еще и 2-й МГУ) – наиболее регулярно у М.Н. Петерсона лекции по сравнительной грамматике индоевропейских языков, у него же я участвовал в семинарии по русскому синтаксису. Различные курсы А.М. Селищева⁴⁰ по славянскому языкознанию я слушал в следующем, 1925-1926 учебном году. На лекциях и семинариях в университете я познакомился с выдающимися в дальнейшем лингвистами Р.И. Аванесовым, В.Н. Сидоровым, положившим основание (собственно положил В.Н., а Р.И. больше был организатором по линии «представительства») так называемой Новой Московской школы (а Московской фонологической школы даже без эпитета «новая»), а также В.И. Лыткиным⁴¹ (финно-угорской специализации тогда в Московском университете не было, и он кончал по славяно-русской). Старой Московской лингвистической школой была школа Фортунатова, из которой вышли наши учителя (кроме А.М. Селищева, перешедшего в Москву из Иркутска после смерти В.Н. Щепкина⁴², а подготовку получившего в Казанском университете). Логическим развитием идей Фортунатовской школы был семинарий М.Н. Петерсона.

П. С. Кузнецов

Весной 1925 г. Институт слова был ликвидирован, но часть студентов (не все) была переведена в другие вузы – очень немного в 1 МГУ, больше во 2 МГУ на педфак. Я попал в число последних. В 1925-1926 уч. г. я слушал некоторые курсы во 2-м МГУ, но нерегулярно: историю французского языка у М.В. Сергиевского⁴³, историю русского языка у Н.М. Каринского⁴⁴, а также и некоторые другие, но в целом 2-ой МГУ меня не удовлетворял своим сильным педагогическим уклоном. А кроме того, там много было предметов, не имевших отношения ни к лингвистике, ни к литературе, ни к педагогике (я не имею в виду предметов политического цикла, которые были везде). Факультет готовил кадры преимущественно для сельской школы и даже именовался «Агропедагогический». Впрочем, для студентов, специализировавшихся по иностранному языку, а я к ним принадлежал, не было по крайней мере сельскохозяйственной практики. Я собирался специализироваться по сравнительному языкознанию, причем пришел к убеждению, что, во-первых, во 2-м МГУ для этого остается слишком мало времени, во-вторых, специализировать<ся> в этой области у нас следует на базе славяно-русского языкознания в первую очередь. Вследствие этого я весной 1926 <г.> подал на экстернат в 1 МГУ. В то время разрешали сдавать экстерном за курс вуза лицам, которые или выполнили на 75% учебный план данного вуза, или работали в области, соответствующей профилю данного вуза. То, что я работал в библиотеке, было сочтено соответствующим второму требованию. Гуманитарные факультеты на протяжении нескольких лет после революции то объединялись и укрупнялись, то разделялись и разукрупнялись. Мне было разрешено сдавать экзамены экстерном по литературному отделению этнологического факультета. Всего на этнологическом факультете в то время было четыре отделения: литературное, этнографическое, историко-археологическое и искусствоведческое. Помимо общих предметов, я должен был сдать предметы литературоведческие и лингвистические (из последних часть мне была зачтена), а дипломную работу мог писать как литературоведческую, так и лингвистическую (выбор зависел от меня и от того, к какому руководителю я обращусь).

Автобиография

В 1925-26 учебном году я занимался санскритом у М.Н. Петерсона. Как и всегда бывало с такими занятиями и до революции и в те времена, нас было вначале довольно много, но ко второму семестру осталось всего трое. Я уже писал, что пробовал заниматься самостоятельно раньше, но дело не пошло. В следующем, 1926-27 учебном году М.Н. был очень занят и передал нашу группу Р.О. Шор⁴⁵. Впрочем, теперь нас осталось только двое. Именно тогда я и познакомился с Р.О. (до этого я лишь слышал о ней много интересного и отчасти анекдотического от М. Петровской). М.Н. был очень методичен в своей работе, разбирая текст, давал широкие комментарии сравнительно-грамматического характера. Он считал, что санскритом надо заниматься интенсивно и систематически (сам он, по его словам, летом при переходе с 1-го на 2-й курс занимался санскритом ежедневно по 8 часов и за лето перевел «Наля и Дамаянти»⁴⁶). Я вообще привык заниматься неравномерно и, так как помимо санскрита (и других занятий) у меня была работа, а кроме того я не пренебрегал и развлечениями ненаучного порядка, я обычно садился за подготовку к санскриту накануне занятий (мы занимались раз в неделю) после обеда и, чтобы приготовить все, что задано, сидел обычно часов до 4-х утра (впрочем, полностью готовился, кажется, только я один). Р.О. Шор лучше, чем М.Н., знала санскрит практически, но меньше занималась сравнительной грамматикой и больше уделяла внимания филологическим толкованиям. За эти два года (с М.Н. и Р.О.) мы изучали эпический и классический санскрит. При чтении рассказов из «Панчтантры»⁴⁷ Р.О. пользовалась экземпляром, некогда принадлежавшим известному московскому санскритологу Петрову⁴⁸ (если не ошибаюсь, он читал где-то в середине XIX в., во всяком случае, до Фортунатова), и выбирала преимущественно такие рассказы, где на полях рукою Петрова было написано: «Со студентами читать не подобает» (в силу непристойного содержания). Р.О. вообще была женщина остроумная. Когда родилась Женя Шор (не помню точно, когда это было, но где-то около того времени, когда мы с ней занимались), кто-то несведущий спросил: «А кто же отец?». Р.О. ответила: «Знаете, в нашем племени вообще принято непорочное зачатие».

П. С. Кузнецов

С 1925-26 г. я стал бывать на заседаниях Московской диалектологической комиссии, состоявшей тогда при ОРЯС Академии наук СССР⁴⁹. Председателем комиссии был Д.Н. Ушаков, а секретарем И.Г. Голанов⁵⁰. Деятельность комиссии была значительно шире тех задач, которые были перед ней поставлены, когда она создавалась (около начала XX в.). В это время уже не было Лингвистического общества, которое при Московском университете существовало еще первые годы после революции⁵¹, и Московская диалектологическая комиссия стала по существу научным центром, в котором читались доклады по различным лингвистическим вопросам и где воспитывались молодые лингвисты. В этом большая заслуга Д.Н. Ушакова и помогавшего ему И.Г. Голанова (Н.Н. Дурново⁵² в это время не было в Москве – он был в Чехословакии). И.Г. Голанова я тоже должен назвать в числе моих учителей: у него я готовился к первой моей диалектологической поездке и сдавал зачет по диалектологии. Кажется, только двое из моих учителей и остались сейчас в живых: он и С.И. Радциг. На заседаниях диалектологической комиссии бывал и иногда выступал с докладами акад. А.И. Соболевский⁵³, в университете не читавший (до революции он читал в Петербургском университете, а в Московском, по-моему, никогда не читал или очень давно). Там я и познакомился с ним.

С осени 1926 г. я стал заниматься в рукописном отделе Исторического музея древнерусскими рукописями XIII-XIV вв. Заведовал отделом в то время замечательный знаток древних славянских рукописей и специалист по древнерусской литературе акад. М.Н. Сперанский⁵⁴. В университете он в это время не читал. Под его начальством работали в отделе Александр Дионисиевич Седельников, специалист по древнерусской литературе, автор работы о повести о Мутьянском воеводе Дракуле⁵⁵, и тогда еще совсем молодая Марфа Вячеславовна Щепкина⁵⁶, ныне заведующая этим рукописным отделом. Не помню, был ли сотрудником или просто читал там рукописи Вяч.Фед. Ржига⁵⁷, с которым я тоже там познакомился. Человеком совсем не от мира сего был А.Д. Седельников. Он был невысок, худ, слабого здоровья, говорил, слегка задыхаясь или заикаясь, был весь погружен в древние рукописи, был не женат, в летнее время ходил в какой-то допотопной крылатке (такие я

Автобиография

видел в Москве на взрослых мужчинах средних лет, когда был еще совсем маленьким мальчиком). Когда однажды мы с Инной Локс (второй женой К.Г. Локса) встретили его около университета, она, как только он от нас отошел, широко открыла глаза и воскликнула: «Петъка, откуда такого выкопали?!». В 20-х гг. среди научной молодежи пользовался большим успехом роман не помню какого английского автора, героем которого <романа> был вампир венгерский граф Дракула (я сам читал этот роман). А.Д., конечно, его не читал и очень удивлялся, когда его перед докладом о Мутьянском воеводе Дракуле спрашивали, скоро ли он будет читать о графе Дракуле. «Не понимаю, почему его называют графом?» – говорил он. Я ему разъяснил. Не понимаю, в чем могли заподозрить такого одинокого и почти ни у кого не бывавшего человека, но в 30-х гг. он был арестован и дальнейшая судьба его неизвестна⁵⁸.

Отделом надписей в Историческом музее заведовал тогда Н.М. Каринский, который бывал и в рукописном отделе. Работали над различными рукописями там А.И. Соболевский, А.С. Орлов⁵⁹. А.И., с которым я уже был знаком по диалектологической комиссии, приветствовал меня словами: «Хорошими вещами занимаешься, молодой человек! Желаю вам успеха!» (молодежь в то время мало занималась древними рукописями, а я тогда занимался фонетикой переславского евангелия 1354 г.). Из молодежи, действительно, кроме меня, в рукописном отделе тогда бывал, кажется, только Рубен <Аванесов>, который изучал Слово Ипполита об антихристе.

По воскресеньям в тот год мы с Рубеном бывали у Каринского. В Москве он появился лишь после гражданской войны. До революции он работал в Петрограде, был избран в члены-корреспонденты АН⁶⁰. В голодное время работал в Вятке, а потом приехал в Москву, где стал профессором 2-го МГУ, кроме того работал в Историческом музее и в Институте языка и литературы РАНИОН⁶¹. Московские профессора и преподаватели его не любили. Это объясняется тем, что во многом он действовал не прямыми путями. А.С. Орлов, не стеснявшийся и при студентах, как-то прямо сказал: «Он – сволочь». Как лингвист, Каринский стремился идти в ногу с веком и объяснять разные языковые факты социально и экономически, хотя в целом у него оригинальных взглядов

П. С. Кузнецов

дов чисто в лингвистическом отношении не было. Но он был прекрасный палеограф, знаток рукописей, и в этом отношении мы много могли получить от него. Семейство Каринского, кроме жены, состояло, кажется, из шести детей разного возраста. Старшая дочь, Е.Н. Каринская, была аспирантка, германистка, специалистка по немецкому языку. У Каринских я познакомился с А.И. Смирницким⁶², тогда тоже аспирантом, занимавшимся историей английского и древними скандинавскими языками. Бывал также молодой германист Риттер, впоследствии муж, а тогда жених Е.Н. Я был слегка влюблен в младшую дочь Каринского Женю. Впрочем, она была девушка довольно легкомысленная. Старшие два сына (помоложе Е.Н.) были музыканты, играли в каком-то кинотеатре... Бывал у Н.М. и кое-кто из молодежи, оканчивающей 2-й МГУ, а также кое-кто из старшего поколения, например, А.Д. Седельников.

Обычно мы сначала сидели в кабинете у Н.М. и вели научный разговор, а затем нас звали к чаю, после чего устраивались различные игры и развлечения для молодежи. Впрочем, впоследствии мы с Р.И. перестали бывать у Н.М., так как стали очевидны некоторые его не совсем хорошие действия в отношении наших московских учителей. В особенности он был против А.М. Селищева, которого мы все очень уважали и любили.

А.С. Орлов, читавший в 1-м МГУ древнерусскую литературу, тоже стремился идти в ногу с веком, но у него это было иначе, чем у Каринского. Во всяком случае он держал сторону московских профессоров. Он был оставлен при Московском университете в то же время, что и Д.Н. Ушаков (в конце 90-х гг.), и они даже вместе готовились к некоторым магистерским экзаменам. Во всяком случае, он всегда подчеркивал что дружен с Д.Н., и не только в глаза, но и за глаза (в разговоре, например, со мной) называл его «Митькой». Следование новым идеям выражалось в том, что он неумеренно восхвалял В.Ф. Переверзева⁶³, считавшегося тогда главным марксистским методологом литературы, а один год вел в университете кружок по классовому анализу языка русской прозы XIX в., в котором я принимал участие (помню, мы главным образом анализировали Чехова).

Летом 1926 г. я совершил мою первую диалектологическую поездку в Белозерский край. Побывал я в Кирилловском и Ферапонтовском

Автобиография

монастырях, смотрел их фрески и изучал говоры окрестных деревень, сравнивая мои данные с данными Шевырева <1850 г.> и братьев Соколовых <1908 г.>. Результаты этой поездки мной не были опубликованы, но были доложены в Диалектологической комиссии (кажется, осень 1926 г., во всяком случае, в 1926–27 уч.г.). Это был мой первый не семинарский, а научный доклад...

Весной 1927 г. я закончил сдачу экзаменов по университету, и мне осталась только дипломная работа, которую я должен был защищать в зимнюю сессию, т.е. в декабре того же 1927 г. (тогда было две сессии – весенняя в мае и зимняя в декабре). Руководителем моим был Д.Н. Ушаков, а тема работы – «К исторической фонетике ростово-сузальских говоров»...

Летом 1927 г. я поехал вторично в диалектологическую поездку на Кулой (река, впадавшая в море, немного западнее Мезени). На этот раз мы ездили четвером, но остальные трое были не лингвисты, а именно один из них был Андрей Колмогоров, другой – математик <Н.Б.> Веденисов⁶⁴ (в этот год он поступал в аспирантуру), третий – студент 1-го курса Горной академии, ученик А. Колмогорова по Потылихинской опытно-показательной школе. Мы прошли весь Кулой (побывав и на его притоках Немнуге и Сьянге) на долбленах лодках. О собранных диалектологических материалах я впоследствии, зимой, доложил в диалектологическую комиссию.

Осенью того же 1927 г. я попытался поступить в аспирантуру РАНИОН. Я еще не окончил совсем университет (у меня еще не была защищена дипломная работа), но тогда это было можно (некоторые защищали дипломные работы, уже будучи аспирантами, а те, кто этого не сделал, считая, что аспирантура перекрывает университет, впоследствии, когда были введены ученые степени и звания, оказались в неприятном положении – их не стали считать даже окончившими вуз). Я был допущен к экзаменам, но получил тройку по философии и тройку по политэкономии, вследствие чего по конкурсу не прошел. Со мной вместе сдавал экзамены Степан Эммануилович Вильковицкий, занимавшийся санскритом и сравнительной грамматикой индоевропейских языков. Он был старше меня, кончил университет в Казани, учился у

П. С. Кузнецов

В.А. Богородицкого, был там оставлен при университете, но затем оставление было ликвидировано, и он переехал в Москву, где преподавал русский язык в каком-то командном военном училище. Это был человек очень знающий, но увлекающийся и разбросанный. На вступительных экзаменах по философии и политэкономии он тоже не то провалился, не то получил низкие оценки и не прошел.

Осенью 1927 г., после того, как оказалось, что я не прохожу в аспирантуру, я перешел на работу из библиотеки имени Герцена в библиотеку Центрального статистического управления СССР, где стал заведовать иностранным отделом библиотеки. Я ссыкся со своей старой библиотекой и не очень хотел переходить, хотя зарплата в ЦСУ была и выше (но не очень намного). Но в данном случае я как бы проявил самопожертвование. В библиотеке проходило сокращение, и одна молодая девушка должна была быть уволена. Если же я уходил, оставалось место, и она могла остаться. Для работы же в ЦСУ ее квалификация была недостаточна.

В том же году (может быть, еще весной, точно не помню) М.Н. Петерсон пригласил меня и еще несколько из своих учеников заниматься проверкой контрольных работ заочников 2-го МГУ (по языкоznанию и современному русскому языку). Заочного обучения при 1-м МГУ тогда не было. Это тоже давало некоторый приработок, а кроме того было полезно как практика...

В декабре 1927 г. я успешно защитил дипломную работу и получил оценку «весьма удовлетворительно». За предметы ставили тогда просто зачеты (без оценок), если <же> кто из старых профессоров иставил <по-старому> в зачетную книжку, то в дальнейшем это не учитывалось и в дипломе просто был перечень сданных предметов, но за дипломную работу отметка ставилась, причем высшая была по старому «весьма удовлетворительно», и ее вносили в диплом. Защита проходила проще, чем теперь, не было рецензента, докладывал, кроме самого дипломанта, лишь руководитель, конечно, могли задавать вопросы (не помню, только ли члены комиссии), но фактически обычно никто не задавал. Но внешне защита была обставлена более пышно. Все факультеты защищали в актовом зале (над туннелем), только в разные

Автобиография

дни. Комиссия сидела на возвышении под колоннами за столом, покрытым зеленым сукном, а не скатертью, как теперь), и было их, кажется, 7 человек. Председательствовал сам декан, которым тогда был В.П. Волгин⁶⁵ (впоследствии вице-президент Академии наук). Дм. Ник. в своем отзыве сказал, что я успешно полемизирую в своей работе с акад. А.И. Соболевским и акад. А.А. Шахматовым и что моя работа носит научно-исследовательский характер. Впоследствии он говорил, что ее следовало бы напечатать, но вопрос, где. Он даже думал, не напечатать ли за границей... но потом как-то косо стали смотреть на печатание за границей, особенно молодых, и это не состоялось. Впрочем, через 21 год, с очень небольшими изменениями, моя работа под тем же заглавием была напечатана в «Докладах и сообщениях Института русского языка» (вып. 2).

В 1927-28 учебном году Р.О. Шор, С.Э. Вильковицкий и я стали заниматься бенгальским языком. Нашим руководителем был аспирант-биофизик Кумар Акак Шаха. Был он из Калькутты... Занятия у нас проходили в Институте народов Востока⁶⁶ (на Берсеневской набережной). Бывал я там и на некоторых научных заседаниях...

Работа в библиотеке ЦСУ, казалось бы, не по специальности, дала мне много полезного. В начале 1928 г. там проведена была реорганизация, по иностранному отделу библиотеки эту реорганизацию возглавлял я. Я разработал новую систему классификации, которая давала возможность быстрее проводить поиск нужной литературы тех областей, которые интересовали сотрудников ЦСУ. Там была очень богатая литература, причем не только собственно статистическая, но также экономическая, географическая, геологическая и т.д., причем поступали к нам издания из всех стран мира, за исключением очень немногих (кажется, не было материала всего по трем-четырем мелким странам). Был и собственно математико-статистический раздел. Я следил за новой литературой, благодаря чему мог рекомендовать тамошним специалистам новые журнальные <статьи> по их специальности. Помимо сотрудников, в библиотеке работали или являлись за какими-нибудь справками и приезжие, притом из разных стран. Там одно время работал профессор Браханда-Кунья из Португальской Индии (сам он был

П. С. Кузнецов

индиец)... Работал он по статистике и экономике Индии, хотя в Париже он получил и специальное лингвистическое образование... Проф. Браханда-Кунью я после 1928 г., кажется, не видел, но мне пришлось вспомнить его, когда, уже в 50-х гг., когда было уже новое здание университета на Ленинских горах, я на приеме с индийскими учеными у ректора (И.Г. Петровского) познакомился с проф. Айар из Мадраса (он оказался из нескольких десятков ученых единственным, если и не вполне лингвистом, то филологом, занимавшимся санскритом и древними индийскими грамматиками...). Оказалось, что у нас есть общий знакомый – его друг Браханда-Кунья, который теперь борется за свободу в Португальской Индии (она тогда еще не воссоединилась с остальной Индией), с которым они вместе некогда учились в Париже у Сильвена Леви⁶⁷, но которого он не видел уже более 30 лет.

После моего доклада в диалектологической комиссии о поездке на Кулой я был избран в члены этой комиссии.

В июне 1928 г. (на этот месяц падал мой отпуск по ЦСУ) я, по совету Андрея Колмогорова, совершил диалектологическую поездку (один) на верхнюю Пинегу. Андрей, который, еще будучи студентом, занимался историей (работал в семинарии <С.В.> Бахрушина⁶⁸ по истории Новгорода) и который вместе с тем (еще без меня) путешествовал по Пинеге и ее верховьях, высказал предположение, что колонизация в верховья Пинеги шла с Северной Двины (от Верхней Тоймы) на восток через водораздел, а не по реке от впадения ее в Двину. Если так, то граница восточной и поморской групп севернорусских говоров должна была проходить севернее, чем предположительно проведена на карте МДК, и верховья Пинеги должны входить в восточную группу. Оказалось, что так и есть. Отчет о моей поездке был опубликован в Отчете об экспедициях и научных командировках АН СССР в следующем 1929 г. Это мой первый печатный научный труд.

Осенью 1928 г. я вновь держал экзамен в аспирантуру РАНИОН и на этот раз успешно (получил пятерку по философии и четверку по политэкономии). По специальности экзамена не было. Его назначали лишь в том случае, если вступительный реферат не показывал, насколько человек подготовлен. Я подал в качестве реферата дипломную рабо-

Автобиография

ту. Она была на отзыве у Н.М. Каринского, и он оценил ее ниже, чем Д.Н. <Ушаков>, но все же на четверку. Между тем я и теперь так считаю, достаточно высокое качество работы объясняется тем, что я, помимо университета воспитывался и в диалектологической комиссии и там почерпнул многое из тех методов исследования, какими я пользовался. В тот год было принято двое лингвистов (в предыдущем году приняли только литературоведов). Кроме меня, зачислен был ученик Н.М. Каринского Иван Архипович Виноградов⁶⁹. Он собирался заниматься историей русского литературного языка (тогда это было внове, и сам Каринский тяготел к ней), но вскоре он перешел вообще на литературу. Я был с ним в хороших отношениях, бывал у него (он был женат на ученице Каринского же) и после аспирантуры (впоследствии он напечатал пособие по теории литературы для старших классов средней школы)⁷⁰. Человек он был болезненный, туберкулезный, и через несколько лет после аспирантуры умер. Третийм лингвистом, державшим с нами, был С.Э. Вильковицкий, но он опять провалился. Литературоведов же было зачислено, кажется, 6 человек.

Получив стипендию, я подал заявление об уходе из ЦСУ и целиком занялся аспирантской подготовкой, продолжая лишь подрабатывать проверкой контрольных работ заочников. Индивидуального научного руководителя у меня (и у других аспирантов тоже) не было: возглавлявший РАНИОН М.Н. Покровский (историк, бывший замнарком просвещения, о котором я уже писал) нашел, что индивидуальное руководство – это пережиток эпохи не только капитализма, но чуть ли не феодализма и что современный советский аспирант – это «*ne famulus* средневекового ученого, нечто среднее между слугой и подмастерьем» (приблизительно так он писал, но у меня нет под руками текста).

На первом году обучения я должен был работать в двух семинарах – по философии и по специальности, а кроме того подготовить один экзамен по специальности по индивидуальному плану и сдать по нему экзамен комиссии. Семинаром по философии (для лингвистов и литературоведов) руководил М.А. Дынник⁷¹ (его сестра В.А. Дынник⁷², специалистка по средневековой французской литературе, была замужем за Ю.М. Соколовым, фольклористом. Я о ней много слышал от М. Пет-

ровской, но лично познакомился позднее). По специальности, так как лингвистов первого года было всего двое, нас сначала заставили участвовать в семинаре по методологии литературы у В.Ф. Переверзева (тогда еще он был в славе, но, впрочем, его в ту зиму уже начинали прорабатывать). И.А. Виноградов ничего против этого не имел, так как собирался, а впоследствии и перешел на литературу, я же этому со-противлялся: я еще тогда считал, что языкознание тесно связано с другими областями – с этнографией, с археологией. В.М Фриче⁷³, возглавлявший Институт языка и литературы <РАНИОН>, распорядился, чтобы я вместо этого семинара посещал семинар по новому учению о языке в Институте народов Востока (на Берсеневской) – большая часть институтов РАНИОН помещалась на углу Волхонки и Пречистенского бульвара (ныне Гоголевского), где теперь Институт русского языка. Этот семинар вел, наездами из Ленинграда, сам Н.Я. Марр, а помогал ему В.Б. Аптекарь⁷⁴. Это был период первого развернутого наступления марризма на лингвистику (именно около этого времени, выйдя за пределы первоначальной яфетической теории, Марр начал строить новое учение о языке в мировом масштабе и именно около этого времени он пришел к теории первичных четырех элементов⁷⁵). Поддерживали Марра (если говорить о научной, а не политической поддержке) преимущественно философы, историки, литературоведы, этнографы, археологи (далеко не все, но больше, чем лингвисты). Из лингвистов его сторонники больше были в Ленинграде, в Москве же ему была сильная оппозиция. Поддерживали его кое-кто из востоковедов, больше те, кто занимался бесписьменными языками, но тоже не все. Сторонниками его были тогда и работавшие в то время в Институте народов Востока кавказоведы Н.Ф. Яковлев и Л.И. Жирков⁷⁶ (впоследствии они встали в оппозицию к нему).

Мое отношение к Марру от года к году менялось. В середине 20-х годов, читая работы Марра, я было увлекся его теориями (не в позднейшем их виде, а на стадии «третьего этнического элемента»⁷⁷). Но беседа о Марре с Петерсоном, у которого я тогда занимался, показала мне произвольность и бездоказательность многих его построений. Резко против Марра высказывался и А.М. Селищев. Р.О. Шор, напротив, во

Автобиография

многом тогда склонялась к Марру. Последние работы Марра, появившиеся около того времени, когда я поступил в аспирантуру, показались мне абсурдными. Тем не менее я считал целесообразным заняться в семинаре у Марра, поскольку для критики теории необходимо с ней как следует познакомиться. К тому же я думал, что, может быть, что-то ценное в этом учении и можно найти. В семинаре по философии я делал доклад об основных положениях диалектики, иллюстрируя их примерами из самых различных наук (поскольку я на своем веку увлекался очень многим), в том числе из математики, физики, геологии, лингвистики. Но именно за лингвистические иллюстрации мне досталось от Дынника, поскольку я опирался на традиционные индоевропейские положения и не учитывал достижений Марра: философы тогда все больше и больше находили у Марра материалистической диалектики.

Занятия у Марра перемежались его лекциями и докладами слушателей. Лекции его носили сумбурный характер. Моя работа в семинаре у Марра кончилась, можно сказать, скандалом. Я сделал доклад о среднем роде в итальянских языках, и Марр разругал меня за индоевропеизм. Он кричал, что не может понять, как я, молодой человек, так погряз в рутине (или еще в чем-то в этом роде, не помню точно, как он выразился). Добавил критики (и точно за индоевропеизм) Н.Ф. Яковлев (семинар посещали не только аспиранты, но и научные сотрудники). И я уже думал, что мне придется бросать институт, и стал подумывать о том, куда мне идти работать. Впрочем, Марр вскоре уехал в длительную командировку во Францию и передал свой семинар В.Б. Аптекарю, которого он считал одним из самых верных своих учеников. Аптекарь был по образованию не лингвист, а специалист по истмату. Последние лишь годы <он> занялся лингвистикой, причем сам он говорил, что он такой же лингвист, как матрос 2-й статьи. У всех появляющихся лингвистических книг (европейские языки он в какой-то мере знал и мог читать иностранную литературу) он прочитывал предисловие, поэтому был в курсе дела. Человек он был веселый, любил выпить и поразвлекаться с девушками, но вместе с тем ярый сторонник Марра. Одно из его выступлений (не на семинаре, а на заседании, кажется, в лингвистической секции Коммунистической академии⁷⁸), закончилось

такими словами: «А кто подымет голову (имелось в виду против Марра – П.К.) – по голове палкой!». В семинаре у него занимались аспиранты, а также и кончающие студенты из разных мест (всего нас было десятка полтора), самый же семинар назывался не «новое учение о языке», а «методология языкоznания», доклады же делались преимущественно по различным лингвистическим теориям, прошлым и современным. Я делал доклад о теории Тромбетти⁷⁹... В полном виде эта теория тогда у нас была мало известна. В результате семинар по специальности был мне зачен, и бросать аспирантуру не пришлось. Немного поворчали у нас, что посылали меня в семинар к академику, а прошел я его у аптекаря, но, поскольку Аптекарю передал семинар сам Марр и поскольку никаких организационных выводов из неудачи моего доклада у него Марр не делал (не написал мне, например, какую-нибудь порочащую характеристику), согласились официально зачесть.

Специализироваться я собирался по общему и сравнительному языкоznанию, поэтому программа специальных экзаменов мне была намечена близкая к дореволюционным магистерским экзаменам по данной специальности. Никакого общего плана подготовки аспирантов тогда не было. И это не только у нас, а по любым специальностям. Каждый институт действовал по-своему. Андрей Колмогоров, который тогда был членом, кажется, аспирантского исполнительного комитета (по профсоюзной линии, кажется, тогда это так называлось – соответствовало теперешнему профкому) по университету (аспиранты по естественным и точным наукам готовились тогда при университете, но тоже не на кафедрах, а в научных институтах, подчиненных университету) и состоял в какой-то комиссии, заинтересовался, в чем в разных институтах выражается окончание аспирантуры, об этом в разные институты сделан был официальный письменный запрос (должен ли аспирант сдать какие-то экзамены, проработать в каких-то семинарах, выполнить какие-то лабораторные работы, наконец, защитить диссертацию – официально она так не называлась, так как ученые степени были отменены, но в части институтов требовалось защитить публично какую-то подытоживающую работу). Наиболее лаконично ответил институт химии: «В том, что аспирант снимается со стипендии». Я должен был в

Автобиография

первый год аспирантуры подготовить экзамен по латинскому языку, объем его был определен нашим главным институтским латинистом – академиком Мих.Мих. Покровским (в том году как раз он был избран в академики) и соответствовал приблизительно объему требований по латинскому языку старого (дореволюционного) магистерского экзамена для специализирующихся по сравнительному языкознанию. Я должен был изучить историческую грамматику латинского языка (фонетику и морфологию) по Зоммеру с дополнительным томом.., подготовить одну комедию Плавта, древние латинские надписи и Помпейские надписи. Сверх того я изучал (уже от себя) оскско-умбрские диалекты по двухтомной грамматике фон Планта и кое-что из специальной литературы, указанной у Зоммера.

Помимо подготовки к экзамену и семинарам, я бывал на заседаниях лингвистического разряда Института языка и литературы, а также продолжал бывать на заседаниях Московской диалектологической комиссии... Во главе лингвистического разряда встал переехавший из Ленинграда в Москву Е.Д. Поливанов⁸⁰. Человек он был очень талантливый, разносторонне образованный, искающий новых путей в языкоznании, стремившийся вместе с тем обосновать марксистски основные лингвистические положения, что, впрочем, у него не всегда бывало удачно, вместе с тем ярый и наиболее активный противник Марра. Против Марра было и большинство лингвистов, входивших в разряд, хотя не все действовали так активно, как Поливанов. Определенно склонялась к Марру Р.О. Шор. Промежуточную позицию занимал Каринский, прежде всего прислушивавшийся к тому, что говорят «в верхах», но вместе с тем осторожный и стремившийся угодить на разные вкусы. В разряде были представлены языки славянские (в том числе русский), романские, германские и общее языкоznание. Классики больше занимались литературой. Лингвистом-компаративистом из них был, пожалуй, только М.М. Покровский, да и он занимался также и литературой. Сравнительной грамматикой индоевропейских языков, о которой я мечтал, никто активно в разряде не занимался, так как Р.О. Шор была больше филологом и занималась специально санскритом, а М.Н. Петерсон, который в этой области получил наибольшую подготовку,

фактически больше всего занимался формальным анализом современного русского языка, в первую очередь синтаксисом.

Поливанов, как я уже говорил, активно выступал против Марра. Помню один его доклад в институте, а другой – в комакадемии (не помню, в том же году или в следующем). Там развернулась дискуссия, очень горячая и продолжавшаяся, во всяком случае, не менее двух дней, причем марристы обрушились на Поливанова, обвиняя его и во всяких политических грехах⁸¹.

Споры шли в разных местах. Помню, С.П. Толстов⁸² (впоследствии раскапывавший Хорезм), тогда еще кончающий студент, делал доклад о теории Марра в университете антропологическом кружке, на доклад пошли не только студенты, но и научные работники (из более молодых, в том числе Аптекарь). Я еще колебался, идти ли мне, прилично ли аспиранту идти на студенческий кружок (в те времена аспиранты стояли ближе к научным работникам, чем к студентам, да и было аспирантов еще немного). Доклад Толстова был длинный, вялый и скучный. Но разгорелись прения (Толстов был за Марра, выступавшие кто за, кто против). За поздним временем выступление стали ограничивать 5-ю минутами. Впрочем, Аптекарь говорил 15 минут, так как двое марристов, не надеявшихся сказать что-нибудь путного, записались на прения и отдали ему свое время. В их числе была аспирантка Иннарвоса (на Берсеневской) Девлеткильдеева, татарка. Когда я сказал как-то А.М. Селищеву, что она аспирантка, он постучал себя по лбу, а затем по столу и воскликнул: «Это же вот! Мы с ней в Казани пять лет бились!» (она кончала университет в Казани). Впоследствии Н.С. Чемоданов⁸³, будучи аспирантом (а в то время, о котором сейчас идет речь, он был еще студентом) изучал под ее руководством татарский язык (для расширения лингвистического кругозора) – по плану тогда нужно было изучить какой-нибудь неиндоевропейский язык — она оформила ему зачет письменной справкой следующего содержания: «Освоил татарский язык в свете единства глottогонического процесса». Я в те времена еще стеснялся выступать в ученых собраниях (разве что в МДК, где обстановка была дружеская и как бы домашняя), но здесь выступил. Считаю, что мое выступление было удачным, хотя и стоило

Автобиография

мне огромного напряжения. Я, конечно, выступил против докладчика и против Марровской теории. Зная, что я ограничен пятью минутами (а часов у меня не было и не помню, были ли в комнате), я говорил с максимальной быстротой, стараясь, чтобы не было ничего лишнего, и за три минуты высказался по всем намеченным мною двадцати вопросам. Было это, кажется, еще в осеннем семестре, когда я еще не занимался в семинаре у Аптекаря. Происходило же заседание, не помню точно где, но, кажется, в одной из комнат антропологического музея в старом здании <университета>.

Я говорил уже, что я интересовался также и археологией. Поэтому я бывал и на археологических заседаниях в Институте археологии и искусствознания. Директором этого института был также В.М. Фриче (он занимался не только литературой, но также социологией искусства). Во главе археологической части стоял тогда В.А. Городцов⁸⁴ (это он наглядно демонстрировал студентам, как из кремней вырабатываются палеолитические орудия – читает лекцию, держит в руках два кремня, время от времени поколачивает их друг об друга, а к концу лекции оказываются два скребка или еще что-нибудь в этом роде). На археологических заседаниях я познакомился с А.В. Арциховским⁸⁵, А.Я. Брюсовым⁸⁶ (братьем Валерия Брюсова, занимавшимся главным образом полуостровами – Скандинавским, Ютландским, Пиренейским) и др. Фриче одобрил, что я посещаю археологические заседания и вообще интересуюсь тем, что лежит за пределами лингвистики, но сказал, что здесь, конечно, «старое, традиционное» (имея в виду марровские теории – старые московские археологи относились в целом к Marry скептически). Здесь же я вновь встретил и Б.Н. Гракова, с которым я был вместе на первом курсе. Он стал теперь археологом и был уже научным сотрудником.

Одно время у нас, лингвистической молодежи, была попытка организовать лингвистический кружок, в котором могла бы участвовать и не институтская молодежь. Р.О. Шор одобрила нашу идею. Впрочем, организовалось нас всего трое – А.И. Смирницкий, С.Э. Вильковицкий и я. Собирались мы на квартире у Смирницкого на Новинском бульваре (я жил совсем рядом, в Трубниковском пер.). Прочли мы три докла-

П. С. Кузнецов

да... – я о теории Тромбетти. А дальше этого дело не пошло, хотя временами мы собирались у Смирницкого и вели беседы на различные темы. Смирницкий был в то время женат на Татьяне Юльевне Айхенвальд, дочери Ю.И. Айхенвальда, литературного критика и историка литературы, который уже тогда был выслан за границу⁸⁷. С ее братом А.И. переводил Фритьоф Сагу. Этот перевод я как-то слышал у Смирницкого (еще до выхода из печати⁸⁸), но, кажется, это было уже после аспирантуры. Т.Ю. Айхенвальд была математик, но, кажется, не из особенно талантливых, хотя была очень милая и остроумная. Она была старше Смирницкого и впоследствии разошлась с ним и вышла замуж за военного химика, брата одной моей приятельницы. Впоследствии Т.Ю. и химик были арестованы, и о дальнейшей судьбе их я ничего не знаю⁸⁹. Смирницкий же женился на очень милой Елене Мстиславовне (забыл, как ее фамилия), художнице Исторического музея. От них потом и произошла Оля Смирницкая, ныне лингвистка, уже защитившая кандидатскую диссертацию⁹⁰.

Если не ошибаюсь, весной 1929 г. я начал заниматься в семинаре по психологии языка у В.А. Артемова⁹¹. В семинаре участвовали тогда еще не кончившие университет (впрочем, в том году они уже кончили) Т.В. Вентцель, А.Б. Зернова, Н.И. Кравцов, Морозов и еще кто-то. Семинар проходил раз в неделю в Институте психологии (во дворе университета, за библиотекой) и носил экспериментальный характер. Мы обучались проведению эксперимента, психологического и фонетического, впрочем тогда еще на пневматической аппаратуре, которую сам Артемов впоследствии так хаял (когда он обзавелся электроакустической аппаратурой) и даже совсем изгнал ее, хотя для определенных целей она дает лучшие результаты, чем электроакустическая. Кроме того, мы делали критические доклады по специальной литературе... В.А. был человек образованный, владевший языками, бывавший за границей, умевший складно говорить, но довольно скоро я понял, что в научном отношении он легковесен и мало самостоятелен, необычайная же точность эксперимента, к которой он как будто стремился, в действительности есть точность мнимая. При всем том он был человек оборотистый, умел показать товар лицом. Более серьезную работу в

Автобиография

том же институте вели <Л.С.> Выготский и <А.Р.> Лурия, но мы к ним как-то не попали.

Эксперименты у нас так и не были доведены до конца. Но именно из этого семинара вышла рецензия Н.И. Кравцова и моя на работы, посвященные... изучению лапландского (саамского) языка... Собственно Кравцову принадлежит изложение, а мне главным образом критическая часть. Эта рецензия (каждая из двух частей которой подписана отдельно) опубликована в журнале «Психология», т. III, вып. второй, в 1930 г. Теоретически, отчасти в связи с работами Лагеркранца, отчасти же в связи со своими северными экспедициями (и даже раньше семинара у Артемова), я начал самостоятельно изучать финно-угорские языки, а также и самоедские (ныне самодийские), что мне впоследствии пригодилось...

Не следует думать, что весь первый год аспирантской жизни я занимался только наукой. Некоторые дни я действительно с утра до ночи сидел за Зоммером. Но, помимо того, я и выпивал, и развлекался с особами женского пола, и бывал в Союзе писателей на вечерах, где поэты и писатели, чаще не очень известные, читали свои стихи и рассказы. Впрочем, там я бывал и в предыдущие годы и еще в те времена, когда был в Институте слова...

Весной того, 1929 г., я должен был (по аспирантуре) сдавать экзамены по латинскому языку, но, отчасти в связи с большим объемом плана, отчасти в связи с тем, что я и развлекался (здесь я писал не обо всем), экзамен у меня не был готов (остальное у меня было выполнено). Я воспользовался тем, что Мих.Мих. Покровский, который должен был возглавить комиссию, уже уехал на дачу и в Москве не появлялся. Я попросил перенести экзамен на осень, но для этого необходимо было заключение вообще о моей работе (чтобы меня, как теперь говорят, аттестовали, тогда это называлось как-то иначе) Е.Д. Поливанова, возглавлявшего лингвистический раздел. И тут он меня поразил своими познаниями в области итальянских языков (он ведь был по основной специальности японист). Он пожелал все же побеседовать немного со мной (неофициально) о том, что я все же делал в области латинского языка. Из разговора выяснилось, что я занимался не только собствен-

П. С. Кузнецов

но латинским языком, а и различными диалектами древней Италии. Он был удовлетворен, и тогда я стал его спрашивать, каково по его мнению, было качество латинского ударения классической эпохи (я читал об этом несколько работ, но все было спорно, да споры эти и теперь идут – ср. воззрения Тронского⁹²...). Е.Д. развивал свои идеи, по которым это ударение, кажется, в токийском диалекте. В результате Е.Д. написал мне блестящую характеристику.

Человек он был необычный (это, кажется, всем известно). У него были две жены, с которыми он жил по очереди, слуга-китаец, и собака. Кроме того, он был наркоман, и у него не было половины одной руки (о ее потере ходили различные легенды⁹³). Жен его я никогда не видел. Но говорили о них следующее. Одна была полусумасшедшая, но талантливая, эстонка (у нее он выучился эстонскому языку), помогала ему в лингвистических работах⁹⁴ и отбирала у него все деньги, а зарабатывал он тогда немало, оставляя ему 14 коп. в день на папиросы. Пока он жил с ней, он принимал все более запущенный и оборванный вид, голодал. Когда ему это надоедало, он прогонял ее и призывал другую. Та обмывала, обшивала его (он принимал вполне аккуратный вид), не брала у него ни копейки (сама она где-то служила), но научные интересы ей были чужды, в работах она ему не помогала. Когда ему это надоедало, он прогонял ее и призывал первую. Периоды оборванного и аккуратного состояния Е.Д. я наблюдал сам. Моральные принципы и стыд для Е.Д. не имели никакого значения, но был он человек добрый и отзывчивый. Р.О. Шор однажды так характеризовала его: «Он с вас рубашку снимет, а когда нужно, с себя за вас снимет». Когда у него не было денег, ему ничего не стоило встать на углу улицы и просить милостыню. В общем он очень похоже изображен <В.А.> Кавериным в романе «Скандалист, или вечера на Васильевском острове», а еще больше похоже в детективном рассказе (не помню его названия) об исчезновении документа об отречении абиссинского негуса⁹⁵. Сам Каверин где-то писал (не помню где, но я сам это читал), что прототипом «Скандалиста» для него послужил Тынянов, но это, вероятно, потому, что были годы, когда нельзя было даже упоминать репрессированных, а Поливанов был репрессирован⁹⁶. И все же после выхода

Автобиография

«Скандалиста» все признавали в нем (и говорили об этом в публичных выступлениях) Поливанова.

Летом 1929 г. я вновь поехал в диалектологическую поездку на север, продолжать свои исследования на Пинеге. На этот раз я поехал вдвоем со студентом-медиком И. Лукомским, которого знал еще по Институту слова (не попав сразу после школы на медицинский факультет, он год учился там⁹⁷)... В то время не имевшим командировки передвигаться становилось все труднее, у меня же была командировка от диалектологической комиссии... То, что мой спутник был медик, помогло мне кое-в-чем и в научном отношении. Отчасти на основании местной традиции, отчасти на основании диалектных данных, у меня явилось предположение, что жители с. Нюхчи у впадения в Пинегу р. Нюхчи частью не являются исконно русскими. Спутник мой подтвердил это и некоторыми антропологическими данными. Должен сказать, что занимаясь Севером, я знал его не только в историко-этнографическом и лингвистическом отношениях, я имел сведения и по антропологии, и по геологии, и по метеорологии, и по океанографии, читал отчеты ихтиологических и лесотехнических экспедиций, но, конечно, здесь нужен был специалист, непосредственно имевший дело с анатомией и физиологией.

Диалектологические результаты, полученные мною летом 1929 г., в кратком виде опубликованы в Отчете об экспедициях и научных командировках АН СССР за соответствующий год, в более полном же виде то, что мною было сделано в этом и предыдущем году, легло в основу моей статьи «О говорах верхней Пинеги и Верхней Тоймы», опубликованной 20 лет спустя в первом томе «Материалов и исследований по русской диалектологии», издававшихся Институтом русского языка АН СССР...

Осенью 1929 г. я сдал, наконец, мой аспирантский экзамен по латинскому языку. Принимала комиссия, состоявшая из Мих.Мих. Покровского М.В. Сергиевского, М.Н. Петерсона и Н.М. Каринского (последний присутствовал в качестве возглавлявшего лингвистический разряд, так как Е.Д. Поливанова в это время в Москве не было, он был не то в Ташкенте, не то во Владивостоке – он вообще побывал там и там, но не помню, в каком порядке⁹⁸) Экзаменовали меня часа полтора

П. С. Кузнецов

ра, причем отвечал я без подготовки, а главная часть состояла в разборе довольно короткой древнелатинской надписи, сопровождаемой обстоятельными комментариями сравнительно-грамматического характера, со ссылками на различные мнения в специальной литературе. В общем экзамен проходил так, как проходили старые магистерские экзамены.

Но это был мой первый и последний экзамен, сданный таким образом. После сдачи его я вновь консультировался с М.М. Покровским в отношении следующего экзамена по греческому языку, но сдавать его мне не пришлось. В это время, я говорил уже об этом, началось бурное наступление марризма, поднялись гонения на индоевропеистов, да и спрос на окончивших аспирантуру больше был по русскому языку. И я, поскольку по университетской моей специальности был русистом, решил перейти на специализацию по русскому языкознанию, тем более, что аспирантов моего года по этой специальности не было (И.А. Виноградов, как я уже писал, перешел на литературу).

Кажется, весной 1930 г. я сдал аспирантский экзамен по русскому и старославянскому языку (русский язык, конечно, лишь в историческом аспекте), но этот экзамен был далеко не то, что экзамен по латинскому языку (правда, все же в большем объеме, чем спрашивали на студенческом экзамене).

Вместе с тем в 1929-30 учебном году я продолжал бывать на заседаниях диалектологической комиссии (между прочим делал там доклад о поездке на Пинегу), и продолжал работать в семинаре Артемова по психологии языка (собирался заниматься детской речью, но как-то это не пошло).

В этом году нас, аспирантов, стали больше загружать общественной работой (в предыдущем году я вел ее очень мало). Нашли, что нас всех (т.е. и лингвистов, и литературоведов) следует прикрепить в одно место – и прикрепили нас на завод «Серп и молот» в листопрокатный цех. Все мы должны были участвовать в организации цеховой стенгазеты. Литературоведы занялись больше историей завода и разыскиванием местных литературных талантов, я же – больше научными экскурсиями и производственной частью. Этому способствовало и то, что

Автобиография

я как-то все годы моей жизни стремился к энциклопедичности. В то время я читал порядочно технической литературы, присматривался к производству, бывал вочных сменах (у нас были постоянные пропуска на завод). Когда началось еще более интенсивное наступление марксизма, я уже подумывал, не бросить ли мне лингвистику и не идти ли работать на завод, и именно в листопрокатный цех (здесь меня прельщало и то, что рабочий день 6 часов, так как цех горячий, больше остается свободного времени). Думаю, что с работой я бы справился, а жару я тогда переносил легко. Но останавливало то, что завод на другом конце Москвы, и трудно ездить каждый день, металлисты же не текстильщики, у них не приняты (и до революции не были приняты) рабочие общежития, все жили по своим домам. Москва же в это время уже была перенаселена. А ребята на заводе были хорошие, и я их вспоминаю с благодарностью.

Кажется, в том же году я побывал (вместе с В.А. Артемовым и некоторыми участниками нашего семинара) в акустической лаборатории В.Э.И.⁹⁹ (у С.Н. Ржевкина и Казанского), которые в это время занимались и акустикой речи. В.Э.И. помещался в том же направлении, что и «Серп и молот», но еще дальше. Н. Нюберг в это время тоже работал в В.Э.И. в лаборатории испытания электроматериалов у о. Флоренского.

Летом 1930 г. я вновь поехал на север (это была моя последняя поездка в те края). Поехали мы втроем. Кроме меня, были А.Б. Зернова, этнограф, кончившая, не помню, в этом же или в предыдущем году университет, и И.О. Сосфенов, искусствовед. С Зерновой я познакомился в том же семинаре по психологии языка у Артемова... Мы побывали в различных пунктах, расположенных по Северной Двине от Нижней Тоймы до Красноборска (мы двигались снизу вверх)...

Возвращался я в Москву отдельно от моих спутников, через Котлас, так как я еще весной говорился о дальнейшей работе, после аспирантуры. Весной приезжал в Москву окончивший нашу аспирантуру по литературе П.М. Соболев (он занимался фольклором, преимущественно фабричным), он был деканом факультета литературы и языка в Смоленском педагогическом институте и набирал туда работников. Он уговорил меня ехать прямо с августа, а то после аспиранту-

П. С. Кузнецов

ры меня могли послать куда-нибудь очень далеко, если же я у них буду работать, то они меня при распределении затребуют. У них уже читали (наездами) из лингвистов, окончивших нашу аспирантуру до меня, Г.К. Данилов¹⁰⁰ и С.Д. Никифоров¹⁰¹.

В аспирантской подготовке произошли изменения (это ведь был 1930 г.). Во-первых, везде были отменены дипломные работы и дипломные проекты, следовательно, были отменены и выпускные работы аспирантов (неофициально именовавшиеся «диссертациями», но не кандидатскими, так как ученых степеней тогда не было). Кроме того, где-то было решено, что мы должны кончать аспирантуру досрочно, не за три, а за два с половиной года, т.е. должны быть выпущены (независимо от выполнения плана) к 1 января 1931 г. (вместо весны или осени 1931 г.). Это, кажется, было решено лишь для аспирантов РАНИОН, которая в это время подлежала расформированию. Предполагалось, что аспирантура перейдет в так называемый РАНИ и МХИРК (забыл точную формулировку, туда должна была перейти и часть ГАХН, которая не была разогнана за формализм и реакционность).

По плану я должен был сдать еще два экзамена – белорусский и польский язык. Я сдал только один из них – белорусский язык. Начал готовить польский язык, по программе, указанной А.М. Селищевым, очень обширной, с историей и диалектологией (книги у меня были, частью выписанные из-за границы – аспиранты в то время пользовались большими правами, чем теперь, состояли членами Дома ученых и имели право выписывать через книжный отдел книги на валюту), но до 1 января подготовить не успел, а дальше меня официально сочли кончившим аспирантуру.

Поскольку я уже работал в Смоленске, Наркомпрос меня и направил официально в Смоленский педагогический институт и. о. доцента.

Проработал я в Смоленске всего один учебный год (1930-1931), и начало моей регулярной педагогической деятельности в вузе было не особенно удачно, отчасти по моей застенчивости, отчасти потому, что был введен только что бригадно-лабораторный метод¹⁰², а книг было недостаточно, да и студенты их не особенно понимали, отчасти по моей подготовленности, по крайней мере, к одному из предметов, которые я

Автобиография

должен был вести. Вел же я два предмета: «Введение в языкознание» и современный русский язык. С «Введением» дело обстояло лучше. Я был достаточно образован лингвистически, практические же занятия, которых требовал лабораторно-бригадный метод, труда не составляли: это были упражнения по фонетике, по транскрипции, анализу языковой структуры различных языков, занятия по карте генеалогической классификацией. Но современного русского языка в полном объеме я сам никогда не проходил, а на него было отведено огромное количество часов (ведь и в университете, и в аспирантуре «русским языком» считались история и диалектология его), правда, я был в семинарии по синтаксису у М.Н. Петерсона, но он носил особый характер (рассчитан был на подготовленных лингвистов), я пробовал воспользоваться его опытом, но из этого мало вышло хорошего. Студенты на меня жаловались, что или ничего не понимают, или я не так веду (именно старших курсов, а не 1-го, где я вел «Введение в языкознание»).

Вообще, в Смоленске было хуже, чем расписал Соболев, когда звал туда. Он говорил, что каждому преподавателю во дворе института в особом флигеле дают квартиру – две комнаты, кухня и чулан для провизии. Для тех, кто начал работать раньше, действительно было так. Мне же сначала пришлось жить в студенческом общежитии, в комнате для приезжих научных работников. Мы там жили вдвоем с только что кончившим аспирантуру по педагогике Эскиным. Потом ему где-то дали комнату. Я некоторое время оставался в общежитии, порой один, порой вместе с временно приезжавшими, работавшими в Смоленске по совместительству, С.Д. Никифоровым, читавшим историю русского языка, В.М. Хвостовым¹⁰³ (тогда еще доцентом), читавшим всеобщую историю. Впоследствии я получил комнату в квартире секретаря института Соболевского, который должен был уплотняться, но комната была очень холодная, хотя и большая, ее невозможно было натопить, масса денег уходила на дрова. Мои московские друзья, которым я это рассказывал, говорили, что я «прожигаю все жалованье». Хорошо еще, что в первом семестре я получал и институтскую зарплату, и аспирантскую стипендию в Москве (а стипендию как раз сильно увеличили, первый год аспирантуры я получал по 80 руб. в месяц, второй – по 90,

П. С. Кузнецов

а третий – по 170). Во втором же семестре я уже не получал стипендии, а зарплата у меня была совсем маленькая, так как я переполучил в первом семестре... Хорошо еще, что были довольно длительные периоды, когда я мог уезжать в Москву: я читал по 6-8 часов ежедневно, отчитывал, что полагалось, а затем мог на месяц или даже больше уехать, тем более, что приезжающие из Москвы тоже за несколько дней отчитывали даже не по 8, бывало и по 12 часов. Но в общем мне приходилось больше жить в Смоленске.

Впрочем, в Смоленске было не всё плохо. Были и интересные люди, и из приезжающих, и тамошние постоянные...

Русскую литературу XIX века читал С.М. Брейтбург¹⁰⁴, которого я, впрочем, знал еще по Москве. Читал он наездами (так же, как С.Д. Никифоров и Г.К. Данилов). Весной 1931 г. его «прорабатывали» на большом собрании, кажется, за следование Переверзеву. В своем выступлении он сказал, что в Москве это уже кончилось, а только до такого «медвежьего угла», как Смоленск, только сейчас докаталось. «Медвежий угол» вызвал возмущение постоянных «смолян». Соболев выступил с громовой речью, в которой говорил о барском отношении Брейтбурга к периферии и о том, что у нас нет медвежьих углов. В результате было вынесено решение об изгнании Брейтбурга из института. Впрочем, Брейтбург совершил бес tactности и в Москве. Так, однажды он выступал в диалектологической комиссии. Перед заседанием он спросил меня, будет ли Дурново. Я сказал ему, что Дурново сейчас в Чехословакии. А он разъяснил: «А то ведь я его лягаю». И «лягнул». Когда я рассказал об этом моему другу Н. Нюбергу, он заметил: «А ты бы добавил: пускай ослиное копыто знает»...

Смоленский институт как институт существовал недавно. После революции там был организован университет, который незадолго до моего приезда разделился на два института – педагогический и медицинский (подобно тому, как разделился 2-й МГУ). Следы былой общности сохранились и при мне: оба института имели общий двор и общую столовую для профессорско-преподавательского состава. Кроме того, была общая баня. Поскольку там мылись профессора и сотрудники обоих институтов (в том числе и медицинского), банщик ко всем нам, в

том числе и ко мне, обращался: «доктор», что мне весьма льстило. В столовой кормили неплохо, а у входа вешали различные объявления научного и общественного характера, касавшиеся обоих институтов. Это был период, когда диалектику искали всюду, вплоть до рыбных бассейнов, и, помню, меня поразило объявление о методологическом семинаре медицинского института, где один из преподавателей (не помню фамилии) прочтет доклад «Диалектика воспалительного процесса». Я высказал свое недоумение моему соседу за столом – медику, но он обиженно стал возражать мне, что в воспалительном процессе действительно налицо диалектика – сначала ничего нет, потом по краснение и т.д. – в общем количестве переходит в качество.

Я уже говорил, что у меня не ладилось с «бригадно-лабораторным» методом занятий, который тогда всюду вводился. Впрочем, не всё ладилось не только у меня и не только в Смоленске. Преподававший на первом курсе педагогику Эскин (я о нем уже говорил) рассказывал мне: дал он студентам читать что полагается, а сам сидит за столом. Через некоторое время, один подымает руку. Оказывается, у него вопрос: «А что такое компромисс?». В один из приездов в Москву мне рассказал один знакомый молодой биолог, преподававший, кажется во 2-м МГУ (т.е. уже в пединституте, не помню, был ли он тогда уже чьего-нибудь имени). Он тоже студентам первого курса дал что-то читать по биологии, а сам ушел на другой этаж и лег на кушетку. Через некоторое время зашел в аудиторию и спросил: «Как, прочли?». Они отвечают: «А мы ничего не поняли». Он разъяснил им, велел читать дальше, а сам опять пошел на другой этаж и опять лег на кушетку. Через некоторое время опять пришел в аудиторию и спросил: «Ну, как?». А они отвечают: «А мы опять ничего не поняли»...

Для полноты картины моей смоленской жизни опишу еще одно событие. К весне я выполнил всю годовую нагрузку и собирался в Москву. Но начальство согласилось меня отпустить с тем, чтобы я предварительно выполнил одно общественное поручение. Обнаружилась большая нехватка школьных преподавателей в связи с переходом на всеобщее обучение. Решено было открыть в Смоленске краткосрочные курсы по подготовке учителей для начальных школ (а может быть,

П. С. Кузнецов

и для низших классов средних школ), на курсы эти принимались люди с очень невысоким образованием (с каким, сейчас точно не помню), надо было агитировать (чтобы производить набор на эти курсы) по районным исполкомам и отделам народного образования. Для этой агитации (и разъяснения задач курсов) посыпали в разные районы также преподавателей института. Меня командировали в Холмский район¹⁰⁵, самый глухой, в Смоленске даже почти никто не знал, как туда добираться (район недавно вошел в состав области). Наконец, все же узнал: надо было ехать по железной дороге с пересадкой, затем около 80 верст на лошадях (до г. Холма). Весна была поздняя, таял снег, грозил начаться разлив, и я мог застрять. К счастью, этого не случилось.

Но когда я попал в Холм, я почувствовал, что попал как бы в другое царство. Я бывал на Севере, фактически гораздо дальше от центров цивилизации, чем теперь. И тем не менее, на Севере все было иначе. А здесь – будто я попал в провинциальный город гоголевских времен. Когда я сделал доклад о курсах и предложил высказываться, наступило молчание. Затем председатель исполкома, тоже помолчав, медлительно произнес: «Да нет, у нас сперва подумают, а потом уже начинают говорить...». И здесь же я познал, что все относительно. В Москве окончившие вузы и аспирантуру стремятся зацепиться здесь и бояться посылки в глушь. В Смоленске окончившие студенты боятся посылки в глухие места. В Холме уже Холм считался культурным центром, а были свои глухие места, и работники Холма и кончившие местный педагогикум боялись посылки туда.

Едва не попав в разлив, я все же выбрался и дня через два после возвращения в Смоленск уехал в Москву: был конец апреля.

На научном фронте происходили большие изменения, о которых я отчасти узнал еще в Смоленске, а отчасти во время моих зимних пребываний в Москву. Именно этой зимой¹⁰⁶ организовалась группа лингвистов, начавшая борьбу против учения акад. Марра. Эта группа оформилась организационно в «Языковедный фронт» или, сокращенно, «Языкофронт». Во главе Языкофронта встал Г.К. Данилов, заведовавший нашей кафедрой в Смоленске и читавший на последнем курсе (наездами) методологию языкоznания. Идейным же вождем был тогда

Автобиография

совсем еще молодой Т.П. Ломтев¹⁰⁷, поступивший осенью 1930 г. в аспирантуру РАНИОН по лингвистике (окончив перед этим Воронежский университет). Во время одного из приездов в Смоленск Данилов рассказал на собрании о языкофронте и его задачах и предложил вступать в него. Я вступил. До сих пор с марризмом боролись старые индоевропеисты. Их обвиняли в идеализме и буржуазной идеологии. Языкофорт начал борьбу с Марром и его школой с марксистских позиций.

Поскольку я до сих пор не говорил о Г.К. Данилове, расскажу о нем несколько подробнее. Он был членом партии (вступил, кажется, после февральской революции). В Первую мировую войну он, будучи студентом Московского университета, был призван в армию, учился в юнкерском училище, кажется, был произведен в прaporщики. Во время гражданской войны он был в Красной армии, но, кажется, уже занимался преподаванием в военной школе. Сдавал экзамены в университете и закончил его. После работал на рабфаках, а затем в КУТВе¹⁰⁸ (преподавал русский язык). В аспирантуру он пошел будучи уже человеком средних лет. В тот год, когда я поступил, он был в аспирантуре последний год. Пребывание его в аспирантуре особыми успехами ознаменовало не было. На первом экзамене по специальности он провалился, но говорил, что сам считает, что он выдержал, а провалили его старые профессора, по-видимому, по реакционности. Человек он был, возможно, не плохой, но не особенно умный. Было еще одно его не особенно тактичное выступление против А.М. Селищева на заседании Лингвистического разряда института (я на этом заседании не был, но мне рассказывали). Некоторые элементы тщеславия у Данилова, несомненно, были.

Весной 1931 г. РАНИОН расформировался. Институты частью ликвидировались, частью переходили в ведение других организаций и ведомств, я уже об этом писал. Но ввиду того, что началась борьба Языкофронта против марризма, а некоторые работники и в ЦК, и в Наркомпросе поддерживали эту борьбу (так, по-видимому, было, хотя прямо в печати об этой поддержке не говорилось), этой же весной, на основе прежде всего Лингвистического разряда Института языка и литературы (РАНИОН) был организован научно-исследовательский инсти-

П. С. Кузнецов

тут языкоznания (НИЯЗ), подчиненный Наркомпросу. Впрочем, туда были добавлены и еще сотрудники из разных мест. Директором был назначен <М.> Бочачер, литературовед, окончивший Институт красной профессуры, по перед этим совершивший какие-то методологические ошибки¹⁰⁹. Заместителем директора был назначен Г.К. Данилов.

По прибытии в Москву я установил связи с этим институтом и начал там работать, сначала внештатно, получая деньги за различные выполненные работы, а затем, если не ошибаюсь, с августа того же 1931 г. получил штатное место старшего научного сотрудника (как окончивший аспирантуру) или, как это тогда официально называлось, научного сотрудника первого разряда. Зарплата научных сотрудников, не связанных с промышленностью, тогда была очень маленькая. Предполагалось, что я буду продолжать преподавать в Смоленске, но теперь уже наездами. Я говорил уже, что у меня не всё ладилось с преподаванием, но, оказалось, что заменить меня пока некем, и мне предложили остаться и на следующий учебный год. Но, будучи теперь уже штатным сотрудником, я послал заявление, когда и на сколько я смогу приезжать в Смоленск. Мне ответили, что такие условия им не подходят, и меня от работы в Смоленске освободили. Это объясняется тем, что с осени там стал работать кто-то из окончивших аспирантуру в Ленинграде. Так что вновь в Смоленск я приезжал лишь один раз в сентябре за вещами. В моей комнате я застал уже новых жильцов – четырех аспирантов. К счастью, хоть я и получил там комнату, я из Москвы не отписывался (тогда это было можно).

Новый период моей научной работы образует работа в НИЯЗе и борьба с марровским учением (именно первый этап ее). Кто же работал в НИЯЗе и в каком направлении велась работа? Я уже писал о директоре и замдиректоре. Кроме них, в руководстве оказался только в прошлом году поступивший в аспирантуру Т.П. Ломтев, которого сразу все признали идеяным вождем языкофронта. В Институте было три сектора: методологический, практический и исторический. Одной из ошибок марровского учения, помимо его идеализма, по мнению представителей языкофронта, был отрыв от практики и от современности. НИЯЗ должен был вести и практическую работу.

Автобиография

Моя работа была связана главным образом с Практическим сектором (но не только). Руководил сектором М.С. Гус¹¹⁰, по профессии, кажется, журналист, языком всерьез занявшийся недавно, но написавший в прошлом работу (кажется, брошюру) о языке газеты¹¹¹. Человек веселый и остроумный, он занимался реформированием (рационализацией), в связи с чем всевозможным образом трансформировал язык военных приказов (главным образом военкоматских – о призывах, учебных сборах и т.д.), освобождая от излишней канцеляршины, а кроме того (может быть, вследствие того, что светофорная сигнализация представляет собой также язык) занимался преобразованием регулирования уличного движения, не помню как следует, чем он занимался еще.

Занимались в секторе и упорядочением научной и технической терминологии различных областей (на этой почве состоялось мое знакомство с А.А. Реформатским, работавшим тогда в Институте полиграфической промышленности) и реформой орфографии и письменности (этим занимались мои прежние друзья по университету – Р.И. Аванесов и В.Н. Сидоров, которые были научными сотрудниками института, а также и А.М. Сухотин¹¹² с которым... я был знаком по Институту народов Востока и ВЦКНА¹¹³, в этой работе принимали участие также А.А. Реформатский, а из более старшего (в научном отношении) поколения – Н.Ф. Яковлев и Л.И. Жирков). Вели работу в секторе и по методике преподавания – в этой работе участвовала, насколько помню, И.А. Грузинская, талантливая методистка и специалистка по английскому языку, рано умершая (еще до войны), тогда она еще только закончила аспирантуру. При Практическом секторе была, наконец, фонетическая лаборатория, правда, оборудованная устарелой для многих целей аппаратурой. Возглавлял ее В.А. Артемов, о котором я уже писал. В секторе, и вообще в институте, подобно тому, как это было принято, работали бригадами. Была у нас бригада по изучению телефонной слышимости, в которой работали В.А. Артемов (он и возглавлял ее), Т. Вентцель (о которой я, кажется, уже писал) – она работала в Словарном издательстве (по окончании университета в 1929 г.), но принимала участие и в нашей работе, – и я. Механиком лаборатории (также участвовавшим в этой работе) был работавший ранее в лаборатории В.А. Артемо-

П. С. Кузнецов

ва в Психологическом институте, молодой и очень скромный физик Кислинский (он принимал участие и в этой работе).

Автоматические телефонные станции тогда еще только начинались, предполагалось, что еще даже на ближайшую пятилетку должно не только не уменьшиться, но даже несколько возрасти число неавтоматических станций, поэтому вели и исследования по работе телефонисток, имея целью рационализацию вызовов и ответов. Мы были связаны с Центральной телефонной станцией, бывали там, и у нас были телефонистки оттуда. Там тоже велась работа по рационализации разговора телефонисток с абонентами. Раньше в ответ на названный номер телефонистка повторяла его, абонент говорил «Да», после чего телефонистка отвечала «позвонила» и ждала благодарности абонента. Теперь для большей экономии телефонистка отвечала «даю» и не ждала благодарности. Но сами телефонные барышни не были удовлетворены таким ответом, они жаловались нам, что знакомые смеются: «Сколько раз сегодня дала?». Поэтому стали отвечать: «Готово». Мы вели исследования и номеров телефонов, определяли, какие названия цифр и почему легче всего ведут к ошибкам (и ошибочным соединениям), и т.д.

В Методологическом секторе занимались диалектико-материалистической методологией языкоznания, борьбой на два фронта – против буржуазного языкоznания и против яфетической теории («нового учения о языке»), общими проблемами грамматики. Вырабатывались различные «тезисы». Данилов, возглавлявший методологическую работу при содействии Ломтева, который едва ли не за год превратился из аспиранта в ведущего методологического работника, утверждал, когда некоторые языкофронтовцы, что и нам надо писать монографии теоретического характера, а не только критиковать противников, что наши тезисы имеют большее значение, чем пухлые диссертации. И именно в Методологическом секторе зародилась новая методологическая грамматика, опирающаяся на диалектико-материалистические основания. Центральную часть этой грамматики, основным творцом которой явился Т.П. Ломтев, образовывало учение о частях речи. Части речи определялись как классы слов, отражающие действительность через классовое сознание. Существительное отражало действитель-

ность через классовое сознание предметно, глагол отражал действительность через классовое сознание процессно и т.д.

Нужно сказать, что Г.К. Данилов, официальный руководитель языкофронта, подвергался критике не только со стороны врагов, но и со стороны единомышленников, а также и сам себя подвергал самокритике. Он даже опубликовал статью, которая так и называлась «Мои ошибки»¹¹⁴. Ошибки его состояли в не всегда правильном понимании отношений языка и общественных классов, а кроме того у него были ошибки великодержавного шовинизма. В одной статье он неправильно определял будущее украинского языка и его роль как языка национального. Я как-то диктовал машинистке очередные тезисы методологического характера, причем там говорилось о борьбе против местного национализма и великодержавного шовинизма (машинистка помещалась на площадке второго этажа двухэтажного здания, где был тогда институт около Красных ворот, ныне Лермонтовская¹¹⁵), а Данилов проходил мимо и засмеялся: «Кто меня критикует?».

Наконец, был Исторический сектор, где занимались исследованием истории и диалектологии, преимущественно русского языка, но также и других. Возглавлял его Н.М. Каринский, о котором я уже писал, и большинство старых ученых, работавших в институте, входили туда. Там вели преимущественно диалектологическую работу. После первой зимы существования института (1931-1932 г.) большая диалектологическая экспедиция под начальством самого Каринского отправилась в Псковскую область. Провожали экспедицию чрезвычайно торжественно, на вокзал отправилась делегация, возглавляемая Даниловым, с речами и с красными флагами. Так же и встречали. Вообще было много суэты и суматохи.

В институте я встретился с некоторыми из моих прежних товарищ, а также с лингвистами старшего поколения. Там работали Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров, А.М. Сухотин, из более старших Н.Ф. Яковлев и Л.И. Жирков, занимавшиеся преимущественно кавказскими языками и вопросами письменности (они работали в ВЦКНА, а Сухотин был там секретарем). В историческом секторе работали А.М. Селищев, П.А. Расторгуев¹¹⁶).

П. С. Кузнецов

При институте была создана аспирантура (в ней между прочим учились С.В. Бернштейн¹¹⁷, Е.М. Галкина-Федорук¹¹⁸). Кроме того решили делать лингвистов прямо из представителей рабочего класса, чтобы они не были заражены буржуазной методологией. Поэтому был кликнут клич по заводам и фабрикам, и был создан специальный рабочий институт русского языка (РИЯЗ), куда принимали молодых рабочих и работниц, имевших среднее образование или близкое к нему, и за год (или за два?) предполагали подготовить их к экзамену в аспирантуру.

Остановлюсь на некоторых результатах научного и научно-практического характера.

Именно в стеках НИЯЗа оформилась в процессе отталкивания от Пражской школы (с использованием ее лучших достижений) и более последовательного проведения концепции и методики, отразившейся в опубликованной в 1928 г. «Математической формуле построения алфавита» Н.Ф. Яковлева¹¹⁹, так называемая Московская фонологическая школа. Ядро этой школы образовали В.Н. Сидоров, Р.И. Аванесов, А.А. Реформатский, А.М. Сухотин и я. Основные положения ее отразились еще в небольшой статье «О реформе орфографии» Аванесова и Сидорова («Русский язык в школе», 1930 г.)¹²⁰.

В 1931-32 г. Институтом совместно с рядом других организаций была осуществлена подготовка проекта реформы русской орфографии. Реформа носила очень крайний характер: в ней последовательно был проведен фонематический принцип, опирающийся на фонологические отношения, определяемые для русского языка, исходя из положений Московской фонологической школы. В целях устранения букв, обозначающих сочетания двух фонем, был введен ѹ. Инициаторы проекта сумели убедить Данилова и Ломтева в целесообразности такой орфографии. Проект предполагался лишь как временная мера, но имеющая в виду дальний прицел – переход в дальнейшем на письмо на латинской основе, уже подсчитывали, насколько оно будет экономичнее и в отношении бумаги, и в отношении типографского металла. Проект был слишком радикален и в конце концов не прошел.

НИЯЗ и «Языкофронт» вели борьбу на два фронта, как я уже говорил. Постоянно бывали дискуссии. По линии борьбы с буржуазным язы-

Автобиография

кознанием громили различных старых языковедов, в том числе и работавших в институте. Громили П.А. Растворгуева за то, что его некоторые теории (он занимался главным образом белорусским языком) смыкаются с некоторыми теориями «нацдемов» (националистических демократов)¹²¹. Совершенно растерявшийся Растворгуев, выступая с ответным словом, начал: «Конечно, я за нацдемов...», но, услышав шум в зале, поправился: «Нет, нет, я, конечно, против нацдемов...». Громили А.М. Селищева за «Язык революционной эпохи»¹²² и за что-то еще. В защиту его выступали Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров и С.Б. Бернштейн (он был тогда аспирантом). Данилов назвал их «селищевскими волчатами» игрозил «вырвать зубы» этим волчатам. С разгромной речью выступил Бочачер, который вообще не очень разбирался в лингвистике, а Данилов с восторгом приветствовал «рождение нового лингвиста – Бочачера»... Из старых лингвистов Н.М. Каринский способствовал вычищению Селищева из института, он входил в местком, но открыто выступить против него не решался. В конце концов Селищев был исключен из института, а вместе с тем исключен был из аспирантуры С.Б. Бернштейн, наиболее рьяно защищавший Селищева. Но Наркомпрос через некоторое время восстановил и того, и другого, после чего Каринский говорил, что он рад этому и что он был всегда против их исключения.

Около этого времени (за пределами НИЯЗа) была преобразована Московская диалектологическая комиссия, переименованная в Диалектографическую комиссию, причем во главе ее встал Н.М. Каринский. Постепенно старые диалектологи перестали там бывать, а Н.Н. Дурново, раньше бывший товарищем председателя, теперь не называл ее иначе, как «Вониловская комиссия», так как главная деятельность Каринского (научная) была направлена на изучение говора деревни Ванилово и изменений в нем, начиная с начала XX в., под влиянием открывшейся там фабрики.

Во всех погромных дискуссиях главным вождем выступал Т.П. Ломтев, а следующим за ним (помимо начальства вроде Бочачера и Данилова) аспирант (а впоследствии научный сотрудник) Мамохин, которого В. Сидоров и А.М. Сухотин называли «вождёнком». Кроме него был еще Никулин, тоже аспирант. Сухотин часто употреблял выражение

П. С. Кузнецов

«Мамохин, он же Никулин», имея в виду их одинаковый научный вес и одинаковую ориентацию (похожи внешне друг на друга они не были, и манера говорить у них была совершенно разная). О степени подготовки их может судить такой факт. Каждый из аспирантов должен был прочесть пробную лекцию по языкоznанию. Никулин читал, кажется, в Институте иностранных языков, лекцию о типологической классификации языков. Кто-то из студентов спросил, откуда взято и что означает слово «агглютинативный». Никулин ответил: «Это монгольское слово».

За время своего существования институт выпустил один номер журнала «Революция и язык», где были различные статьи, обзоры и рецензии, характеризовавшие платформу института. Предполагалось, что журнал будет выходить регулярно, но на институт началось гонение сверху, и издание журнала дальше не пошло. Но в первом номере вышел казус с Н.М. Каринским: ему было поручено дать обобщающую рецензию на «Труды МДК». Статья по существу была разгромная, причем разгром велся с позиций марксистского языкоznания. Бочачер придумывал представленным статьям хлесткие названия – сказался старый газетный редактор. Обзор Каринского получил название «Лингвистическое утильсырье». Каринский чуть с ума не сошел (кстати, по существу заглавие вытекало из того, что Каринский писал). Все же заменили: О «трудах» Московской диалектологической комиссии (только слово «трудах» было в кавычках, что должно было означать иронию).

Помимо разгрома старого буржуазного языкоznания, институт и языкофронт боролись против марровского учения. Составлена была обширная коллективная записка о положении в языкоznании и представлена в ЦК (там нас как будто поддерживал т. Болотников, впрочем, это по словам Данилова). Мною была подготовлена брошюра, направленная против марровской теории. Она называлась «Яфетическая теория» и вышла из печати в 1932 г. Должен сказать, что значительная часть положений этой брошюры соответствует и теперешним моим взглядам. Кое-что было более четко выражено в одном моем тогдашнем докладе, который не был напечатан. Впоследствии эта брошюра принесла мне много неприятностей.

НИЯЗ был учреждением довольно безалаберным. О безалаберности его можно судить хотя бы по библиотеке. Там была очень ценная библиотека, в основном переданная из лингвистического кабинета МГУ. В университете, начиная с 1930 г., стали ликвидировать гуманитарные факультеты, оставили только естественные. Поэтому библиотека лингвистического кабинета, где было много редких книг, в том числе и иностранных, была передана НИЯЗу. Впоследствии, с ликвидацией НИЯЗа, эти книги были переданы Библиотеке иностранной литературы, а затем, когда был организован ИФЛИ¹²³ (в 1934 г.) – туда. Но много книг было разбазарено. Во главе библиотеки стоял веселый малый, поэт и пьяница, Иван Пулькин¹²⁴ (поэтом и я себя считаю, но Пулькин был печатающийся поэт), с которым мы вообще подружились. Впоследствии он стал мужем И.М. Вульфиус, которая впоследствии стала Пулькиной. Она была много старше его. Сам Пулькин, кроме поэтических упражнений, занимался еще «Словом о полку Игореве» <...>

Параллельно работе в НИЯЗе я занимался и преподавательской работой. Читал лекции в ЦИПККО (Центральный институт повышения квалификации кадров народного образования), меня туда пригласила заведовавшая там кафедрой языкоznания Р.О. Шор. Преподавание шло у меня лучше, чем в Смоленске, но все же не очень хорошо, точнее, неровно, тем более, что и здесь мне приходилось преимущественно читать не те курсы, которые в наибольшей степени меня привлекали (современным русским языком я в это время интересовался еще мало, точнее, интересовался лишь некоторыми разделами, например, фонологией, некоторыми отделами морфологии, а читать приходилось всё, причем наибольшее время отводилось, кажется, на синтаксис). Читал лекции особой аспирантской группе (краткосрочной, не помню точно, как она называлась) Программно-методического научно-исследовательского института. В эту группу входили люди, уже работавшие до этого на руководящей методической работе (зав. РОНО, районные инструкторы и т.д.). В числе моих слушателей тогдашних были и такие, как впоследствии действительный член Академии педагогических наук РСФСР А.В. Текучев, доцент А.С. Бедняков. Наконец, по поручению же ЦИПККО, я читал в Орехово-Зуевском вечернем уни-

П. С. Кузнецов

тельском институте, над которым ЦИПККО шефствовал. Я ездил туда раз в неделю на ночь: ехать туда в то время было часа четыре. Я уезжал в конце дня, вечером приезжал туда, читал (не помню, 2 или 3 лекции), ночевал в Доме крестьянина (там для института были заброшены места), а рано утром уезжал обратно в Москву. Из литературоведов туда ездил Чичеров¹²⁵.

Из периода пребывания в НИЯЗе я должен отметить два факта моей научной биографии (помимо брошюры против Марра, о которой я уже писал): знакомство с А.И. Томсоном¹²⁶ и начало занятия африканскими языками.

Летом 1932 г. я провел отпуск у моей приемной матери, которая после революции жила постоянно в Одессе. Там же жил и известный лингвист, ученик Фортунатова, профессор А.И. Томсон. Мама, оказалось, была немного знакома с ним и устроила паше свидание. Из-за моей стеснительности оно состоялось перед самым моим отъездом. Он был стар, слегка задыхался (кажется, у него была астма), в университете уже не работал (впрочем, кажется, не из-за старости, а из-за контрреволюционности). Жил он в большом доме, некогда ему и принадлежавшем: в свое время он женился на миллионерше, и этот дом, кажется, был ее приданое. Беседа с ним была исключительно содержательна. Мы говорили о фонетике, о сравнительном языкоznании, о теории Марра, которой он (как и я) был ярым противником. В чем мы резко разошлись, это во взгляде на фонологию. Он и тогда считал (как еще <на> 20 лет раньше высказывал в своих печатных работах), что учение о фонеме для языкоznания не нужно и что, если и имеет право на существование, то относится к психологии. Несмотря на то, что он был уже болен, он продолжал курить и предложил закурить мне. Я сказал, что не курю. Он посмотрел на меня и спросил: «А вы, может, и водку не пьете?». Я ответил: «Нет, пью иногда». «Ну, то-то, — сказал он с удовлетворением, — а то Филипп Федорович покойный говорил: не пьет, не курит — человек опасный». В связи с этим он предался воспоминаниям и рассказал о Фортунатовских четвергах, на которых научные беседы заканчивались обычно выпивкой. На этих четвергах бывали и Томсон, и Ульянов¹²⁷, и еще назывались различные <неизвестные> мне¹²⁸

Автобиография

имена. «Один Шахматов был у него трезвенник», – добавил А.И. Однажды он с Ульяновым после такого четверга, на рассвете, т.е., по-видимому, уже в пятницу, возвращались домой. По церквам уже звонили к заутрене. Навстречу им попался монастырский послушник, вдребезги пьяный. Они стали его стыдить: «Что ж ты, братец, к заутрене звонят, а ты вон в каком виде!». На сие он ответил: «Я хоть и в таком виде, а вас уложить могу!» – и обоих уложил.

Посещение А.И. принесло мне и некоторую материальную прибыль. Он подарил мне большое количество своих работ – и оттисков из различных журналов, русских и заграничных, и отдельных книг, в том числе обе свои диссертации.

Осенью, когда вышла моя «Яфетическая теория», я послал ему экземпляр. С.Б. Бернштейн, который после аспирантуры работал в Одессе, потом говорил мне, что Томсон оценивал эту книжку как единственную толковую из того, что он читал по яфетической теории (включая работы самого Марра). Сам же я с Томсоном больше не виделся, так как больше в Одессе не был, а Томсон довольно скоро после того умер (кажется, через два года).

Африканскими языками я начал заниматься, не помню точно, в 1932 или 1933 г. Меня к этому делу привлек Г.К. Данилов, работавший, кроме НИЯЗа, в КУТВе (Коммунистический университет трудящихся Востока). Студентами там были представители различных восточных национальностей, наших и зарубежных. Африка, большая часть которой тогда была под гнетом империалистических держав как колониальная страна, обычно относилась к Востоку. При КУТВе была научно-исследовательская ассоциация национальных и колониальных проблем (НИАНКП), а в ней и лингвистическая секция. В КУТВе учились и выходцы из различных африканских стран, принадлежавшие к различным африканским народностям, большей частью жившие в Москве (в особом общежитии) и под чужими именами, во избежание преследования на родине. Образовалась небольшая группа, изучавшая суахили как один из наиболее распространенных международных языков Африки. Кроме меня и Данилова, в нее входили Зусманович¹²⁹ (ныне старший научный сотрудник Института Африки Академии наук СССР)

П. С. Кузнецов

и Иван Изосимович Потехин¹³⁰, впоследствии замдиректора Института этнографии АН СССР, затем директор упоминавшегося выше Института Африки. В настоящее время его нет в живых: он умер, кажется, в позапрошлом году в результате продолжительной и странной болезни, полученной им во время пребывания в Африке. Кроме того, была еще одна сотрудница НИАНКП, имя которой я позабыл (кажется, ее имя было Ильза – только это не И.М. Пулькина, – но дальше не помню). Занимались мы раз в неделю, но наш учитель оказался довольно легкомысленным, хотя и очень живым. На второе занятие он не пришел... Впрочем, он все же занимался с нами, и к концу учебного года я мог говорить на суахили на простые бытовые темы и даже почти не ошибался в классных согласованиях. Данилов владел суахили несомненно хуже, чем я, а остальные, не будучи лингвистами, занимались менее регулярно, чем мы с Даниловым.

Весной наш учитель был у меня в гостях. Вся квартира собралась под дверью слушать, как мы беседуем.

На лето Данилов уговорил нашего негра поехать с ним на дачу (чтобы практиковаться в суахили), но жаловался мне потом, что практики было мало. Негр познакомился с соседними девушками, умевшими объясняться по-английски, и проводил все время с ними.... В дальнейшем (в 1934-35 гг.) я (уже только вдвоем с Даниловым) занимался другим африканским языком, на этот раз западным – вай из группы манде, – у другого негра (из Либерии). Этот наш учитель был более серьезный, но практически вай в той мере, как суахили, я не изучал, хотя со структурой и ознакомился. Впрочем, занятия вай относятся ко времени после ликвидации НИЯЗа.

Занятия африканскими языками привели к тому, что я познакомился с крупнейшими советскими африканистами, которые в те времена (да отчасти и теперь) сосредоточены были главным образом в Ленинграде, – с Н.В. Юшмановым¹³¹, Д.А. Ольдерогге¹³², из младшего поколения с И.Л. Снегиревым¹³³, – участвовал совместно с ними в некоторых конференциях.

Результатом моих африканских занятий явилась моя статья «Об именной классификации в системе согласований в суахили», опуб-

Автобиография

ликованная в 1935 г. в сборнике «Язык зарубежного Востока» (изд. НИАНКП при КУТВ). Другая статья, посвященная грамматической структуре вай, была мною подготовлена около того же времени, когда первая вышла из печати, но тогда напечатана не была, так как и африканская группа в НИАНКП прекратила существование. Долгое время спустя часть этой статьи (под заглавием «О местоимениях вай») была мною опубликована в «Африканском сборнике» Института этнографии АН СССР (в 1959 г.).

Еще в конце 1932 г., а особенно в начале 1933 г. над НИЯЗом стали сгущаться тучи: марристы брали верх. Подвергалась критике и деятельность Языкофронта. Должен сказать, что я не был правоверным языкофронтовцем и однажды был из него исключен (не помню точно, когда, кажется в 1932 г.). Впрочем, поводом была не чисто научная сторона, а то, что, отвлеченный некоторыми лично-любовными мотивами, не был на одном открытом партийном собрании, а предался более веселому времяпрепровождению. В 1933 г. я был восстановлен, но вскоре на одном собрании, по предложению Данилова, Языкофонт самораспустился¹³⁴. Мотив Данилова был такой: он сделал свое дело, а теперь не время групповым организациям, надо строить всем сообща советское марксистско-ленинское языкознание.

Осуждена была моя книжка «Яфетическая теория» (сам Марр называл ее «китайской бомбой» – сравнительно незадолго до того был известный конфликт на КВЖД). Помимо устных разборов и проработок, разгромную статью в газете написал о ней Э.В. Севорян¹³⁵. На собрании его статью и мою книжку разбирали, требовали, чтобы я признал свои ошибки, но я не признал (кроме некоторых частностей) и перешел в контратаку на Севоряна. В результате меня и в НИЯЗе осудили.

Вопрос о лингвистических направлениях и учреждениях разбирался где-то в высоких инстанциях, и весной 1933 г. НИЯЗ был ликвидирован. Впрочем, сотрудники в большинстве переводились в различные московские вузы, а аспиранты – в Ленинградский институт языка и мышления, возглавляемый Марром. Я месяца полтора был вообще безработным (преподавание в ЦИПКНО также пришлось оставить), а затем вместе с фонетической лабораторией, переданной в I Московс-

П. С. Кузнецов

кий государственный пед. институт иностранных языков, я был назначен туда заведующим, но фактически это было просто лаборантское место, с очень небольшой зарплатой и без материальных благ, полагавшихся тогда научным работникам.

Несколько слов о моей личной жизни этого периода. Весной 1932 г. я женился на Екатерине Тимофеевне Семененко, на которой женат и теперь. По профессии она работница-текстильщица, а затем была выдвинута на хозяйственную работу – директором большого трикотажного магазина, с которым она прекрасно справлялась, как и со мною, хотя официально имела образование лишь в объеме одного года сельской школы. Лишь благодаря ей я пережил трудные годы после ликвидации НИЯЗа и вообще в дальнейшем достиг того, чего достиг. Осенью 1933 г. у нас родился сын. Но летом 1934 г. он умер в результате острого желудочного заболевания в возрасте около 8 месяцев.

Лишь осенью 1934 г. я получил возможность вновь вести преподавательскую работу. Я стал вести (с начала учебного года) практические занятия по курсу введения в языкознание, который читал Г.К. Данилов в I-м Институте иностранных языков. Тогда же (с середины сентября 1934 г.) я был приглашен Р.И. Аванесовым вести одну группу по истории русского языка в Московском городском пед. институте, где он заведовал кафедрой русского языка. Группа эта состояла из директоров школ и районных методистов, не имевших высшего образования, небольшая, человек 8, занималась она в каком-то районном доме пропаганды, недалеко от того места, где жил В.Н. Сидоров¹³⁶, поэтому для нее нужен был отдельный преподаватель. Начиная со II семестра того же года нагрузка в МГПИ у меня увеличилась: я стал еще вести занятия в филиале Пролетарского района (на вечернем факультете), где были и группы факультета русского языка и литературы. Впоследствии их территориально объединили с основной частью факультета. Ездить (пока их не объединили) было очень далеко (они занимались по вечерам в какой-то школе у Абельмановской заставы), но заниматься там было приятно: и студенты там были хорошие (в целом), именно там учился тогда В.Д. Левин¹³⁷, ныне доктор филологических наук, известный специалист по истории русского литературного языка, и

Автобиография

начальство было приятное – деканом филиала была З.А. Пивоварова, правда, сама тогда еще высшего образования не имевшая. Хорошая была в МГПИ и кафедра русского языка, ядро которой образовывали представители Московской фонологической школы.

На первое время я работал в МГПИ по совместительству, а основным местом работы у меня был МГПИЯ. Я вел там (помимо работы в фонетической лаборатории) практические занятия по введению в языкознание на французском факультете, а впоследствии, когда для французского факультета ввели обязательный курс латинского языка, также занятия по латинскому языку (до того, как латынь стала обязательна, я вел кружок для желающих). Лекции по введению в языкознание читал Г.К. Данилов, а практические занятия вели по французскому факультету я, а по немецкому и английскому – Н.С. Чемоданов. Но скоро студенты французского факультета (а тогда со студентами считались больше, чем впоследствии) стали настаивать, чтобы я читал им и лекции (я уже писал, что в начале преподавательской деятельности у меня с лекциями не всегда ладилось, но теперь пошло). Сравнивая Данилова и меня, студенты нашли, что в языкознании я понимаю больше, чем он. Бывало (я это узнал лишь впоследствии) они задавали один и тот же вопрос Данилову (после лекции) и мне (на практических занятиях), причем он путался и не мог вразумительно ответить, а я отвечал. Со II-го семестра мне было предложено читать и лекции. Данилов сделал вид, что это соответствует его желанию, что он и без того очень занят. А тут случилась еще история. Институт иностранных языков вообще был склонный, и там постоянно случались истории. Данилов только что был на вершине славы. Его избрали в депутаты Моссовета. Он с воодушевлением сообщил нам на собрании, в каких комиссиях Совета он предполагает работать. Он внес даже (на собрании) дополнение к наказу депутатам и очень гордился этим дополнением, состоявшим в том, чтобы было увеличено в Москве число общественных уборных, особенно вдоль маршрутов следования октябрьских и первомайских демонстраций. И вдруг с ним случилось несчастье: его обвинили в троцкизме, исключили из партии и сняли с работы. Все началось с того, что «бдительность» проявила одна студентка. А дело было в следующем.

П. С. Кузнецов

Еще в 20-х гг. он с С.Д. Никифоровым (впоследствии профессором Пединститута им. В.И. Ленина, а затем замдиректора Института языкоznания АН СССР), работая в разных учебных заведениях рабфаковского типа, издал рабочую книгу по русскому языку для подобных учреждений. В этой книге в одном месте оказалась цитата из Троцкого, сама по себе, кажется, ничего политически вредного не содержащая. Троцкий тогда еще не был разоблачен как враг народа. В начале 30-х гг. (если не ошибаюсь) книга была переиздана, а цитата, по недосмотру, осталась¹³⁸. Данилов, помимо введения в языкоznание, читал еще небольшой курс русского языка (обязательный для всех факультетов института) и в числе пособий рекомендовал эту «рабочую книгу». Одна студентка и обнаружила в ней соответствующую цитату, о чем заявила в деканат. Главное, что и цитата-то эта была в той части, которую писал не Данилов, а Никифоров. Последний в это время уже работал в Пединституте им. В.И. Ленина (не помню, уже профессором или еще доцентом), причем пострадал гораздо меньше: его только пожурили на собрании, но с работы не снимали. Может быть, играло роль то, что он тогда был еще беспартийным. Но впоследствии он вступил в партию, и эта цитата не была препятствием. Затем в Институте иностранных языков вообще началась полоса исключений из партии и снятий с работы различных преподавателей за рекомендацию литературы, содержащей неподходящие цитаты. А некоторые из преподавателей вообще были репрессированы: это было время вскоре после убийства С.М. Кирова. Некоторые из арестованных впоследствии были освобождены.

Данилов кончил плохо. Некоторое время он был безработным. Затем ему было предложено (для «исправления») поработать воспитателем в детской колонии ОГПУ. Если он хорошо проявит себя, то ему в дальнейшем дадут возможность работать по специальности. Колония эта была где-то недалеко от Москвы. Сначала дело у него пошло неплохо. Он сумел организовать ребят, ставил с ними спектакли (он ведь был и режиссер, и актер-любитель, и писал пьесы, правда, не особенно умные; еще в НИЯЗе, а затем в Институте иностранных языков мы с ним однажды разыграли сочиненный им африканский скетч, где я играл негра, а он белого колонизатора, на языке суахили, кото-

рый я, впрочем, знал лучше, чем он, так что значительную часть переводил я). Но затем произошло несчастье: утонули во время купанья два мальчика. Кто-то приписал ему умышленный недосмотр, его посадили, а затем он был расстрелян. Может быть, инкриминировано было и еще что-то¹³⁹.

В 1935 г. (весной) я был утвержден Наркомпросом в звании доцента.

Весной 1936 г. у меня родился второй сын – Володя... После рождения второго сына жена оставила работу, чтобы самой следить за ним. Он вырос (теперь ему уже 31-й год) и работает механиком на химическом факультете МГУ.

С осени 1936 г. я перешел на основную работу в МГПИ (в связи с тем, что получил там большую педагогическую нагрузку), а в Институте иностранных языков остался работать по совместительству и только на преподавательской работе. Заведование фонетической лабораторией взял на себя В.А. Артемов, который преобразовал ее в Лабораторию экспериментальной фонетики и психологии речи. Впрочем, некоторое участие в работе лаборатории я продолжал принимать. Артемов, слабый как ученый, но умеющий организовать и вместе с тем пустить пыль в глаза, привлек внимание к лаборатории, расширил ее штат, увеличил оборудование, изгнав устаревшее, по его мнению (хотя многие исследования могли быть осуществлены именно на старой пневматической аппаратуре, новая же электроакустическая была для них мало пригодна), организовал при лаборатории систематические коллоквиумы, на которые привлекал ученых из различных учреждений. Я сам там делал доклады и потом, когда вообще уже не работал в МГПИИЯ.

В МГПИ я читал самые различные курсы, в разном объеме и на разных отделениях, сначала только на вечернем, а потом и на дневном. Главным образом это были в различном объеме старославянский язык, диалектология, историческая грамматика русского языка, на некоторых потоках история русского литературного языка (этот последний курс главным образом читал Г.О. Винокур), на некоторых потоках и современный русский язык, иногда некоторые разделы (так, однажды, я читал один семестр лексикологию – остальные разделы на этом пото-

П. С. Кузнецов

ке читал Р.И. Аванесов). Введение в языкознание читали в основном А.А. Реформатский и А.М. Сухотин, но в какой-то год потребовалось одновременно читать этот курс на многих потоках, тогда читал и я. Вел также спецсеминары (главным образом по исторической грамматике).

Во время работы в МГПИ я два раза участвовал в летних диалектологических экспедициях (в них принимали участие и преподаватели, и студенты). Летом 1937 г. мы ездили на север, в Карелию, только, конечно, в русские районы на восток от Онежского озера. Начальником экспедиции был Р.И. Аванесов, а кроме него и меня участвовали из преподавателей проф. К.Т. Немчинов и С.И. Дмитриев, а также 7 студентов. Мы побывали в разных местах, но основным местом, где мы провели большую часть времени, для нас было Пильмасозеро (и на берегу его село того же названия), недалеко от Водлозера. Мы решили сделать монографическое описание одного говора, причем каждому из преподавателей был поручен один участок и даны в помощь студенты (по одному или по два). Р.И. взял на себя фонетику, я морфологию, Немчинов синтаксис, Дмитриев лексику. Впрочем, из всех нас четырех довел работу до конца (т.е. не только обработку материалов, но и написание соответствующей статьи) только я (см. мою статью «Очерк морфологической системы Пильмас-озерского говора», Материалы и исследования по русской диалектологии, т. II, М., 1949). Правда, опубликовать статью я смог лишь долгое время спустя.

В отношении себя о двух фактах этой экспедиции я вспоминаю с гордостью, хотя они и не имеют научного значения. Первый факт такой: однажды нам пришлось поехать куда-то на другой берег озера на лодке. Нам ее дали, но управляться с ней мы должны были сами. Я сел за рулевое весло (руля там не бывает). Жители стояли на берегу и смотрели, как управляются «москвичи». Я, благодаря моей северной практике, сразу же вывел лодку из узкой бухточки и развернул надлежащим образом. И я слышал, как одна баба другой сказала на берегу: «Этот умеет». И сердце мое наполнилось гордостью.

Другой факт: там было очень много комаров. В некоторые ночи мои товарищи ворочались с боку на бок и не могли уснуть. Я же на Пинеге и Кулоге привык к гораздо большему количеству комаров и

спокойно спал. Наутро Рубен возмущенно воскликнул: «Как ты можешь спать?!»

<...> В экспедиции завязался... роман, более серьезный, так как он окончился ЗАГСом между К.Т. Немчиновым, который был не женат, и студенткой Варей Царевой. К.Т. был человек веселый, остроумный, как ученый, по-моему, не очень глубокий. В Москве он был сравнительно недавно (он был с Украины и был учеником Л.А. Булаховского¹⁴⁰). Человек был физически сильный... Варя колебалась, выходить ли ей, советовалась даже со мной, – все же он был старше на 19 лет, но под конец решила выйти. Брак оказался несчастным: был 1937 г., шли масовые репрессии, К.Т. был арестован той же осенью (вскоре после возвращения экспедиции и женитьбы), и дальнейшая его судьба неизвестна. Можно думать, что обвинен он был в местном национализме: в то время было арестовано много представителей нацреспублик, из украинцев около того времени была арестована Олена Курило, профессор-лингвист, также незадолго до этого переехавшая с Украины и преподававшая в Московском областном институте¹⁴¹. Варя тоже была арестована, но потом выпущена (не помню, сколько времени она сидела), и последствий для нее арест Немчинова <более> не имел (возможно, потому, что она только что вышла замуж). Я видел ее после войны: она преподавала русский язык и литературу в одной из московских средних школ. Некоторые из ее учеников участвовали в школьной олимпиаде на филологическом факультете (когда я был в комиссии по олимпиаде) и получили премии.

Поскольку судьба Р.И. Аванесова и моя известны, скажу несколько слов о судьбе С.И. Дмитриева (если уж говорить обо всех руководителях). Он много пил (кажется, и смолоду)... С.И. Дмитриев кончил плохо, хотя и иначе, чем Немчинов. Не помню точно когда, но, во всяком случае, до войны он умер, не помню, как называлась болезнь, но что-то с сердцем, а связана она была с тем, что он много пил.

Вторая диалектологическая экспедиция, летом 1939 г., была в Рязанскую область. Возглавлял ее также Р.И. Аванесов, но она была больше по составу и осуществлялась иначе, чем первая. Мы доехали до ст. Сасово, а дальше разбились на отдельные группы, на-

П. С. Кузнецов

правившиеся в разные населенные пункты. Каждому руководителю из преподавателей дано было по несколько студентов. Я с четырьмя студентами (Д. Сургучев, Е. Немченко, Е. Ерейсон, Т. Зелигман) направился в с. Морозовы Борки Сапожковского района. Положение населения там в то время было неважное, год был неурожайный, засуха, да и вообще в наших среднерусских хлебородных губерниях условия жизни всегда были хуже, чем на Севере, и население не такое, как северное.

Говор в Морозовых Борках akaющий, с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, некоторые сведения об этом говоре и его типе есть у Н. Дурново в его «Диалектологических разысканиях». Я больше обратил внимание на те явления, которые при массовом диалектологическом обследовании обычно остаются в тени, именно на поведение гласных, во второй безударной позиции, т.е. в разных безударных слогах, кроме первого предударного. Там было много интересного и в общетеоретическом плане. Статья, написанная на основе наших наблюдений, опубликована мной уже после войны, в 1948 г., во 2-м выпуске Бюллетея диалектологического сектора Института русского языка АН СССР.

Из членов моей группы мне приходилось впоследствии встречаться и совместно работать (вплоть до последнего времени) с двумя – с Е.В. Немченко (впоследствии ученый секретарь Института русского языка АН СССР) и с Е.Г. Ерейсон, ныне по мужу Баш, работавшей раньше по древнерусским памятникам (ее кандидатская диссертация посвящена языку Пчелы XV в., я выступал по ней оппонентом), а в течение ряда лет занимающейся преподаванием русского языка иностранцам (на этой почве я работал с ней как редактор учебника, одним из авторов которого она являлась).

Из пребывания в Морозовых Борках приведу один эпизод, не имеющий собственно отношения к диалектологии. Именно в то время, когда мы были там, был день военно-морского флота. Директор местной школы, он же парторг колхоза, решил использовать нас как культурную силу и предложил нам сделать доклад для местного партактива о нашем флоте и его задачах, тем более, что незадолго до этого времени

Автобиография

и центральные газеты стали привлекать внимание общественности к флоту. Мы согласились. Докладчиками были Дима Сургучев (студент) и я. Он должен был рассказать об общественно-политической стороне, я – о технической. У Димы старший брат был морской врач, служил на Северном флоте, а он в экспедиции щеголял в братином костюме с якорями, так что у одного из нас и вид был соответствующий содержанию доклада. Доклады прошли успешно. Я ведь имел и некоторое представление о технической стороне – знаком был с немецкими и английскими книжками по флотам мира, знал силуэты судов, калибры орудий, постановку минного дела в первую мировую войну, был в курсе дела споров о том, нужен ли нам только подводный флот или крупные линкоры и линейные крейсеры и является ли целью морской войны овладение морем. Поэтому я и на вопросы отвечал достаточно вразумительно. Но один дотошный колхозник задал такой вопрос, что вот он слышал, будто в Севастополе поднимают со дна какие-то военные корабли, затопленные при Врангеле, так правда ли это, какие подняты и какие предполагают поднять. Я знал состав Черноморского флота до революции, но на такой вопрос я не знал, как ответить и смущился. Меня выручил Дима. С значительным видом он сказал, что, конечно, мы знаем, какие суда у нас подняты и какие предполагается поднять, но говорить об этом, по понятным причинам, не полагается.

Помимо работы в Институте иностранных языков и МГПИ, считаю нужным сказать еще о некоторых сферах, в каких мне пришлось работать в последние годы передвойной.

Во-первых, Р.О. Шор, занимавшаяся редактированием переводов на русский язык важнейших трудов западных лингвистов, – привлекла меня к комментированию и дополнениям к книге Ж. Вандриеса «Язык», посвященной общим проблемам языкоznания. Книга эта с моими комментариями вышла из печати в 1937 г.

Во-вторых, меня привлекли к работе по подготовке грамматического справочника по русскому языку для преподавателейнерусских школ. Справочник этот писала И.М. Вульфиус, но затем она некоторые разделы (помимо общего редактирования) передала мне. Справочник вышел в 1939 г. Впоследствии он неоднократно перерабатывался при

П. С. Кузнецов

моем участии. Начиная со 2-го, кажется, издания, справочник стал выходить под фамилией Пулькиной, так как И.М. вышла замуж за И. Пулькина, о котором я уже писал (тот, что был библиотекарем в НИЯЗе) и с которым неофициально она жила уже раньше. Сам Пулькин пропал без вести в ополчении в Великую Отечественную войну. Этот справочник положил основу для ряда справочников и руководств, подготовляемых нами для обучения русскому языку представителей самых различных национальностей. И именно потому, что я стал в какой-то мере в курсе дела соответствующих вопросов (а они интересны и в теоретическом отношении, так как требуют решения некоторых типологических проблем), я в дальнейшем редактировал и другие некоторые подобные руководства¹⁴².

В-третьих, моя старая приятельница Т. Вентцель, работавшая в Словарном издательстве, привлекла меня к проверке этимологии для «Словаря иностранных слов». Мною была проделана огромная работа, но в печать попали лишь результаты ее, т.е. пометы, из какого языка и через какие попало слово в русский язык, иногда (и то не всегда) с указанием форм на соответствующих языках (в одном из изданий этого словаря помечено в предисловии, что «этимология проверена П.С. Кузнецовым»¹⁴³). Между тем были огромные картотеки, и многие карточки содержали подробные обоснования путей и хронологии с указанием источников. Я пытался потом выяснить, где эти картотеки, так как надеялся использовать их для других работ, раз они не нужны словарному издательству, но они исчезли бесследно.

Как я уже писал, кафедра русского языка МГПИ, возглавляемая Р.И. Аванесовым, содержала в своем составе ядро Московской фонологической школы. Это обстоятельство, а также моя работа в Институте иностранных языков, где я в первую очередь был связан с французским факультетом, привели к тому, что первая моя теоретическая фонологическая работа была посвящена изложению фонемной системы современного французского языка, с критическим анализом предшествующих решений проблем и с большим общетеоретическим введением, так как общие положения Московской школы в это время еще нигде печатно изложены не были. Эта работа была опубликована в

Автобиография

1941 г., в самом начале войны, в «Ученых записках Московского городского педагогического института» (т. V, вып. 1)¹⁴⁴.

Я уже писал, что в звании доцента я был утвержден в 1935 г. по ходатайству Института иностранных языков. Но ученой степени у меня не было: после революции они были отменены, а новые только что введены, и когда представляли меня к доцентуре, к степени не представляли. Между тем, когда степени были вновь введены, до определенного срока можно было представлять без защиты диссертации (по совокупности работ) не только к докторской, но и кандидатской степени. МГПИ, где я теперь был на основной работе, возбудил ходатайство о присвоении мне степени кандидата (без защиты). Дело тянулось очень долго (скорее прошло у тех, кого представили одновременно к званию доцента и степени кандидата, а я доцентское звание уже имел), но, наконец, в июне 1938 г. ученая степень кандидата филологических наук была мне присвоена.

В 1939 г. я совсем ушел из Института иностранных языков, и в том же году с осени мой старый учитель Д.Н. Ушаков пригласил меня на возглавляемую им кафедру славяно-русского языкознания в МИФЛИ, где я и работал до лета 1941 г. по совместительству (при основной работе в МГПИ). Одним из мотивов, чтобы я согласился (именно его выдвинул и сам Д.Н.), было, что со временем ИФЛИ вольется в университет. Кажется, в 1930 г. была проведена реформа университетов (всех, не только Московского), в результате которой в них оставались лишь естественные и точные науки, а по гуманитарным наукам должны готовить лишь пединституты. Но довольно скоро это было сочтено нецелесообразным и стали создавать особые институты с гуманитарными факультетами и с пятилетним сроком обучения (в пединститутах учились 4 года), на первых порах только в Москве и Ленинграде. В составе ИФЛИ были факультеты исторический, философский и филологический. Но уже перед войной в некоторых университетах вновь стали открывать гуманитарные факультеты, и начали поговаривать, что такие институты, как ИФЛИ, вольются в дальнейшем в университеты. В ИФЛИ я читал историческую грамматику русского языка, а в 1940-41 учебном году на одном потоке также историю русского литературного языка.

П. С. Кузнецов

Несколько слов скажу о событиях моей жизни предвоенного времени, не связанных с педагогической, научной и литературной работой.

Летом 1938 г. я последний раз был на военном сборе... Мы должны были образовать (в случае войны) тыловую часть специального назначения... Взвод, в который я входил, именовался взводом связи команды управления, а попал я в него по той причине, что занимался теорией связи еще тогда, когда мы с Артемовым флиртовали с Московской центральной телефонной станцией... Зимой 1938-1939 г. меня несколько раз призывали на один день для штабной канцелярской работы (когда не хватало штатных), а потом перестали вызывать. В финскую кампанию совсем не трогали, а после вызвали на переучет, признали ограниченно годным и выдали книжку адмхозначсостава, без присвоения военного звания. Врач, свидетельствовавший меня, сказала: «В строю Вы быть не можете, а сидеть на стуле и командовать можете». Впрочем, во время Отечественной войны я признан был совсем негодным вследствие сильного расширения вен на ногах.

В конце 1938 г. у меня родилась дочь Татьяна. Она умерла в начале 1943 г. в Кудымкаре (во время эвакуации) от туберкулезного менингита.

Когда началась война и бомбежки, мы решили уехать из Москвы – жена в это время не работала, – и у меня было двое маленьких детей, сыну было 5 лет, а дочери шел 3-й год. Наркомпросом я был назначен в Кудымкар (Молотовской, ныне Пермской обл.) в учительский институт на должность заведующего кафедрой языка и литературы. Кудымкар – небольшой город в предгорьях Урала, центр Коми-Пермяцкого национального округа, до революции там помещалась контора графов Строгановых (тех самых, что, еще не будучи графами, наняли Ермака завоевывать Сибирь), ведавшая лесными угодьями. Это было при нас самое большое каменное здание в городе, трехэтажное. При нас там помещалось местное ГПУ...

В учительском институте было всего два факультета – физико-математический и языка и литературы. Институт был организован совсем недавно, там оказалось всего два человека с учеными степенями (кандидатскими)... В моем ведении оказались русский язык, коми язык (там было и национальное отделение...) и литература. Впоследствии к это-

Автобиография

му добавился немецкий язык... Лингвистические дисциплины преподавались в учительском институте (там был двухгодичный срок обучения) почти в том же объеме, как в пединститутах, а литература – в значительно меньшем.

Сам я преподавал введение в языкознание, старославянский язык, историю русского языка, современный русский язык. Кроме того принимал участие в руководстве школьной практикой, притом и по языку, и по литературе (мне значительно помогло то, что, работая в МГПИ, я бывал в школах на уроках своих учеников и принимал участие в их разборе)... Перед началом учебного года был призван в армию местный преподаватель литературы... Тогда, я стал читать вместо него курс фольклора... На второй учебный год, что я был в Кудымкаре (т.е. 1942-1943), я читал еще факультативный курс «Избранные главы из истории мировой литературы». Зарубежная литература в учительских институтах в обязательном порядке не преподавалась, но факультативно читать было можно. По инициативе тогдашнего директора этот курс как культурное мероприятие был назначен на вечерние часы, чтобы могли слушать желающие из городской интеллигенции, и действительно слушали.

Кроме занятий в институте, меня пригласили еще преподавать латынь в медицинской школе, в связи с чем я познакомился и с рецептурой и с фармакологией.

Я не преподавал, конечно, коми язык, но теоретически я с коми-зырянским языком, а отчасти и с очень близким к нему коми-пермяцким уже был знаком раньше. Здесь же я занимался с А.М. Споровой¹⁴⁵... и вел наблюдения. Результатом моих занятий явился совместный (в соавторстве с А.М. Споровой) русско-коми-пермяцкий словарь (издан в Кудымкаре уже после моего отъезда). Результаты же моих наблюдений и бесед легли в основу двух статей, опубликованных позднее: одна из них посвящена судьбе твердого л в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка (напечатано в сб. «Памяти Л.В. Щербы», изд. ЛГУ, 1951), другая – «Коми-пермяцкие этюды» (там три «этюда» – об отношении звонких и глухих согласных, об отношении твердых и мягких согласных и о морфологизации чередований), напечатаны в «Трудах Института

П. С. Кузнецов

языкознания АН СССР», т. IV (1954 г.). По теоретическим вопросам (и, в частности, по основным положениям указанных статей) я переписывался с Д.В. Бубрихом¹⁴⁶, бывшим в эвакуации в Сыктывкаре. Возникшие у меня идеи области коми-пермяцкого языка я решился предать гласности лишь после его одобрения (до публикации я их докладывал в Москве после возвращения из эвакуации) <...>

Занятия у меня шли хорошо. Читая введение в языкознание, я использовал в качестве аппарата, конечно, и коми материалы, которые, как я уже писал, были мне знакомы. Хочу сказать несколько слов о моих литературоведческих курсах. Читая курс фольклора, я, конечно, широко использовал Веселовского¹⁴⁷, которого тогда еще не громили (не знаю, как бы я читал, если бы пришлось читать несколько позднее, когда Веселовский был чуть не запрещен), но не ограничивался им (тем более не ограничивался учебником Ю. Соколова), но привлекал и другие материалы, поэтому читал достаточно глубоко, тем более, что многие проблемы фольклора меня действительно издавна интересовали. После того, как приехала Винокурова, я передал курс ей, но через некоторое время поинтересовался у студентов, как она читает, довольны ли ей (я ведь был все же завкафедрой)... Меня (лично) порадовали два, казалось бы, противоположные ответа. Ее не ругали, в целом были довольны, но, сравнивая со мной, один студент, очень хороший и умный..., сказал мне: «Вы читали глубже». Другая же студентка, напротив, весьма посредственная, сказала мне: «Вы читали проще». «Простота», вероятно, является следствием того, что я сам, что бы ни излагал, стремился до конца понять, чего литературоведы, как мне кажется, часто не делают.

Мой курс «Избранные главы из истории мировой литературы», как я уже писал, слушали не только студенты. Я остановился на нескольких великих авторах и произведениях различных эпох, но читал не только о них, а и об окружении и о том, что предшествовало, вследствие чего каждой теме было посвящено по нескольку лекций. При этом я останавливался не только на собственно литературоведческих вопросах, но и на стиле, языке, стихотворном размере, вследствие чего читал таких, каких мог процитировать и в подлиннике. Всего намеченного

Автобиография

плана я не выполнил, но прочел Гомера, Данте, Шекспира, Шиллера, Гёте, Байрона и Гейне. Не помню, была ли специальная тема, но, во всяком случае, я читал и о классической французской трагедии и комедии (о Мольере). Не читал Сервантеса, так как я его знаю плохо и совсем не читал в подлиннике...

В декабре 1943 г. я, наконец, возвратился в Москву. Меня вернули в порядок реэвакуации как бывшего доцента ИФЛИ... ИФЛИ же в это время слился с университетом, причем филологический факультет, на котором я работал, влился в университет в полном составе (в Московском университете в это время уже были исторический и философский факультеты, с которыми слились соответствующие факультеты ИФЛИ, а филологического не было). Большое содействие в моем возвращении окказал мне покойный Г.О. Винокур, который в то время заведовал кафедрой русского языка в университете, а также покойный Н.К. Гудзий¹⁴⁸, который в то время был деканом факультета.

В Московском университете я работаю с тех пор (т.е. с декабря 1943 г.) и до настоящего времени¹⁴⁹. В течение ряда лет читал курс исторической грамматики русского языка: а кроме того вел различные специальные курсы и специальные семинарии (по общей фонологии и по исторической фонологии русского языка, по исторической морфологии русского языка, по истории русского глагола и по глаголу в современном русском языке, по анализу древнерусских рукописных памятников, по истории заимствованных слов в русском языке, по исторической акцентологии русского языка). Один год читал теоретический курс сербского языка. Руководил дипломниками и аспирантами.

С декабря же 1943 г. я стал работать вновь и в Московском городском педагогическом институте (им. Потемкина). Читал там различные лингвистические курсы на факультете русского языка и литературы, читал также аспирантам историю лингвистических учений и сравнительную грамматику indoевропейских языков, а также индивидуально руководил аспирантами.

С весны 1945 г. я стал работать в Институте русского языка АН СССР (в секторе диалектологии и истории русского языка) в качестве старшего научного сотрудника, в связи с чем отказался от части на-

П. С. Кузнецов

грузки по городскому пединституту, а впоследствии и вообще сохранил там лишь руководство одним аспирантом на почасовой оплате. В Институте русского языка я занимался рукописными памятниками (в первую очередь Пандектами Никона Черногорца¹⁵⁰ по разным спискам), а также принимал участие в работе по атласу русских народных говоров (преимущественно по тому, включающему северо-западные работы). Именно с работой в институте связана моя последняя диалектологическая экспедиция летом 1946 г. – в Ставровский и Кольчугинский районы Владимирской области. Ездил я с университетскими аспирантами С. Тошьяном и Л. Деликатной (ныне по мужу Полякова). Результаты поездки, помимо того, что были использованы в атласе говоров центральных районов к востоку от Москвы¹⁵¹, нашли отражение (в отношении безударного вокализма говоров с неполным оканьем) в двух моих статьях, опубликованных в 3-м и 4-м выпусках Бюллетеня Диалектологического сектора Института русского языка АН СССР (1948). В институте я также руководил аспирантами.

В сентябре 1947 г. я защитил в ученом совете филологического факультета МГУ докторскую диссертацию на тему «Из истории сказуемостного употребления страдательных причастий в русском языке». Оппонентами были М.Н. Петерсон, Р.И. Аванесов, Т.П. Ломтев. В 1948 г. (в связи с тем, что в марте этого года я был утвержден в докторской степени ВАКом) мне было присвоено звание профессора (до этого я был доцентом). Должен сказать, что поздняя защита докторской диссертации объясняется тем, что это по существу третья диссертация, над которой я работал. До этого я работал над темами «Индоевропейское склонение» и «Язык Ломоносова». Но обе эти темы я затем забросил, хотя от каждой сохранились материалы, на основе которых был написан ряд опубликованных впоследствии статей. Я хотел уже забросить и ту тему, над которой работал последние годы перед защитой и начать разработку новой, но друзья меня убедили ограничить как-то эту тему и защищать. Наткнулся же я на нее случайно, года за два – за три перед войной: читая некоторые прозаические произведения начала XIX века, я обратил внимание на то, что краткие страдательные причастия, выступающие в составе сказуемого, используются не всегда так, как в современном языке. Я стал ис-

Автобиография

следовать литературы и того же времени, и предшествующего, и обнаружил много интересного, затем стал стремиться объяснить те наблюдения, которые я сделал. Так и получилась диссертация. Работал я над ней с перерывами, лет восемь-девять. В то время, когда я защищал, не требовалось публикаций статей до защиты. Но основные положения моей диссертации нашли отражение в различных работах, опубликованных после защиты, (наиболее интересные в большой статье, опубликованной во II-м томе «Трудов института русского языка» в 1949 г., краткий же автореферат в «Докладах и сообщениях филологического факультета МГУ», вып. 6, 1948).

1948-1949 гг. были тяжелые годы последнего наступления маркистов против индоевропеизма, а также фонологических дискуссий, вправленных в первую очередь против Московской фонологической школы. Дискуссии происходили и в Ленинграде, и в Москве¹⁵². Первоначальным поводом к дискуссии, имевшей целью показать, что советское языкознание должно возглавляться учением Марра, явился мой обзор, опубликованный в «Известиях» ОЛЯ АН СССР и посвященный лингвистическим работам в изданиях различных вузов СССР. Там я подверг резкой критике некоторые статьи, направленные против сравнительно-исторических исследований и теории пражского языка¹⁵³. Мое имя как одного из нераскавшихся представителей теории пражского языка неоднократно фигурировало в нашей периодической печати¹⁵⁴.

В ходе фонологической дискуссии родилась новая теория Т.П. Ломтева, а затем опирающаяся на нее новая теория Р.И. Аванесова, который испугался критики, а затем стремился подвести теоретическую базу. Я не принял ни той, ни другой теории. После дискуссий меня вызвали в Министерство высшего образования (не помню к кому) и предложили отказаться от моих идеалистических взглядов в фонологии. Я ответил, что считаю идеалистическими положения, выдвинутые Ломтевым (теория Аванесова тогда еще окончательно не сформировалась¹⁵⁵). После этого на очередном занятии спецкурса по фонологии я сообщил, что положения, отстаиваемые мною, Министерством сочтены идеалистическими, а так как я другим положениям следовать не могу, то я чтение этого спецкурса прекращаю.

П. С. Кузнецов

Осенью 1949 г. меня вызвали в ректорат университета и сообщили мне, что меня оставляют на работе (одно время было предположение изгнать из университета всех противников «нового учения о языке», этого ждали в связи с теми крутыми мерами, которые были приняты в биологии после сессии ВАСХНИЛ, но в лингвистике решили так круто не поступать), но ожидают от меня признания ошибок и новых работ, свидетельствующих о том, что я действительно перешел на новые рельсы. Н.С. Чемоданов, бывший в то время деканом, собираясь даже выпускать очередной выпуск «Докладов и сообщений» факультета, специально покаянного характера (ему самому незачем было каяться, он в то время был марристом¹⁵⁶, речь же шла о различных лингвистах факультета). Впрочем, я новых статей требуемого направления так и не написал.

В мае 1950 г. (я узнал об этом лишь через несколько лет) был подписан приказ о моем отчислении из Института русского языка как противника марровского учения, но 9 мая началась лингвистическая дискуссия, приказ был задержан до конца дискуссии, а она кончилась выступлением И.В. Сталина, так что этот приказ (обо мне) так и остался в архиве института. Осенью же 1950 г. я был приглашен в состав Института языкоznания, образовавшегося на основе Института русского языка и Института языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР.

После дискуссии многие ярые сторонники марровского учения стали его ярыми хулителями и пропагандистами сталинского учения. Я, впрочем, не стал и правоверным адептом сталинского учения, хотя и до сих пор считаю, что в нем было много правильного, многое было полезно для нашего языкоznания.

В Институте языкоznания¹⁵⁷ я занимался вопросами исторической морфологии русского языка, а также морфологией праславянского языка. Специально работал я также над некоторыми проблемами, пограничными для фонологии и морфологии (именно морфонологизацией чередований). Эта работа нашла выражение в двух моих монографиях, опубликованных в 1959 и 1961 гг.¹⁵⁸, а также в моей книге, посвященной старинным русским грамматикам («У истоков русской грамматической мысли», изд. АН СССР, М., 1958). Кроме того, мои идеи отра-

Автобиография

зились в различных статьях, опубликованных в 1952-1958 гг. в Известиях ОЛЯ АН СССР, в «Вопросах славянского языкознания», в сб. «Славянская филология». Занимался также собственно фонологическими вопросами. В 1958 г. принимал участие (выступал с докладом) в IV Международном съезде славистов в Москве.

С 1954 г. я уделял большое внимание вопросам прикладного языкознания и применения к языкознанию строгих методов, в частности, математических. С образованием в университете (на филологическом факультете) отделения структурной и прикладной лингвистики и соответствующей кафедры, а также лаборатории, моя работа связана преимущественно с этим отделением и с этой кафедрой.

Последние годы я занимался более строгим обоснованием положений Московской фонологической школы, фонологией акцентных отношений, определением основных лингвистических понятий и последовательности их введения, не приводящей к противоречию. В 1965 г. была опубликована (в сборнике «Африканская филология», изд. Моск. унив.) моя статья, посвященная количеству именных классов в суахили. Принимаю участие в работах африканской группы Института языкознания АН СССР, неоднократно читал (и читаю в этом году) спецкурс структуры суахили на отделении структурного и прикладного языкознания.

Вместе с тем занимаюсь и вопросами сравнительно-исторического индоевропейского языкознания. Принимал участие в межвузовской конференции по этому вопросу в конце 1964 г. – делал доклад, посвященный диахроническому соотношению форм словообразования и сплошного изменения (на материале индоевропейских языков). Содержание доклада опубликовано в «Вестнике Московского университета», серия X, 1966, №1.

В 1964 г. принимал участие в VII Международном антропологическом конгрессе (выступал на симпозиуме, посвященном проблеме границы человека и животного).

В области личной жизни из событий послевоенного времени должен отметить рождение последней дочери, которую в память умершей мы назвали также Татьяной. Она родилась 21 января 1946 г., ровно через

П. С. Кузнецов

три года, в тот же месяц и то же число, как умерла та Таня. В настоящее время она – студентка 3-го курса исторического факультета МГУ, специализируется по археологии¹⁵⁹.

Из правительственные наград имею орден «Знак почета», медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и медаль 800-летия Москвы.

/П. С. Кузнецов/

январь 1967 г.

Комментарии

¹ В составе Области войска донского находился Хоперский (не Усть-Хоперский) округ с центром в Урюпинске. Ныне его территория входит в Волгоградскую область.

² Андрей Николаевич Колмогоров (родился 25 (12) апреля 1903 г.).

³ Повесть Сергея Рудольфовича Минцлова (1870-1933) «Царь царей», СПб, 1906; 3 издание, СПб, 1912.

^{3а} Локс Константин Георгиевич (1889-1956) – литературовед, друг Б.Л. Пастернака и В.В. Виноградова.

⁴ Черепнин Лев Владимирович (1905-1977) – специалист по русской средневековой истории, академик с 1972 г.

⁵ Лепешинская (Крюкова) Ольга Пантелеимоновна – одноклассница П.С. Кузнецова, впоследствии ассистентка своей матери О.В. Лепешинской в ее антинаучных «филологических опытах».

⁶ Румер Юрий Борисович (1903-1981) – физик-теоретик, арестовывался в 1938 г. вместе с Л.Д. Ландау.

⁷ Бродский Николай Леонтьевич (1881-1951) – литературовед, профессор, академик Академии педагогических наук, автор биографий А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова.

Автобиография

⁸Рукашинников Иван Сергеевич (1877-1930) – поэт и прозаик, автор романа «Проклятый род» (1912), сказы «Степан Разин» (1925) и др., в 20-е гг. профессор Московского высшего литературно-художественного института им. В.Я. Брюсова.

⁹Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863-1942) – историк-медиевист, специалист по истории Англии, академик с 1929 г. Любавский Матвей Кузьмич (1860-1936) – специалист по средневековой истории России и Литвы, академик с 1929 г., в том же году арестован, умер в ссылке в Уфе. Покровский Михаил Михайлович (1868-1942) – филолог-классик, литературовед-античник и лингвист, занимавшийся вопросами семантики, академик с 1929 г. Богословский Михаил Михайлович (1867-1929) – специалист по русской истории XVII-XVIII вв., автор биографии Петра I, академик с 1921 г.

¹⁰Граков Борис Николаевич (1898-1970) – первоначально филолог-классик, с 30-х гг. археолог, профессор МГУ, автор книг «Скифы» (М., 1971), «Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы)» (М., 1977).

¹¹Виллер Роберт Юльевич (1859-1954) – историк, специалист по античной истории и истории раннего христианства, автор известной книги о Иване Грозном. В 1924 г. эмигрировал, в 1940 в СССР, академик с 1943 г. Упоминаемая книга вышла в Москве в 1946 г.

¹²Сакулин Павел Никитич (1868-1930) – специалист по русской литературе, в 20-е гг. разрабатывал социологический метод в литературоведении, академик с 1929 г.

¹³Челпанов Георгий Иванович (1862-1936) – психолог и логик, основатель и директор (1912-1923) Московского психологического института, центра экспериментальной психиатрии. Шлем Густав Густавович (1879-1937) – философ и лингвист, профессор Московского университета, затем вице-президент Российской академии художественных наук (1923-1929). Арестован в 1935 г. расстрелян.

¹⁴Речь, очевидно, идет о конце 1918/1919 учебного года.

¹⁵Текстильная фабрика Бутикова в Хилковом переулке в районе Остоженки.

¹⁶ Из стихотворения Н.С. Гумилева «Жираф» (1908):

Послушай: далеко, далеко на озере Чад
Изысканный бродит жираф...

¹⁷ Лузин Николай Николаевич (1883-1950) – математик, специалист по теории функций, академик с 1929 г. Создатель большой научной школы, в которую входил и А.Н. Колмогоров.

¹⁸ Ныне ст. Волховстрой и г. Волхов в 122 км. к востоку от Санкт-Петербурга.

¹⁹ Московский отдел народного образования.

²⁰ Московский высший литературно-художественный институт, организован В.Я. Брюсовым, затем получил его имя. Существовал в 1921-1925 гг.

²¹ Рачинский Григорий Алексеевич (1859-1939) – литературовед, философ, переводчик. До революции – председатель Московского религиозно-философского общества, Общества свободной эстетики.

²² Соколов Юрий Матвеевич (1889-1941) – фольклорист, собиратель фольклора Белозерского края, автор исследований о современном бытovanии фольклора, академик АН УССР с 1939 г.

²³ Бедье Жозеф Шарль Мари (1864-1938) – французский филолог, автор известной обработки «Романа о Тристане и Изольде». Упоминаемый его четырехтомный труд был издан в 1908-1913 гг.

²⁴ Роланд – герой французского эпоса XII в. «Песнь о Роланде», Вильгельм Оранский (1533-1584) – лидер Нидерландской революции XVI в., Эмери – французский трубадур XII в., Ланселот – герой древнеанглийских легенд о рыцарях короля Артура (12 рыцарей круглого стола), известных также во французской обработке XII-XIV вв.

²⁵ Петровский Михаил Александрович (1887-1937) – литературовед и переводчик, занимался проблемами композиции литературного произведения. Арестован в 1935 г. вместе с Г.Г. Шпетом, погиб. Его учеником был друг П.С. Кузнецова А.А. Реформатский.

²⁶ Петровский Федор Александрович (1887-1937) – филолог-классик, переводчик Лукреция, Витрувия и др. Друг Н.С. Трубецкого.

Автобиография

²⁷ *Вахтерова* (Петровская) Мария Васильевна (1900-1990) – одноклассница П.С. Кузнецова, переводчица западноевропейской художественной литературы.

²⁸ *Блажко* Сергей Николаевич (1870-1956) – астроном, исследователь переменных звезд, директор Московской обсерватории (1918-1931), член-корреспондент АН СССР с 1929 г.

²⁹ *Кнауэр* Ф.И. (1849-1917) – профессор Киевского университета, автор книги «Учебник санскритского языка. Грамматика. Хрестоматия. Словарь» (Лейпциг, 1908).

³⁰ *Якобсон* Анатолий Леопольдович (1900-1984) – археолог, вел раскопки Херсонеса византийского периода.

³¹ *Ушаков* Дмитрий Николаевич (1873-1942) – языковед-рурист, ученик Ф.Ф. Фортунатова, член-корреспондент АН СССР с 1939 г. Руководитель авторского коллектива известного «Толкового словаря русского языка» (Т. 1-4, М., 1934-1940). Создатель московской школы языковедов, одним из виднейших представителей которой был П.С. Кузнецов.

³² *Грифцов* Борис Александрович (1885-1950) – литературовед, искусствовед и переводчик, специалист по французской и итальянской литературе.

³³ *Радциг* Сергей Иванович (1882-1968) – филолог-классик, профессор МГУ, автор учебника античной литературы.

³⁴ *Рыбникова* Мария Александровна (1885-1942) – фольклорист, специалист по методике преподавания русского языка и литературы, автор книги «Введение в поэтику» (М., 1929). *Розанов* Иван Никанорович (1874-1959) – литературовед, специалист по русской поэзии, профессор МГУ.

³⁵ *Кравцов* Николай Иванович (1906-1980) – литературовед-славист и фольклорист. В 1934 арестован по «делу славистов», до 1939 г. в заключении, с 1959 г. профессор и зав. кафедрой фольклора МГУ.

³⁶ Государственная академия художественных наук, закрыта в 1929 г.

П. С. Кузнецов

³⁷ *Перель Юрий Григорьевич*. Выдающиеся русские астрономы, М.-Л., 1951.

³⁸ *Соколов Анатолий Алексеевич* – об этом человеке сведений нет. В числе специалистов по Древнему Востоку это имя не упоминается.

³⁹ *Тураев Борис Александрович* (1868-1920) – основатель русской египтологии и эфиопистики, академик.

⁴⁰ *Селищев Афанасий Матвеевич* (1886-1942) – языковед-славист, член-корреспондент АН СССР с 1929 г. В 1931-1933 гг. работал с П.С. Кузнецовым в НИИ Языкоznания. В 1934-1937 гг. – в тюрьме и лагере по «делу славистов», затем вернулся к работе.

⁴¹ *Лыткин Василий Ильич* (1895-1981) – лингвист, финно-угровед, просветитель народа коми, писатель, член Финской академии с 1969 г. Репрессирован в 30-е гг., после войны вернулся к работе.

⁴² *Щепкин Вячеслав Николаевич* (1863-1920) – филолог-славист, палеограф, работал в Историческом музее в Москве, член-корреспондент Академии наук.

⁴³ *Сергиевский Максим Владимирович* (1892-1946) – лингвист, специалист по романским и цыганскому языку, профессор МГУ.

⁴⁴ *Каринский Николай Михайлович* (1873-1935) – филолог и языковед-русист, член-корреспондент АН СССР с 1921 г. Подробную характеристику этого ученого см. ниже в тексте.

⁴⁵ *Шор Розалия Осиповна* (1894-1939) – лингвист, профессор МГУ и МИФЛИ. Под ее редакцией вышли первые русские переводы книг Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики», Э. Сепира «Язык», Ж. Вандриеса «Язык».

⁴⁶ «Наль и Дамаянти» – эпизод древнеиндийского эпоса «Махабхарата».

⁴⁷ «Панчтантра» – сборник индийских басен и нравоучительных новелл III-IV вв. н.э.

⁴⁸ *Петров Петр Яковлевич* (1814-1875) – востоковед, основатель преподавания санскрита в Московском университете.

Автобиография

⁴⁹ Отделение русского языка и словесности Академии наук, существовало с 1841 по 1929 г.

⁵⁰ Голанов Иван Григорьевич (1890-1967) – языковед-рурист,ialectолог, автор книги «Русская диалектология (с введением в этнографию)» (1929). Арестовывался по «делу славистов».

⁵¹ Московское лингвистическое общество существовало в 1918-1923 гг., объединяло ведущих московских языковедов, работавших в разных учреждениях; председателем общества был В.К. Поржезинский.

⁵² Дурново Николай Николаевич (1876-1937) – языковед-славист и рурист, член-корреспондент АН СССР с 1924 г., автор книг «Краткий очерк русской диалектологии» (1914), «Грамматический словарь» (1924, первый русский словарь лингвистических терминов), «Введение в историю русского языка» (1927) и др. В 1924 уехал в Чехословакию, в 1927 вернулся в СССР. В 1933 г. арестован по «делу славистов», приговорен к 10 годам заключения, отправлен на Соловки, затем расстрелян.

⁵³ Соболевский Александр Иванович (1856-1929) – филолог-славист, специалист по истории русского языка, диалектологии, палеографии, академик с 1900 г.

⁵⁴ Сперанский Михаил Несторович (1863-1938) – филолог-рурист, автор работ по древнерусской литературе, академик с 1921 г. В 1934 г. арестован по «делу славистов», затем отдан на поруки брату, педиатру Г.Н. Сперанскому, и исключен из Академии.

⁵⁵ «Сказание о мутьянском воеводе Дракуле», русский памятник XV в., основанный на легендах о валашском князе Дракуле (XV в.). К легендам об этом историческом лице восходит и упоминаемый дальше роман нового времени английского писателя Б. Стокера.

⁵⁶ Щепкина Марфа Вячеславовна (1894-1984) – филолог-рурист, палеограф, дочь В.Н. Щепкина.

⁵⁷ Ржига Вячеслав Федорович (1883-1960) – специалист по древнерусской литературе и истории, автор книг «Очерки из истории быта домонгольской Руси» (1929), «Слово Софрония Рязанца о Куликовской битве» (1947) и др. В 1934 г. арестовывался по «делу славистов», до 1939 г. был в ссылке.

П. С. Кузнецов

⁵⁸ *Седельников* Александр Дионисиевич (1888-1934) был арестован в 1934 г. по «делу славистов» и умер в Бутырской тюрьме.

⁵⁹ *Орлов* Александр Сергеевич (1871-1947) – специалист по древнерусской литературе, академик с 1931 г.; более подробную его характеристику см. ниже в тексте.

⁶⁰ Неточность П.С. Кузнецова: Н.М. Каринский стал членом-корреспондентом Академии наук в 1921 г.

⁶¹ РАНИОН – Российская ассоциация научных институтов общественных наук, объединяла московские научно-исследовательские институты гуманитарного профиля, в том числе Институт языка и литературы, лингвистической частью которого в 1927-1929 гг. заведовал Е.Д. Поливанов, а в 1929-1930 гг. Н.М. Каринский. В 1930 г. РАНИОН была ликвидирована и составлявшие ее институты расформированы.

⁶² *Смирницкий* Александр Иванович (1903-1954) – лингвист-германист и теоретик языкознания, профессор МГУ.

⁶³ *Переверзев* Валерьян Федорович (1882-1968) – литературовед, участник революционного движения, в 20-е гг. ведущий теоретик марксистского литературоведения, в 1930 г. его взгляды были осуждены как «вульгарно-социологические», в 1938 г. он был репрессирован, в 50-е гг. вернулся к научной работе.

⁶⁴ *Веденисов* Николай Борисович – впоследствии преподавал в МГПИ им. В.И. Ленина, погиб на войне.

⁶⁵ *Волгин* Вячеслав Петрович (1879-1962) – историк и организатор науки, ректор МГУ (затем I МГУ) в 1921-1925, академик с 1930, вице-президент АН СССР в 1942-1953 гг.

⁶⁶ Речь идет о Научно-исследовательском институте народов Советского Востока (далее в тексте фигурирует сокращенное название Иннарвос), директором которого был Н.Я. Марр, а его заместителем – Н.Ф. Яковлев. Впоследствии преобразован в Институт национальностей СССР, затем слит с Институтом языка и мышления АН СССР.

⁶⁷ *Леви Сильвен* (1863-1935) – французский лингвист, индоевропейист и индолог.

Автобиография

⁶⁸ *Бахрушин Сергей Владимирович* (1882-1950) – историк, специалист по русской истории XVI-XVII вв., в 1930 г. арестован по «делу академиков», после ссылки вернулся к работе, член-корреспондент АН СССР с 1939 г.

⁶⁹ *Виноградов Иван Архипович* (1902-1936) – литературовед и критик, автор книги «Вопросы марксистской поэтики» (1936) и других работ.

⁷⁰ Речь идет об учебнике «Теория литературы», изданном в 1935 г.

⁷¹ *Дынник Михаил Александрович* (1898-1971) – специалист по истории древнегреческой философии.

⁷² *Дынник-Соколова Валентина Александровна* (1898-1979) – специалист по французской литературе, автор книги «А. Франс. Творчество» (1934) и других работ, переводчик. О ее муже см. примечание 22.

⁷³ *Фриче Владимир Максимович* (1870-1929) – литературовед и искусствовед-марксист, академик с 1929 г., в 20-е гг. возглавлял Институт языка и литературы РАНИОН, литературные отделы Коммунистической академии и Института красной профессуры, активно поддерживал Н.Я. Марра.

⁷⁴ *Аптекарь Валериан Борисович* (1899-1937) – врач по образованию, в 20-е гг. заведовал редакционным отделом РАНИОН. Один из наиболее активных марристов. В 1937 г. арестован и расстрелян.

⁷⁵ Речь идет о концепции Н.Я. Марра, согласно которой все слова всех языков мира восходят к комбинациям четырех первичных элементов САЛ, БЕР, ЙОН, РОШ, соответствующих «диффузным выкрикам» первобытных людей. Концепция входила в состав учения Н.Я. Марра, объявленного «марксистским языкознанием», но отвергнута вскоре после смерти Марра.

⁷⁶ *Жирков Лев Иванович* (1885-1963) – лингвист, близкий по взглядам к Н.Ф. Яковлеву, автор книги «Персидский язык» (1927), грамматик дагестанских языков, «Лингвистического словаря» (1946), активный участник языкового строительства.

⁷⁷ Имеется в виду книга Марра «Третий этнический элемент в истории Средиземноморья» (1920), в которой уже были выдвинуты ши-

П. С. Кузнецов

рокомасштабные, не подтвержденные фактами гипотезы, но еще не подвергались сомнению основные постулаты языкоznания, как в более поздних работах Марра.

⁷⁸ В составе литературного отдела Коммунистической академии, возглавлявшегося В.М. Фриче, в 1928 г. была создана подсекция (не секция, как пишет П.С. Кузнецов) материалистической лингвистики. Ее возглавлял формально Н.Я. Марр, а фактически В.Б. Аптекарь.

⁷⁹ Тромбетти Альфредо (1866-1929) – итальянский языковед, автор гипотезы об общем происхождении всех языков мира, которую в то время было невозможно доказать. Идеи А. Тромбетти были популярны в 10-20-х гг., повлияв в частности на Н.Я. Марра.

⁸⁰ Поливанов Евгений Дмитриевич (1891-1938) – крупнейший советский лингвист 20-30-х гг., его характеристику см. ниже в тексте.

⁸¹ «Поливановская» дискуссия в подсекции материалистической лингвистики Коммунистической академии происходила в феврале 1929 г. В результате Е.Д. Поливанов был обвинен в «буржуазности» и «черносотенстве» и был вынужден уехать из Москвы в Самарканд.

⁸² Толстов Сергей Павлович (1907-1976) – археолог, руководитель Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937-1969), член-корреспондент АН СССР с 1953 г., в 1950-1953 директор Института востоковедения АН СССР. В 1942-1966 директор Института этнографии АН СССР. Был активным марристом.

⁸³ Чемоданов Николай Сергеевич (1904-1986) – лингвист-германист, член «Языкофронта», в 1948-1950 декан филологического факультета МГУ, участник дискуссии в «Правде» в 1950 г., где выступал с марристских позиций.

⁸⁴ Городцов Василий Алексеевич (1860-1945) – археолог, профессор МГУ, специалист по палеолиту.

⁸⁵ Арциховский Артемий Владимирович (1902-1978) – археолог, известный раскопками в Новгороде, член-корреспондент АН СССР с 1960 г.

⁸⁶ Брюсов Александр Яковлевич (1885-1966) – археолог, специалист по археологии Европы времен неолита и бронзы.

Автобиография

⁸⁷ Айхенвальд Юлий Исаевич (1872-1928) – литературовед и критик, автор работ по классической русской литературе, выслан за границу в 1922 г.

⁸⁸ Тегнер Э. Сага о Фритьофе / Пер. А.И. Смирницкого и Б.Ю. Айхенвальда. М., 1935 (шведская романтическая поэма начала XIX в.).

⁸⁹ Второй муж Т.Ю. Айхенвальд и ее два брата погибли, сама она после лагеря жила в Казахстане, незадолго до смерти вернулась в Москву, умерла в 1963. См.: Смирницкая О.А. Александр Иванович Смирницкий. М., 2000, с. 24-25.

⁹⁰ Смирницкая Ольга Александровна, ныне профессор МГУ, специалист по истории германских языков и литератур.

⁹¹ Артемов Владимир Алексеевич (1897-1983) – психолог и фонетист, в течение долгого времени возглавлял фонетическую лабораторию Московского государственного педагогического института иностранных языков, автор работ по детской психологии, психологии обучения иностранным языкам, экспериментальной фонетике.

⁹² См. книгу Иосифа Моисеевича Тронского (1897-1970) «Очерки по истории латинского языка» (М.-Л., 1953), с. 161-177.

⁹³ Кисть левой руки Е.Д. Поливанов потерял еще в студенческие годы. По одной версии он положил руку под движущийся поезд для испытания воли, по другой (более вероятной) – потерял кисть руки случайно, при падении с поезда.

⁹⁴ Нирк Бригита – жена Е.Д. Поливанова, сопровождавшая его во всех скитаниях, после ареста мужа также арестована и умерла в лагере в 1946 г. О другой упоминаемой здесь женщине сведений нет.

⁹⁵ Речь идет о рассказе В.А. Каверина «Большая игра» (1926).

⁹⁶ Е.Д. Поливанов был арестован 1 августа 1937 г. во Фрунзее (ныне Бишкек), где жил с 1934 г. Во время следствия содержался в Бутырской тюрьме в Москве, где подвергался пыткам. Осужден как «японский шпион» 25 января 1938 г. и в тот же день расстрелян.

⁹⁷ Речь, по-видимому, идет о Лукомском Иосифе Ильиче (.... –1981), профессоре-психiatре, авторе книг «Лечение хронического алкоголизма» (М., 1960), «Маниакально-депрессивный психоз» (М., 1964).

⁹⁸ Е.Д. Поливанов летом 1929 г. выехал в очередную экспедицию в Узбекистан, где договорился о дальнейшей работе, осенью он вернулся в Москву уже для ликвидации дел. Во Владивостоке он был раньше, в 1926 г.

⁹⁹ Всесоюзный электротехнический институт.

¹⁰⁰ *Данилов* Георгий Константинович (1896-1937) – лингвист, лидер «Языкофронта», подробную его характеристику см. ниже в тексте.

¹⁰¹ *Никифоров* Степан Дмитриевич (1891-1951) – языковед-русилист, в 20-30-е гг. зав. кафедрой русского языка Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, в 1950-1951 зам. директора Института языкоznания АН СССР. Автор неоднократно издававшегося учебника ста-рославянского языка.

¹⁰² Бригадно-лабораторный метод – форма учебных занятий, при которой учащиеся во главе с бригадиром самостоятельно прорабатывают учебный материал и коллективно отчитываются о проделанной работе, роль преподавателя сводится лишь к консультациям. В СССР широко применялся с конца 20-х гг., в 1932 г. отменен.

¹⁰³ *Хвостов* Владимир Михайлович (1905-1972) – историк, специалист по новой истории Запада, академик с 1964 г.

¹⁰⁴ *Брейтбург* Семен Моисеевич (18..-1970) – литературовед, печатался в журнале «Литература и марксизм», автор книг «Ленин и Толстой» (1928), «Плеханов и Толстой» (1928) и др.

¹⁰⁵ Холмский район в настоящее время входит в Новгородскую область.

¹⁰⁶ Основание «Языкофронта» было провозглашено 15 октября 1930 г.

¹⁰⁷ *Ломтев* Тимофей Петрович (1906-1972) – специалист по русскому и общему языкоznанию, автор книг «Исследования в области истории белорусского синтаксиса» (Минск, 1941), «Сравнительная грамматика восточнославянских языков» (М., 1961) и др., теоретические работы собраны в посмертном издании «Общее и русское языкоznание» (М., 1976). Долгое время работал с П.С. Кузнецовым в НИЯЗе, а затем в МГУ (см. упоминания о нем ниже в тексте).

Автобиография

¹⁰⁸ Коммунистический университет трудящихся Востока (1921-1938). Далее в тексте встречается также его сокращенное название – КУТВ.

¹⁰⁹ Бочачер Марк Наумович (1896-1939) – уроженец Румынии, участник революционного движения. В 1938 арестован, расстрелян.

¹¹⁰ Гус Михаил Семенович (1900-1984) – автор книги «Язык газеты» (М., 1926, в соавторстве). Позднее литературовед, автор книги «Гоголь и николаевская Россия» (М., 1957) и др.

¹¹¹ См. примечание 110.

¹¹² Сухотин Алексей Михайлович (1888-1942) – лингвист, профессор Московского городского педагогического института, один из создателей Московской фонологической школы, активный участник языкового строительства, переводчик трудов Ф. де Соссюра и Э. Сепира.

¹¹³ Всесоюзный центральный комитет нового алфавита.

¹¹⁴ Статья опубликована в единственном номере журнала «Революция и язык» (1931).

¹¹⁵ Улица Кирова (Мясницкая), 48 (ныне редакция газеты «Аргументы и факты»).

¹¹⁶ Расторгуев Павел Андреевич (1881-1959) – специалист по белорусскому языку и русским диалектам, автор книг «Белорусская речь в ее современном и прошлом состоянии» (М., 1918-1920), «Северско-белорусский говор» (Л., 1927) и др. В 1934 г. арестован по «делу славистов», с конца 30-х гг. работал в г. Новозыбкове.

¹¹⁷ Бернштейн Самуил Борисович (1911-1997) – языковед-славист, в течение долгого времени заведующий кафедрой славянской филологии МГУ. О его исключении из аспирантуры см. ниже в тексте.

¹¹⁸ Галкина-Федорук Евдокия Михайловна (1898-1965) – языковед-рурист, профессор МГУ.

¹¹⁹ Статья опубликована в вып. 1 издания ВЦКНА «Культура и письменность Востока» (Баку, 1928). Перепечатана в книге: Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

¹²⁰ Перепечатана в той же книге А.А. Реформатского.

П. С. Кузнецов

¹²¹ Группа белорусской интеллигенции, обвиненная в 1930 г. в «буржуазном национализме», в 30-е гг. «нацдемы» подверглись репрессиям, едва ли не все погибли в 1937-1938 гг.

¹²² Селищев А.М. Язык революционной эпохи. М., 1928. Из-за упоминания и цитирования Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева и др. книга многие десятилетия находилась в спецхране и не упоминалась.

¹²³ Московский институт философии, литературы и истории (1930-1941).

¹²⁴ Пулькин Иван Иванович (1903-1941) – поэт, из крестьян, автор поэмы «Машинист Ухтомский» (1926), мало печатался, погиб на войне.

¹²⁵ Чичеров Владимир Иванович (1907-1957) – фольклорист, профессор МГУ, автор книг «Вопросы теории и истории народного творчества» (1959) и др.

¹²⁶ Томсон Александр Иванович (1860-1935) – языковед-индоевропейст и русист, член-корреспондент Академии Наук с 1910 г., профессор университета в Одессе (1897-1932), автор курса «Общее языкоковедение» (1906). Его конфликт с Н.Я. Марром восходит еще к 90-м гг. XIX в., когда Марр резко и несправедливо обругал в печати книгу Томсона «Историческая грамматика современного армянского языка города Тифлиса» (СПб, 1890).

¹²⁷ Ульянов Григорий Константинович (1859-1912) – языковед-славист, ученик Ф.Ф. Фортунатова.

¹²⁸ Пропуск в оригинале текста.

¹²⁹ Зусманович Александр Захарович (1902-1965) – историк-африканист, автор книг «Империалистический раздел Африки» (М., 1959) и др., арестовывался в конце 40-х гг. Уже умер к моменту написания воспоминаний, о чем П.С. Кузнецов очевидно не знал.

¹³⁰ Потехин Иван Изосимович (1903-1964) – историк и этнограф-африканист, первый директор Института Африки АН СССР (1959-1964).

¹³¹ Юшманов Николай Владимирович (1896-1946) – один из крупнейших советских лингвистов 20-30-х гг., арабист, эфиопист, африканист, теоретик языкоznания, член-корреспондент АН СССР с 1943 г.

Автобиография

¹³² Ольдероге Дмитрий Алексеевич (1903-1987) – историк, этнограф, языковед-африканист, основатель советской африканистической школы, член-корреспондент АН СССР с 1960 г.

¹³³ Снегирев Игорь Леонтьевич (1907-1946) – африканист и египтолог, этнограф, языковед, переводчик фольклора. В 1946 г. арестован, умер в лагере.

¹³⁴ Как видно из брошюры П.С. Кузнецова «Яфетическая теория» и из воспоминаний С.Б. Бернштейна, «Языкофронт» самораспустился еще в 1932 г.

¹³⁵ Севортыян Эрванд Владимирович (1901-1978) – языковед-турколог, создатель «Этимологического словаря тюркских языков». Речь идет о статье, опубликованной в газете «За коммунистическое просвещение» (ныне «Учительская газета») 23 ноября 1932 г.

¹³⁶ Ближайший друг автора воспоминаний Владимир Николаевич Сидоров (1903-1968) был арестован в 1934 г. по «делу славистов», после недолгого пребывания в лагере и пятилетней ссылки освобожден с запрещением проживать в крупных городах, вернулся в Москву лишь в 1944 г.

¹³⁷ Левин Владимир Давидович, в 70-е гг. эмигрировал, умер в ФРГ.

¹³⁸ Речь, по-видимому, идет о книге: Никифоров С.Д., Данилов Г.К., Павлович А.И., Бугославский С.А. Рабочая книга по языку для второй ступени педтехникумов, рабфаков и комвузов. М., 192... В книге приводятся два отрывка из выступлений Л.Д. Троцкого: на стр. 78-79 (в разделе С.Д. Никифорова) и на стр. 259-260 (в разделе Г.К. Данилова). О переиздании книги данных нет.

¹³⁹ Как рассказывали дети Г.К. Данилова, события были несколько иными. История с гибелью детей во время купанья произошла летом 1936 г., по суду Г.К. Данилов за халатность получил 2 года условно и переведен в сельскую школу около Рязани. Арестован же он был 30 апреля 1937 г. по обвинению в «участии в троцкистской организации», и 29 июля 1937 г. расстрелян. См. Ашинин Ф.Д., Аллатов В.М. Георгий Константинович Данилов – один из первых советских африканистов // Восток, 1994, № 2.

П. С. Кузнецов

¹⁴⁰ *Булаховский Леонид Арсеньевич* (1888-1961) – украинский языковед-славист, член-корреспондент АН СССР с 1946 г. Участник дискуссии 1950 г. в «Правде», выступал против марризма.

¹⁴¹ *Курило Елена (Олена) Борисовна* (1890-?) – украинский языковед, до 1933 в Киеве, затем в Москве, арестована в 1938 г., в лагере до 1946 г., дальнейшая судьба неизвестна.

¹⁴² П.С. Кузнецов был автором ряда разделов и ответственным редактором книги: *Пулькина И.М. Краткий справочник по русской грамматике* (6 изданий в 1939-1961).

¹⁴³ Такая помета есть лишь в первом издании «Словаря иностранных слов» 1937 г. Позднее она по каким-то причинам исчезла.

¹⁴⁴ Перепечатана в книге: *Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии*. М., 1970.

¹⁴⁵ *Кузнецов П.С., Спорова А.М. Русско-коми-пермяцкий словарь*. Кудымкар, 1946.

¹⁴⁶ *Бубрих Дмитрий Владимирович* (1890-1949) – видный финно-угровед и славист, создатель школы советских финно-угроведов, член-корреспондент АН СССР с 1946 г., умер от сердечного приступа, не выдержав травли марристов. В период «Языкофронта» П.С. Кузнецов резко критиковал Д.В. Бубриха за «ярко выраженное буржуазное индоевропейское направление».

¹⁴⁷ Труды виднейшего русского литературоведа Александра Николаевича *Веселовского* (1838-1906) были в 1948 г. по команде сверху объявлены «реакционными» и «космополитическими», а его последователи (В.Ф. Шишмарев, В.М. Жирмунский и др.) подверглись «проработке».

¹⁴⁸ *Винокур Григорий Осипович* (1896-1947) – крупный языковед-русист. *Гудзий Николай Каллиникович* (1887-1965) – литературовед, специалист по древнерусской литературе, творчеству Л.Н. Толстого, украинской литературе, профессор МГУ, деканом филологического факультета был в 1941-1945 гг.

¹⁴⁹ Профессором МГУ П.С. Кузнецов был до дня смерти 21 марта 1968 г.

Автобиография

¹⁵⁰ «Пандекты» – правила монашеской жизни, составленные византийским монахом XI в. Никоном Черногорцем; в России переводы «Пандектов» известны во многих списках с ХП в.

¹⁵¹ Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р.И. Аванесова. Ч. I-II. М., 1957.

¹⁵² Эти «дискуссии» проходили на совместных учёных советах двух академических институтов: Института языка и мышления им. Н.Я. Марра (в Ленинграде с филиалом в Москве) и Института русского языка (в Москве с филиалом в Ленинграде) начиная с октября 1948 г. Обзор П.С. Кузнецова был лишь одним из дополнительных поводов, главную роль играла спущенная после лысенковской сессии ВАСХНИЛ директива искать во всех областях науки «менделистов-вейсманистов-морганистов», использованная последователями Марра.

¹⁵³ Кузнецов П.С. Обзор трудов по русскому и славянскому языкоznанию в изданиях вузов за последние годы // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1947. №4.

¹⁵⁴ См., например: Филин Ф.П. О двух направлениях в языковедении // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1948. №6. С. 486-496. Перепечатано в книге: Горбаневский М.В. В начале было слово... М., 1991. С. 191-198.

¹⁵⁵ Член-корреспондент АН СССР (с 1958 г.) Рубен Иванович Аванесов (1902-1982) в 30-40-е гг. был близким другом П.С. Кузнецова и соратником по Московской фонологической школе. В 50-е гг. Р.И. Аванесов отошел от этой школы и предложил новую фонологическую концепцию, полнее всего сформулированную в книге «Фонетика современного русского литературного языка» (1956). П.С. Кузнецов не принял эту концепцию, считая ее результатом компромисса под давлением извне; этим объясняется и прохладное отношение к Р.И. Аванесову в воспоминаниях.

¹⁵⁶ Оценка Н.С. Чемоданова как марриста не вполне точна. Он не был таковым до 1947-1948 гг., когда его книга «Введение в языковедение» (совместно с Р.О. Шор) была жестко раскритикована марристом

П. С. Кузнецов

Г.П. Сердюченко. После этого Н.С. Чемоданов покаялся и примкнул к марристскому лагерю.

¹⁵⁷ Институт языкоznания АН СССР был образован в 1950 г. после слияния Института языка и мышления им. Н.Я. Марра и Института русского языка (позднее Институт русского языка был вновь организован). П.С. Кузнецов работал в нем с 1950 по 1960 г., когда ввиду запрещения совместительства он сосредоточился на работе в МГУ.

¹⁵⁸ Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959. Кузнецов П.С. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.

¹⁵⁹ Впоследствии дочь П.С. Кузнецова вышла замуж за гражданина Португалии и сейчас живет за границей.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
И СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

С. И. Гиндин, Э. В. Серебрякова

**Материалы к библиографическому указателю
печатных работ А. Я. Шайкевича**

1961—2003*

От составителей

Предлагаемая попытка «исчислить» печатные труды А.Я. Шайкевича заведомо неполна. Составители ограничились отражением лишь тех публикаций, с которыми они имели возможность ознакомиться *de visu* во время работы над указателем. Из-за ограничения доступа к фондам Российской государственной библиотеки не были отражены даже некоторые из тех работ, о существовании которых составителям известно по прежнему опыту или по ссылкам в печати (исключение сделано лишь для работы 1978.1). Впрочем, применительно к периоду, обозначенному в подзаголовке, потери не так велики – помимо зарубежных публикаций, это преимущественно тезисы докладов и некоторые из переизданий тех учебных пособий¹, что отражены в предлагаемом списке в других изданиях.

* Составление указателя осуществлено в рамках работ по проекту «Диахроническая динамика текста и принципы формирования надтекстовых единиц» (Грант РФФИ 03-06-80145).

¹ Напр., помеченные 1971 г. переиздания вып. 1-3 «Истории языкоznания». См.: Малинская Б.А., Шабат М.Ц. Общее и прикладное языкоznание. Указатель лит.: 1968-1977. Т. 1. М., 1981. С. 68.

С. И. Гиндин, Э. В. Серебрякова

Более серьезным пробелом является отсутствие в указателе работ, опубликованных А.Я. Шайкевичем до 1961 г.² Впрочем, это вынужденное ограничение отчасти является содержательно оправданным, так как сам А.Я. Шайкевич, по-видимому, считает 1961 год не только «ключевым для развития» близкого ему научного направления, но и началом собственного в нем активного участия: «... уже в ноябре на Межвузовской конференции по применению структурных и статистических методов исследования словарного состава языка демонстрировалась большая семантическая карта, отражающая связи нескольких сот слов»³. В том, что наши «Материалы ... » открываются именно тезисами упомянутого доклада 1961 г., есть тем самым определенная историографическая логика.

Расположение описаний в основной части «Материалов...» внутри хронологическое – по годам издания. Внутри года описания расположены и пронумерованы по алфавиту заглавий. Описания выполнены в соответствии с ГОСТом 1984 г. Сведения о соавторах приводятся в зоне примечаний.

Для книг и больших статей дается частичное раскрытие содержания (при описании первого издания).

Раздельно изданные части одной работы, переиздания, а также тезисы и полные публикации связываются взаимными ссылками. Порядковый номер описания при отсылке к нему слагается из года публикации и – после точки – номера описания внутри данного года.

За основной частью следуют вспомогательный алфавитный ключ заглавий публикаций А.Я. Шайкевича и список его соавторов. В «Приложении» к основной части указателя отражены известные составителям авторефераты кандидатских диссертаций, выполненных под руководством А.Я. Шайкевича.

² Часть из них отражена в указателе: Ашнин Ф.Д., Дебец Н.П., Ижевская М.Г. и др. Общее языкознание: Библиографич. указатель. М.: Наука, 1965.

³ Шайкевич А.Я. Дистрибутивно-статистический анализ текстов: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / Ленинград. ун-т. Л., 1982. С. 7–8. Упоминаемая карта была вложена (не вклеена!) в статью 1963.2.

Печатные работы А. Я. Шайкевича

1961

1. Распределение слов в тексте и выделение семантических полей языка // Тезисы докладов Межвузовской конф. по применению структурных и статистических методов исследования словарного состава языка / Моск. пед. ин-т иностр. языков.— М., 1961.— С. 80-81.

Полную публикацию работы см.: [1963.2](#).

1963

1. История языкознания: Пособие для студентов-заочников. — Ч. 1 / Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1963. — 65 с. — Совместно с Р.М. Венцковичем.

Из содерж.: Лекция 1. Языкознание до XIX века. — Лекция 2. Сравнительно-историч. метод в языкознании. — Лекция 3. Лингвистические взгляды Гумбольдта.

Другие изд. см.: [1968.1](#); [1969.1](#); [1974.2](#).

Первые изд. других частей пособия см.: [1964.1](#); [1966.1](#); [1968.3](#); [1968.4](#).

2. Распределение слов в тексте и выделение семантических полей языка // Иностранные языки в высшей школе. Вып. 2.— М.: Росиздат, 1963.— С. 14-26 + схема-вкладка.

Тезисы данной работы см.: [1961.1](#).

1964

1. История языкознания: Пособие для студентов-заочников. — Вып. 2 / Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1964. — 68 с. — Совместно с Р.М. Венцковичем.

Из содерж.: Лекция 4. Натуралистическое направление. Сравнительно-историч. языкознание в середине XIX века. — Лекция 5. Психологич. направление в языкознании.

С. И. Гиндин, Э. В. Серебрякова

Другие изд. см.: [1968.2](#); [1969.2](#); [1974.3](#).

Первые изд. других частей пособия см.: [1963.1](#); [1966.1](#); [1968.3](#); [1968.4](#).

1965

1. Тексты к курсу «Общее языкознание» (О[тделение] п[рикладной] л[ингвистики]): Романские языки / Сост. А.Я. Шайкевич / [Моск. пед. ин-т иностр. языков]. — [М., 1965]. — 172 с.

Из содерж.: Краткий сравнительный словарь романских языков.

С. 115-166; Русский указатель к словарю. С. 167-172.

Описано по экз. из собрания С.И. Гиндина.

1966

1. История языкоznания: Пособие для студентов-заочников. — Вып. 3 / Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1966. — 167 с. — Совместно с Р.М. Венцковичем.

Из содерж.: Лекция 6. Младограмматич. направление. — Лекция 7. Московская и Казанская лингвистич. школы. — Лекция 8. И.А. Бодуэн де Куртенэ.

Другие изд. см.: [1970.3](#); [1974.4](#).

Первые изд. других частей пособия см.: [1963.1](#); [1964.1](#); [1968.3](#); [1968.4](#).

2. Опыт статистического выделения стилей // Межвузовская конф. по вопросам частотных словарей и автоматизации лингвостатистических работ: Тезисы докл. и сообщ. / Ленингр. ун-т. — Л., 1966. — С. 78.

См. статью [1968.5](#).

3. Статистика и стилистическая классификация текстов // Всесоюзная конф. по вопросам классич. филологии: Тезисы докладов. — Т. 3. — Киев, 1966. — С. 27-29.

См. статью [1979.1](#).

1967

1. [Рец. на кн.:] Статистичні параметри стилів. — Київ: Наукова думка, 1967 // Мовознавство. — 1967. — С. 86-89.

1968

1. История языкоznания: Пособие для студентов-заочников. — Ч. 1 / [Изд. 2-е]; Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1968. — 69 с. — Совместно с Р.М. Венцковичем.

Другие изд. см.: [1963.1](#); [1969.1](#); [1974.2](#).

Первые изд. других частей пособия см.: [1964.1](#); [1966.1](#); [1968.3](#); [1968.4](#).

2. История языкоznания: Пособие для студентов-заочников. — Ч. 2 / [Изд. 2-е]; Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1968. — 84 с. — Совместно с Р.М. Венцковичем.

Другие изд. см.: [1964.1](#); [1969.2](#); [1974.3](#).

Первые изд. других частей пособия см.: [1963.1](#); [1966.1](#); [1968.3](#); [1968.4](#).

3. История языкоznания: Пособие для студентов-заочников. — Вып. 4 / Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1968. — 100 с. — Совместно с Р.М. Венцковичем.

Из содерж.: Лекция 9. Р. Мерингер и «школа слов и вещей». Г. Шухардт. — Лекция 10. Эстетическая школа в языкоznании. — Лекция 11. Лингвистическая география. Неолингвистика.

Другие изд. см.: [1974.5](#).

Первые изд. других частей пособия см.: [1963.1](#); [1964.1](#); [1966.1](#); [1968.4](#).

4. История языкоznания: Пособие для студентов-заочников. — Вып. 6 / Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1968. — 205 с. — Совместно с Р.М. Венцковичем.

Из содерж.: Лекция 13. Пражский структурализм. — Лекция 14. Копенгагенский структурализм. — Лекция 15. Амер. языкоznание в 20-х — 30-х гг. XX в. — Лекция 16. Развитие дескриптивной лингвистики в 40-х — 60-х гг. XX в.

В «Предисловии» авторов данный выпуск назван пятым, а не шестым. В сплошной авторской нумерации отсутствует лекция 12, которую, очевидно, предполагалось посвятить Ф. де Соссюру. Вместо нее было выпущено отдельное пособие другого автора: *Слюсарева Н.А. Ис-*

С. И. Гиндин, Э. В. Серебрякова

тория языкоznания. — Вып. 5: Лингвистическая теория Ф. де Сосюра / Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1968. — 65 с.

Другие изд. см.: 1970.4; 1974.6.

Первые изд. других частей пособия см.: 1963.1; 1964.1; 1966.1; 1968.3.

5. Опыт статистического выделения функциональных стилей // Вопросы языкоznания. — 1968. — № 1. — С. 64-76.

Ср. тезисы 1966.2.

1969

1. История языкоznания: Пособие для студентов-заочников. — Ч. 1 / [Изд. 3-е]; Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1969. — 76 с. — Совместно с Р.М. Венцковичем.

Другие изд. см.: 1963.1; 1968.1; 1974.2.

Первые изд. других частей пособия см.: 1964.1; 1966.1; 1968.3; 1968.4.

2. История языкоznания: Пособие для студентов-заочников. — Ч. 2 / [Изд. 3-е]; Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1969. — 86 с. — Совместно с Р.М. Венцковичем.

Другие изд. см.: 1964.1; 1968.2; 1974.3.

Первые изд. других частей пособия см.: 1963.1; 1966.1; 1968.3; 1968.4.

3. Корреляционный анализ в лингвостатистике и понятие интервала текста // Вопросы лингвостатистики и автоматизации лингвистических работ. — Вып. 2. — М., 1969. — С. 254-271. — (Труды Центр. НИИ патентной информации. Серия 3).

4. О путях развития лингвостатистики // Проблемы прикладной лингвистики: Тезисы межвуз. конф. — Ч. 2 / Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1969. — С. 347-350.

5. [Рец. на кн.:] Андреев Н.Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л.: Наука, 1967 // Филологические науки. — 1969. — № 3. — С. 122-128.

1970

- 1.** Дистрибутивно-статистическое описание патентных текстов // Вопросы лингвостатистики и автоматизации лингвистических работ. — Вып. 4. — М., 1970. — С. 77-230. — (Труды Центр. НИИ патентной информации. Серия 3). — В соавторстве с *Н.С. Ивановой*.
- 2.** Интервал текста и характер статистических распределений языковых единиц // Вопросы лингвостатистики и автоматизации лингвистических работ. — Вып. 3. — М., 1970. — С. 15-22. — (Труды Центр. НИИ патентной информации. Серия 3).

3. История языкознания: Пособие для студентов-заочников. Вып. 3 / [Изд. 2-е]; Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1970. — 174 с. — Составлено с *Р.М. Венцковичем*.

Другие изд. см.: 1966.1; 1974.4.

Первые изд. других частей пособия см.: 1963.1; 1964.1; 1968.3; 1968.4.

4. История языкознания: Пособие для студентов-заочников. Вып. 6 / [Изд. 2-е]; Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1970. — 210 с. — Составлено с *Р.М. Венцковичем*.

Другие изд. см.: 1968.4; 1974.5.

Первые изд. других частей пособия см.: 1963.1; 1964.1; 1966.1; 1968.3.

5. Русские личные имена XX в.: (По материалам ЗАГСа Фрунзенского района г. Москвы) // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. — М.: Наука, 1970. — С. 84-91.

6. Средняя и дисперсия как критерии классификации слов // Вопросы лингвостатистики и автоматизации лингвистических работ. — Вып. 3. — М., 1970. — С. 22-30. — (Труды Центр. НИИ патентной информации. Серия 3).

1971

- 1.** Статистическая морфемная сегментация на списке слов // Автоматическая переработка текста методами прикладной лингвистики: Материалы Всесоюзной конф. / Кишиневский политех. ин-т. — Кишинев, 1971. — С. 216-217. — В соавторстве с *А.Х. Пиквер*.

1974

1. Дисперсионный анализ лексики шекспировских комедий // Сборник науч. трудов / Моск. пед. ин-т иностр. языков. — 1974. — Вып. 81. — С. 142-174.

2. История языкознания: Пособие для студентов-заочников. Вып. 1 / [Изд. 4-е]; Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1974. — 127 с. — Совместно с Р.М. Венцковичем.

Другие изд. см.: 1963.1; 1968.1; 1969.1.

Первые изд. других частей пособия см.: 1964.1; 1966.1; 1968.3; 1968.4.

3. История языкознания: Пособие для студентов-заочников. Вып. 2 / [Изд. 4-е]; Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1974. — 95 с. — Совместно с Р.М. Венцковичем.

Другие изд. см.: 1964.1; 1968.1; 1969.1.

Первые изд. других частей пособия см.: 1963.1; 1966.1; 1968.3; 1968.4.

4. История языкознания: Пособие для студентов-заочников. Вып. 3 / [Изд. 3-е]; Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1974. — 169 с. — Совместно с Р.М. Венцковичем.

Другие изд. см.: 1966.1; 1970.3.

Первые изд. других частей пособия см.: 1963.1; 1964.1; 1968.3; 1968.4.

5. История языкознания: Пособие для студентов-заочников. Вып. 4 / [Изд. 2-е]; Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1974. — 113 с. — Совместно с Р.М. Венцковичем.

Другие изд. см.: 1968.3.

Первые изд. других частей пособия см.: 1963.1; 1964.1; 1966.1; 1968.4.

6. История языкознания: Пособие для студентов-заочников. Вып. 6 / [Изд. 3-е]; Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1974. — 223 с. — Совместно с Р.М. Венцковичем.

Другие изд. см.: 1968.4; 1970.4.

Первые изд. других частей пособия см.: 1963.1; 1964.1; 1966.1; 1968.3.

Материалы к указателю работ А. Я. Шайкевича

В «Предисловии» авторов, как и в предыдущих изданиях данного выпуска, указано, что авторы сознательно не включают в свое пособие Лондонскую школу структурализма и что «развитие структурализма в СССР» они рассмотрят в выпуске по истории советского языкоznания. В том же 1974 году в МГПИИЯ без нумерации вып. была издана кн.: Ольховиков Б.А. История языкоznания: Лондонская лингвистическая школа (Пособие для студентов) / Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1974. В 1976 г. как вып. 7 «Истории языкоznания» тем же институтом выпущена книжка Н.А. Слюсаревой и В.С. Страховой о советском языкоznании.

1976

1. Выделение классов слов и парадигм посредством дистрибутивно-статистического метода: (на материале комедий Шекспира) // [Машинный перевод и] Прикладная лингвистика. — 1976. — Вып. 18. — С. 96-134.

2. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике // Принципы и методы семантических исследований. — М.: Наука, 1976. — С. 353-378.

1978

1. О естественных классах в лингвистике // Научные труды / Моск. пед. ин-т иностр. языков. — 1978. — Вып. 125.

Работа описана по авторскому списку, приложенному к работе 1982.1.

2. Позиционный анализ поэтической строфы // Ученые записки Тартуского ун-та. — 1978. — Вып. 453. — Linguistica. — [Вып.] 10. — С. 96-114.

На материале английского сонета елизаветинской эпохи и онегинской строфы.

1979

1. Дифференциация статистических классификаций текстов // Ученые записки Тартуского ун-та. — 1979. — Вып. 502. — Linguistica. — [Вып.] 11. — С. 102–106

На материале греческого текста Нового Завета. Ср. тезисы 1966.3.

С. И. Гиндин, Э. В. Серебрякова

1980

1. Гипотезы о естественных классах и возможность количественной таксономии в лингвистике // Гипотеза в современной лингвистике. — М.: Наука, 1980. — С. 319-356, 382 (библиогр.).

Содерж.: Количество. таксономия европейских языков. — Количество. таксономия текстов. — Части речи как естеств. классы слов. — Классы и поля в семантике.

2. [Перевод с английского языка статьи:] Смит Дж. Б. Тематическая структура и тематическая сложность // Новое в зарубежной лингвистике. — 1980. — Вып. 9. — С. 333-355.

1981

1. Возможности автоматической классификации текстов // Машинный перевод и прикладная лингвистика. — 1981. — Вып. 19. — С. 73-96.

2. [Рец. на кн.:] Англо-русский синонимический словарь / Под руководством А.И. Розенмана и Ю.Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1979 // Известия АН СССР. — Серия лит. и языка. — 1981. — Т. 40. — № 5. — С. 474-476.

1982

1. Дистрибутивно-статистический анализ текстов: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / Ленингр. гос. ун-т. — Л., 1982. — 35 с.

1983

1. Проблемы терминологической лексикографии. — М., 1983. — 67 с. — (Всесоюзный центр переводов. Обзорная информация. Вып. 8).

Из содерж.: Гл. 1. Терминоведение и терминологич. лексикография; 1.1. Направления в теории терминологии; 1.2. Терминоведение и языковедение; <...> 1.4. Стандартизация терминологии и лексикография. — Гл. 2. Общая лексикография и терминологич. словари. — Гл. 3. Практика терминологич. лексикографии.

1986

1. [Выступление в дискуссии о Машинном фонде русского языка] // Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. — М.: Наука, 1986. — С. 226-230.

Машинный фонд как хранилище и как инициатор научной деятельности. Соотношение текстов и словарей в Машинном фонде. Процедура определения степени соответствия текста с различными словарями. Польза для исследователя от самостоятельного введения текстов в компьютер. Три типа источников для построения выборки текстов для машинного фонда: полные тексты, небольшие отрывки по 100-200 слов и отдельные «интересные примеры» на слова, не попавшие в две другие части выборки.

2. Современное состояние научно-технической лексикографии. — М., 1986. — 94 с. — (Всесоюзный центр переводов. Обзорная информация. Вып. 12). — В соавторстве с *М.Б. Бергельсон*.

Содерж.: Раздел 1. Библиометрический обзор терминологич. лексикографии (1950-1979). — Раздел 2. Отношение переводчиков и научных работников к словарям. — Раздел 3. Библиография специализир. словарей.

Как указано на с. 4, М.Б. Бергельсон участвовала в сборе материала для раздела 3. Текст разделов 1-2 полностью написан А.Я. Шайкевичем.

1987

1. Переводная книга в современном мире: (Библиометрический анализ) // Научно-технический перевод. — М.: Наука, 1987. — Гл. 2. — С. 10-30.

1994

1. В.В. Виноградов и современная семасиология // Русистика сегодня. — 1994. — № 3. — С. 50-56.

1995

1. Введение в лингвистику: Учебное пособие / Рос. открытый университет. — М., 1995. — 302 с.

С. И. Гиндин, Э. В. Серебрякова

Из содерж.: Гл. 1. Фонетика. — Гл. 2. Письмо. — Гл. 3. Грамматика. — Гл. 4. Лексикология. — Гл. 5. Внешние условия существования языка. — Гл. 6. Генетическая лингвистика.

2. Компоненты речевой характеристики персонажей: (Анализ индивидуальных статистических словарей) // Филологический сборник: (К 100-летию со дня рожд. В.В. Виноградова) / Ин-т рус. яз. РАН. — М., 1995. — С. 393-401.

3. Конкорданс к прозаическому тексту: (К выходу в свет конкорданса к «Преступлению и наказанию») // Русистика сегодня. — 1995. — № 2. — С. 5-30.

1996

1. Дифференциальные частотные словари и изучение языка Достоевского: (На примере романа «Идиот») // Слово Достоевского / Ин-т рус. яз. РАН. — М., 1996. — С. 195-253.

2. Социальная окраска имени и его популярность // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т.Г. Винокур. — М.: Наука, 1996. — С. 265-280.

Сокращ. переизд. см.: [2003.3](#).

1999

1. Пушкин и Мицкевич: (Опыт лексического сравнения) // Известия Академии Наук. — Серия лит. и языка. — 1999. — Т. 58. — № 3. — С. 60-70.

Продолжение см.: [2003.2](#).

2. Ремарки Достоевского // Язык. Культура. Гуманитарное знание. — М.: Научный мир, 1999. — С. 320-332.

2000

1. [Рец. на кн.:] Русский семантический словарь. Т. 1 / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998 // Известия Академии наук. — Серия лит. и языка. — 2000. — Т. 59. — № 5. — С. 66-70. — В соавторстве с С.Д. Шеловым.

Переизд. см.: [2001.1](#).

2001

1. О первом томе «Русского семантического словаря» // Русский язык: Еженедельное прилож. к газете «Первое сентября». — 2001. — № 5. — С. 8-11. — В соавторстве с С.Д. Шеловым.
Переизд. (с изменениями) работы 2000.1.
2. О Статистическом словаре Достоевского // Русский язык в научном освещении. 2001. — № 2. — С. 122-149.
3. Contrastive and comparable corpora: quantitative aspects // Int. Journal of Corpus linguistics. — 2001. — v. 6. — № 2. — P. 229-255.

2002

1. Семантические миры Достоевского // Проблемы семантического анализа лексики: Тезисы докл. Междунар. конф. / Ин-т рус.языка РАН. — М., 2002. — С. 113-114.

2003

1. Семантические сети в поэзии: (Пушкин и Мицкевич) // 13. Mednarodni Slavistiini Kongres. Zbornik povzetkov. 1. del Jezikoslovje. Ljubljana, 2003. — S. 216.
Полную публикацию см.: 2003.2.
2. Сеть семантических текстуальных связей в поэзии Пушкина и Мицкевича // Славянское языкоzнание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2003. — С. 576-588.
Данная статья продолжает работу 1999.1. Тезисы см.: 2003.1.
3. Социальная окраска имени и его популярность // Русский язык: Еженедельная газета. — 2003. — № 24. — С. 3-4.
Сокращенная версия статьи 1996.2.

Алфавитный ключ заглавий

В.В. Виноградов и современная семасиология 1994.1.
Введение в лингвистику: Учебное пособие 1995.1.
Возможности автоматической классификации текстов 1981.1.
Выделение классов слов и парадигм посредством дистрибутивно-статистического метода: (на материале комедий Шекспира) 1976.1.
[Выступление в дискуссии о Машинном фонде русского языка] 1986.1.
Гипотезы о естественных классах и возможность количественной таксономии в лингвистике 1980.1.
Дисперсионный анализ лексики шекспировских комедий 1974.1.
Дистрибутивно-статистический анализ в семантике 1976.2.
Дистрибутивно-статистический анализ текстов: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук 1982.1.
Дистрибутивно-статистическое описание патентных текстов 1970.1.
Дифференциальные частотные словари и изучение языка Достоевского: (На примере романа «Идиот») 1996.1.
Дифференциация статистических классификаций текстов 1979.1.
Интервал текста и характер статистических распределений языковых единиц 1970.2.
История языкознания: Пособие для студентов-заочников. Ч. 1 1963.1, 1968.1; 1969.1; 1974.2.
История языкознания: Пособие для студентов-заочников. Ч. 2 1964.1; 1968.2; 1969.2; 1974.3.
История языкознания: Пособие для студентов-заочников. Вып. 3 1966.1; 1970.3; 1974.4.
История языкознания: Пособие для студентов-заочников. Вып. 4 1968.3; 1974.5.
История языкознания: Пособие для студентов-заочников. Вып. 6 1968.4; 1970.4; 1974.6.
Компоненты речевой характеристики персонажей: (Анализ индивидуальных статистических словарей) 1995.2.
Конкорданс к прозаическому тексту: (К выходу в свет конкорданса к

Материалы к указателю работ А. Я. Шайкевича

- «Преступлению и наказанию») 1995.3.
Корреляционный анализ в лингвостатистике и понятие интервала текста 1969.3.
О естественных классах в лингвистике 1978.1.
О первом томе «Русского семантического словаря» 2000.1; 2001.1.
О путях развития лингвостатистики 1969.4.
О Статистическом словаре Достоевского 2001.2.
Опыт статистического выделения стилей 1966.2.
Опыт статистического выделения функциональных стилей 1968.5.
[Перевод с английского языка статьи:] Смит Дж. Б. Тематическая структура и тематическая сложность 1980.2.
Переводная книга в современном мире: (Библиометрический анализ) 1987.1.
Позиционный анализ поэтической строфы 1978.2.
Проблемы терминологической лексикографии 1983.1.
Пушкин и Мицкевич: (Опыт лексического сравнения) 1999.1.
Распределение слов в тексте и выделение семантических полей языка 1961.1; 1963.2.
Ремарки Достоевского 1999.2.
Рецензии: 1967.1; 1969.5; 1981.2; 2001.1.
Русские личные имена ХХ в.: (По материалам ЗАГСа Фрунзенского района г. Москвы) 1970.5.
Семантические миры Достоевского 2002.1.
Семантические сети в поэзии: (Пушкин и Мицкевич) 2003.1.
Сеть семантических текстуальных связей в поэзии Пушкина и Мицкевича 2003.2.
Современное состояние научно-технической лексикографии 1986.2.
Социальная окраска имени и его популярность 1996.2; 2003.3.
Средняя и дисперсия как критерии классификации слов 1970.6.
Статистика и стилистическая классификация текстов 1966.3.
Статистическая морфемная сегментация на списке слов 1971.1.
Тексты к курсу «Общее языкознание»: Романские языки 1965.1.
Contrastive and comparable corpora: quantitative aspects 2001.3.

С. И. Гиндин, Э. В. Серебрякова

Список соавторов

М.Б. Бергельсон 1986.2.

Р.М. Венцкович 1963.1; 1964.1; 1966.1; 1968.1; 1968.2; 1968.3; 1968.4;
1969.1; 1969.2; 1970.3; 1970.4; 1974.2; 1974.3; 1974.4; 1974.5; 1974.6.

Н.С. Иванова 1970.1.

А.Х. Пиквер 1971.1.

С.Д. Шелов 2000.1; 2001.1.

Приложение

Авторефераты кандидатских диссертаций, выполненных под руководством А.Я. Шайкевича

1. Абрамова Н.И. Проблемы дифференциации поэтической лексики: (Опыт статистич. изучения франц. поэзии XIX века) / Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1974. — 27 с.

2. Гурджеева Е.А. Элементарный звуковой символизм: (Статистич. исследование) / Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1973. — 30 с.

3. Каджазнуни Л.К. Статистический анализ индивидуального стиля / Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1970. — 30 с.

4. Маршакова И.В. Формальные классификации динамического документального массива / Всесоюзн. ин-т научно-технич. информации. — М., 1974. — 26 с.

5. Пиквер А.Х. О применении дистрибутивно-статистического метода в морфемике: (На материале англ. языка) / Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1973. — 26 с.

6. Прицкер А.И. Опыт дистрибутивно-статистического описания семантики языка: (На материале поэзии англ. романтизма) / Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1974. — 39 с.

7. Тетерина Т.С. Становление научного стиля английского языка / Моск. пед. ин-т иностр. языков. — М., 1973. — 23 с.

Московский лингвистический журнал / Гл. ред. С. И. Гиндин.–
М.: Издательский центр РГГУ, 2002. Том 7. № 1. 268 с.

Этот номер журнала посвящен юбилею А.Я. Шайкевича. Большинство статей посвящено темам и областям, входящим в круг научных интересов этого выдающегося языковеда: лингвостатистике, исторической ономастике, корпусной лингвистике, применению компьютеров в филологических исследованиях, истории языкоznания. Особую ценность представляет публикация мемуаров крупнейшего представителя московской лингвистической школы П.С. Кузнецова. Завершают номер материалы к указателю трудов А.Я. Шайкевича.

Выпуски «Московского лингвистического журнала» можно приобрести в магазине «У кентавра» (ул. Чаянова, д. 15), а также непосредственно в Институте лингвистики РГГУ (Миусская пл. 6, корпус 2, к. 309, 314, 315; электронный адрес редакции tjourn@rambler.ru)

Иногородние читатели могут заказать журнал через отдел платных услуг Научной библиотеки РГГУ (095-250-65-79 Т. П. Самойленко)

Зарубежные библиотеки и университеты могут получать журнал в порядке книгообмена с Научной библиотекой РГГУ.

Оригинал-макет подготовлен в Институте лингвистики РГГУ на технике, приобретенной по гранту, предоставленному РГНФ по итогам конкурса «Развитие материально-технической базы научных журналов» (2000 г.)
Оператор компьютерной верстки Н.Г. Семенова
Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета,
125267 Москва, Миусская пл., 6
Отпечатано в типографии РГГУ

ЛР № 020219, выд. 25.09.96
Подписано в печать 22.09.2003 Формат 60x90/16 Усл. печ.л. 16,0
Гарнитура Arial Cyr Тираж 500 экз. Заказ №